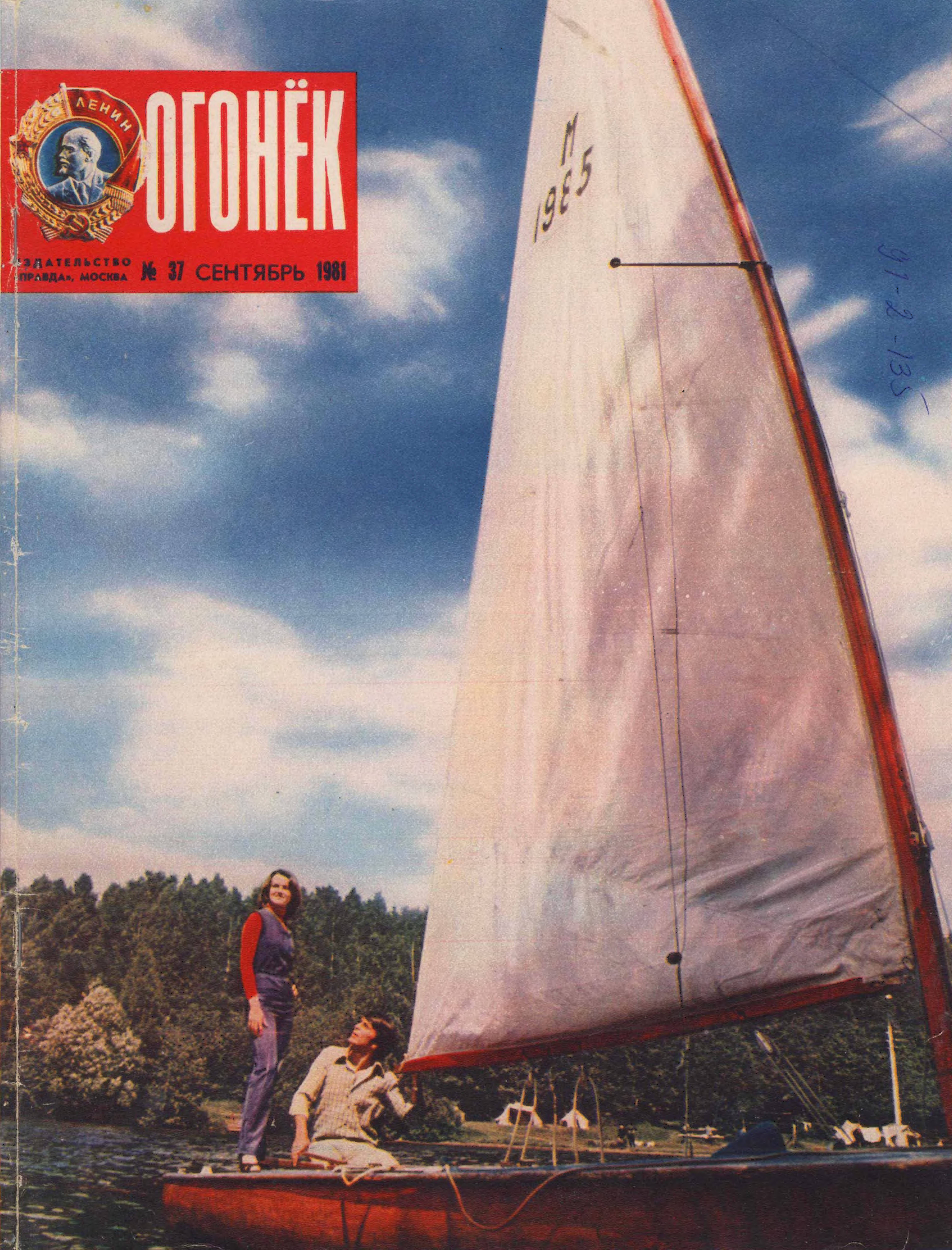

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 37 СЕНТЯБРЬ 1981

Ц Е Л И Н Н Ы Й

Комбайнер Виктор Шерстогов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 37 (2826)

12 СЕНТЯБРЯ 1981

© Издательство «Правда», «Огонек», 1981

Совхоз «Александровский». Пионерское «спасибо» папам!

урожай-81

ХАРАКТЕР

Вот он, хлеб нового урожая.

Юрий ЛУШИН,
сборкор «Огонька»
Фото автора

Этого дня ждали в совхозе «Александровский» долго, почитай, с весны. Да, с того самого времени ждали, когда, бросив семена в пашню и взглянув на небо (теперь бы дождичка!), увели хлеборобы с полей сеялки. И грянули как по заказу теплые грозы, и дружно пошли в рост всходы, и обрадовалась им душа земледельца, предчувствуя — быть большому хлебу. И быть бы ему, непременно быть, если бы не засуха, небывалая по продолжительности и жестокости. За два с лишним месяца, а в иных хозяйствах Кустанайщины и за все три не упало ни единой капли влаги на ниву, наливавшую колос. Жара стояла под 40, а иногда и за 40 градусов, и ночи не приносили пролады, и не было утром росы. Земля пошла трещинами, рвавшими корневую систему растений (я видел эти трещины, в некоторые рука уходила по локоть). Земле снился шепот дождей, а их все не было. Люди с тревогой смотрели на посевы, но помочь им ничем уже не могли. И тогда стало понятно, что нужно готовиться к трудной жатве.

Дождь пошел, когда его не ждали и когда он был уже не нужен. Не дождь даже, а сума-

Работники кустанайского элеватора довольны — зерно отличное!

сшедший ливень с градом, со шквальным ветром, скрутившим и кое-где повалившим хлеба. Затем вновь наступила великая сушь. Природа словно специально испытывала характер земледельца — целинный характер. «Целинник — фигура историческая», — пишет в своей книге «Целина» Леонид Ильич Брежнев, — определявшая собой героическое время. Этим словом обозначен особый характер, обусловленный потребностью времени. Я вновь вспоминаю эти слова, стоя на краю того, побитого градом поля вместе с бригадиром комсомольско-молодежной бригады Филиппом Оборовским. Я думал о том, что эта потребность в особом характере была, остается и будет, как была и останется непреходящей цена хлебу, растущему теперь в пустовавших веками казахских степях. Я думал об этих словах, глядя на молодого и энергичного Оборовского, который в пору начала целинной эпопеи еще «пешком под стол ходил». И вот теперь он тоже опытный целинник, вожак самой крупной в совхозе бригады, состоящей из семидесяти человек и убирающей хлеб на 8 тысячах

Комсомольско-молодежное звено Владимира Гребенюка.

гектаров (из 25 тысяч совхозных). Под стать таким масштабам должен быть, конечно, и характер.

Оборовский смотрел на комбайны из звена Владимира Гребенюка. Один из них собирался кроить поле на загонки. Дело тонкое, в своем роде ювелирное. Обычно доверяют его самым опытным, самым искусным, а тут двинулся вперед комбайн молодого Виктора Шерстюгова.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал как бы про себя Оборовский, но и шагу вперед не сделал. Стоял, смотрел, прикидывал, как бы сам начал убирать это поле. И, словно прочитав его мысли, комбайн Шерстюгова решительно двинулся по длинной диагонали, оставляя за собой широкий прокос. Мы пошли следом по этому прокосу. Ни одного несрезанного колоска на стерне не осталось. Что называется, чистая работа. А ведь на этом поле снайперская точность требовалась. Пшеница стояла низкорослая: «Местами чуть выше спичечного коробка», — с известной долей пре-

увеличения, но близко к истине объяснял Гребенюк. Комбайн работал здесь на пределе своих технических возможностей, но у людей, казалось, никакого предела не существовало. Словом, целинный характер...

Потом я узнал, что Виктор Шерстюгов по профессии шофер, целинные просторы впервые увидел три года назад, приехав с Урала на заготовку соломы. И так ему понравилось, что решил он здесь остаться навсегда. Перевез семью, работает по-прежнему шофером, а в уборочную на комбайн пересаживается.

— Уборка — моя стихия, — объяснял он, — как только наступает пора жатвы, нет мне ни сна, ни покоя. Просто болею, пока за штурвал комбайна не сяду...

Жатва разворачивалась в Александровском стремительно. Начали привычно с раздельной уборки. В день скашивали по полторы тысячи гектаров. Все силы бросили на свал. Моторы комбайнов не глушили почти круглые сутки. Опытных механизаторов ненадолго сменяли их юные помощники — выпускники ПТУ, вчерашние школьники, которых готовили к этому заранее, еще с весны. Четко действовала ремонтная служба. И вот, когда в валках лежала почти половина всех хлебов, пришлось срочно перестраиваться. Солнце и суховеи продолжали свою пагубную работу, колос настолько высох, что звенел. Возникла угроза осыпания зерна, а значит, и незапланированных потерь. Такого допустить было нельзя, поэтому немедленно, не теряя ни минуты, начали переоборудование машин на прямое комбайнирование. Как показало дело, механизаторы Александровского к такому повороту событий оказались готовыми...

В диспетчерской совхоза есть светящаяся карта полей. Деловито перемигивается она разноцветными огоньками, и если ты посвящен в их символику, то можешь представить себе ход жатвы, не выходя из диспетчерской. Еще вчера сквозь сплошные зеленые огни (уборка на свал) довольно робко там и тут проглядывали красные (обмолот), а синих (прямое комбайнирование) было раз, два — и обчелся. Сегодня же синие и красные огни закрывали всю площадь карты. Это значило, что поток хлеба в закрома Родины резко возрастет. Горы зерна на совхозном току подтверждали это, как подтверждали все новые хлебные маршруты, уходившие в сторону кустанайского элеватора.

А вечером еще новость. Филипп Оборовский «бросил перчатку», как выразился директор совхоза Анатолий Григорьевич Дребот, всему совхозу. Выступил по радио и во всеуслышание объявил, что его бригада берет ежесуточно убирать хлеба с площади в 460 гектаров, разумеется, без потерь и с высоким качеством, и вызывает на соревнование любую другую. Принять вызов — значило ежедневно выполнять по две нормы. Все понимали, как это сложно в нынешнее трудное лето, но с ответом не задержались. Вызов приняли все.

Когда я смотрел на нынешний трудный хлеб целины, то все порывался спросить Дребота, что бы произошло, если бы такая засуха свалилась на поля четверть века назад. Наконец спросил. Директор задумался, потом ответил коротко:

— На семена едва бы собрали.

— То есть центнера по три? — уточнил я.

— Не больше, — подтвердил он. — Но целина давно не та. Высокая культура земледелия, возросшие знания, хорошая техника помогают побеждать невзгоды. Даже нынешним труднейшим летом в среднем на круг у нас выйдут центнеров по одиннадцать, а может, и больше. В прошлой пятилетке страна получила от совхоза более 10 миллионов пудов хлеба. Это пока наш рекорд. В нынешнем пятилетии надеемся свой успех закрепить...

Жатва на огромных просторах кустанайской нивы в зените. Как и многие предыдущие, она нелегка, а в иных хозяйствах драматична. Только зерновых нужно убрать с площади в 4 миллиона 300 тысяч гектаров. Десятки тысяч хлеборобов ведут битву за хлеб, проявляя в ней лучшие черты целинного характера. Мы в этот характер верим и знаем, что весь хлеб до последнего зернышка будет в закромах Родины.

Кустанайская область,
Кустанайский район.

7 сентября в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном, прибывшим в Советский Союз с дружественным визитом.

В беседе приняли участие:

с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, первый заместитель председателя ГКЗС В. Г. Морозов, посол СССР в СРВ Б. Н. Чаплин;

с вьетнамской стороны — член Политбюро ЦК КПВ, заместитель Председателя Совета Министров СРВ То Хыу, заместитель председателя Госплана СРВ Дау Нгок Суан, помощник Генерального секретаря ЦК КПВ Донг Нгак, посол СРВ в СССР Нгуен Хыу Май.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Ле Зуана прошла в сердечной, братской обстановке и характеризовалась полным единством взглядов по обсуждавшимся вопросам.

От имени Центрального Комитета КПСС 7 сентября в Большом Кремлевском дворце был дан обед в честь Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуана.

С советской стороны на обеде были Л. И. Брежнев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Н. А. Тихонов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, другие официальные лица.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев выступил на обеде с речью.

«Советский Союз постоянно призывает отказаться от создания новых, еще более грозных видов оружия, — заявил товарищ Л. И. Брежнев. — Но скажу со всей ответственностью: мы не будем безразличны к появлению подобного оружия в арсеналах США и других участников НАТО. Если это произойдет, то Советские Вооруженные Силы будут располагать надлежащим противовесом такому оружию».

С ответной речью выступил товарищ Ле Зуан.

Валентин АЛЕКСАНДРОВ

ОБЪЕДИНЯЯ СИЛЫ

КОЛОНКА

МЕЖДУНАРОДНОГО

ПУБЛИЦИСТА

Во время встречи.

Фото Дм. Бальтерманца.

Б Р А Т С К А Я Д Р У Ж Б А

Существенное влияние на развитие мировой обстановки оказывают встречи в Крыму руководителей коммунистических и рабочих партий стран социализма.

Только за прошлое пятилетие в Крыму было проведено тридцать семь дружеских встреч на высшем уровне. Нынешним летом состоялось еще семь. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встречался с партийными и государственными руководителями Чехословакии, Венгрии, Румынии, ГДР, Болгарии, Монголии, Польши.

Итоговые документы крымских встреч показывают единство внутренней и внешней политики социалистических стран, их стремление обеспечить уверенное экономическое и социальное развитие в обстановке прочного и стабильного мира. Политбюро ЦК КПСС, высшие партийные органы других стран, представленных на встречах в Крыму, рассмотрели и одобрили итоги проделанной работы. Принятые решения отражают общую заботу о дальнейшем укреплении сплоченности, дружбы и сотрудничества стран социализма в соответствии с коренными интересами их народов.

Констатируя полное единство взглядов по всем вопросам, обсуждавшимся на советско-чехословацкой встрече, Президиум ЦК КПЧ выразил твердую решимость чехословацких коммунистов, всего народа ЧССР развивать и укреплять узы братского сотрудничества стран социалистического содружества в соответствии с жизненными интересами народов, во имя дальнейшего успешного продвижения вперед в совместной борьбе за социализм, социальный прогресс и всеобщий мир.

Обмениваясь информацией о реализации планов, определенных партийными съездами, участники встреч в Крыму отмечали важность усилий социалистических стран по интенсификации экономики, развитию базовых отраслей народного хозяйства, ускорению научно-технического прогресса, увеличению производства товаров народного потребления. Все эти задачи тем успешнее решаются, чем дальше вглубь уходят интеграционные процессы, осуществляется международное социалистическое разделение труда.

Для взаимных отношений стран социалистического содружества характерна забота не только о собственных интересах, но и об интересах своих друзей и союзников. Такой подлинно товарищеский, братский подход помогает социалистическим странам уверенно справляться с самыми сложными проблемами.

Рассматривая итоги встречи в Крыму руководителей КПСС и ПОРП, Политбюро ЦК Польской объединенной рабочей партии отметило, что переговоры стали важным событием в отношениях двух стран. Переговоры, по оценке польского руководства, вновь подтвердили, что СССР заинтересован в сильной, суверенной Польше, а мощь и высокий международный авторитет Советского Союза имеют фундаментальное значение для безопасности и развития народной Польши.

На встречах в Крыму с новой силой прозвучала поддержка Программы мира на 80-е годы, выдвинутой XXVI съездом КПСС,

ее положений, связанных с решением проблемы разоружения, обеспечением европейской безопасности, оздоровлением обстановки на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и других районах мира. Сумма инициатив, очерченных в итоговых документах крымских встреч и в решениях руководящих партийных органов братских стран, свидетельствует о том, что социалистическое содружество выступает авангардной силой в борьбе против военной опасности, за мирные отношения и доброжелательное сотрудничество между государствами.

Все больше сторонников находят идеи мирного диалога, изложенные в Обращении Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира». Широкую поддержку встречает внесенный Советским Союзом в повестку дня XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос «О заключении Договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода». Доброжелательный отклик у миролюбивой общественности, правительств многих стран встречает предложение Монгольской Народной Республики о заключении конвенции о взаимном ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана.

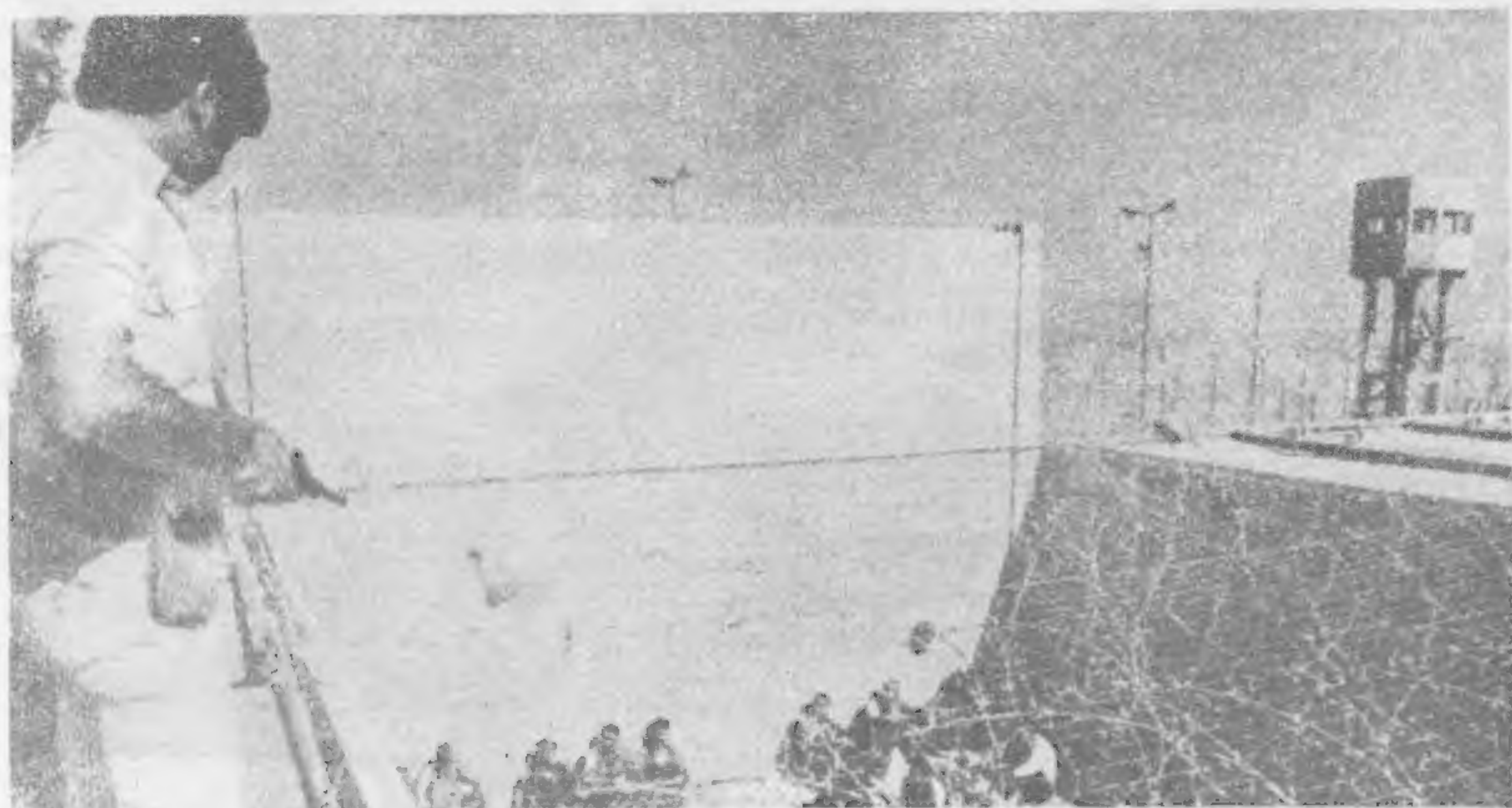
Мирное наступление социалистических стран имеет особое значение в современных условиях, когда милитаристские круги США при поддержке союзников по НАТО и подпевал из Пекина нагнетают международную напряженность, пытаются придать новые обороты гонке вооружений.

Специалисты подсчитали, что суммарный заряд накопленного в мире оружия эквивалентен пятидесяти миллиардам тонн обычной взрывчатки. Если разложить это на четыре с половиной миллиарда жителей планеты, то получается более десяти тонн на каждого. Какова будет судьба этих арсеналов и на сколько они возрастут, если реализуются пентагоновские планы развертывания новых ракет в Западной Европе и подрывникам из военно-промышленного комплекса США удастся снизить так называемый ядерный порог за счет создания нейтронного оружия?

Призыв к благоразумию, прозвучавший с крымских встреч, в создавшейся обстановке чрезвычайно ценен. Всем известно, что Советский Союз и его союзники располагают достаточными возможностями противостоять любым попыткам империализма выступить «с позиции силы». Ни одно действие не останется без соответствующего ответа, обеспечивающего безопасность социалистического содружества, неизбежность завоеваний социализма. Однако «равновесие страха» не входит в набор средств социалистической внешней политики.

Крымские встречи со всей определенностью показали, что Советский Союз, братские страны социализма, сохраняя выдержку, последовательно выступают за проведение переговоров по ядерному разоружению, считают необходимым добиваться снижения уровня военного противостояния сторон.

Итоги встреч в Крыму — это коллективное приглашение к диалогу между Востоком и Западом по самой главной для человечества проблеме — сохранению мира на земле.

ПОЛЗУЧАЯ АННЕКСИЯ

БЛИЖНИЙ
ВОСТОК

Оккупированная Израилем территория напоминает огромный концентрационный лагерь. На перекрестках улиц и дорог днем и ночью действуют контрольно-пропускные пункты и заставы. Вооруженные солдаты и полицейские «с пристрастием» обыскивают прохожих и автомашины. «Подозрительных» немедленно отправляют в ближайший полицейский участок. С наступлением вечера улицы городов и сел пустеют. Их обитатели живут в постоянном страхе быть арестованными.

Правящие круги сионистского государства на протяжении всего периода оккупации арабских земель неизменно осуществляют политику, направленную на изгнание палестинцев и превращение их законных территорий в израильскую колонию. Стремясь к достижению этой цели, Тель-Авив применяет самые грязные методы: от насильственной конфискации земель до создания таких условий, которые вынуждают население «добровольно» покидать родные места. Окупанты стирают с лица земли целые деревни, кварталы городов, уничтожают древние мусульманские кладбища, исторические памятники, создают запретные зоны для местных жителей с целью организации там в дальнейшем новых еврейских поселений.

На днях израильские власти развернули широкое наступление на Восточный Иерусалим, в котором находятся святыни исламской религии, многочисленные памятники древности, старинные храмы. Под предлогом проведения археологических раскопок окупанты приступили к строительным работам в непосредственной близости от древних мусульманских мечетей, что создает реальную угрозу их существованию.

Жители арабской части Иерусалима вышли на демонстрацию протеста. Полиция и армейские патрули разогнали демонстрантов. 22 участника марша арестованы и брошены за тюремные решетки, как и тысячи их товарищей, томившихся в сионистских застенках. Для сионистских правителей палестинцы — изгой, люди низшей расы. Недаром Генеральная Ассамблея ООН на своей XXX сессии осудила сионизм, являющийся вдохновителем всей политики Израиля, как форму расизма и расовой дискриминации.

Никакие драконовские меры и репрессии не в силах снизить накал патристической борьбы, охватившей оккупированные Израилем территории. Арабское население отвечает на разгул террора дальнейшим сплочением рядов, усилением борьбы против израильских захватчиков.

На снимке: заключенные палестинцы в тюрьме Нафха.

США

ФОРМА НОВАЯ

«Невидимая империя» — так называют свою тайную организацию куклуксклановцы. Всю Америку опутали паутиной эти мракобесы. Вновь, как и прежде, горят по ночам огромные кресты, а люди в белых балахонах, больше похожие на привидения, грозятся расправиться с неграми. И расправляются: атакуют автобусы, в которых негритянских детей перевозят в школы, бросают гранаты в школы и церкви для негров, нападают на демонстрации, которые они считают «прокоммунистическими», стреляют в борцов за гражданские права, набрасываются на тех белых, которые поддерживают справедливую борьбу негритянского населения Америки.

«Невидимая империя» в спешном порядке возводит специальные тренировочные лагеря, где проходят выучку куклуксклановцы. Здесь они уже не в белых балахонах, а в защитной военной форме цвета хаки и маске отрабатывают прицельный огонь по мишеням, на которых изображен негр. Мракобесы мечтают теперь об артиллерийских орудиях и другом тяжелом вооружении (благо в Америке можно все это свободно купить у торговцев оружием по сходной цене). Зачем же все это нужно расистам? Эти люди быстро почуяли изменение политической конъюнктуры. «Имперский магистр» клана, некто Уилкинсон заявил: «Мы готовимся к расовой

ЮАР

ЧУЖИЕ В СВОЕЙ СТРАНЕ

Рейд начался в три часа ночи. Южноафриканские полицейские ворвались в африканский пригород Кейптауна — Ланге. Они выбивали двери ударом ноги и кричали: «Выходи!» Полицейские вытаскивали ошеломленных женщин и детей под проливной дождь. Женщины наломали веток и стали строить шалаши. Не прошло и часа — снова пришли полицейские и разрушили непрочные укрытия...

Инцидент закончился тем, что 1200 женщин посадили в тюрьму вместе с 63 младенцами. Рейд был частью тщательно продуманной кампании по преследованию семей черных рабочих. Согласно расистскому законодательству, африканцы приписываются к различным «хоумлендам» и, работая на предприятиях крупных промышленных центров ЮАР, являются просто «иммигрантами» в собственной стране, а потому им запрещено жить вместе со своей семьей. Поселки, которые раскинулись во-

круг Кейптауна, Йоганнесбурга и других городов, так и называют — «холостяцкие поселки». Расистское правительство Претории регулярно делает облавы на «незаконных иммигрантов», то есть на жен и детей африканских рабочих, чье преступление заключается лишь в том, — как пишет газета «Кейп-таймс», — что они не захотели умирать с голоду в «хоумленде».

Когда же тысячи африканцев окружили здание суда в Ланге, протестуя против незаконных арестов, полиция набросилась на них с собаками и слезоточивым газом. Суд был скорый и неправый. Его в ЮАР называют «машинной по изготовлению сосисок». Каждому подсудимому отводилось три — пять минут, и выносился приговор: три месяца тюрьмы.

На снимке: африканцы спасаются от слезоточивого газа в пригороде Кейптауна — Ланге.

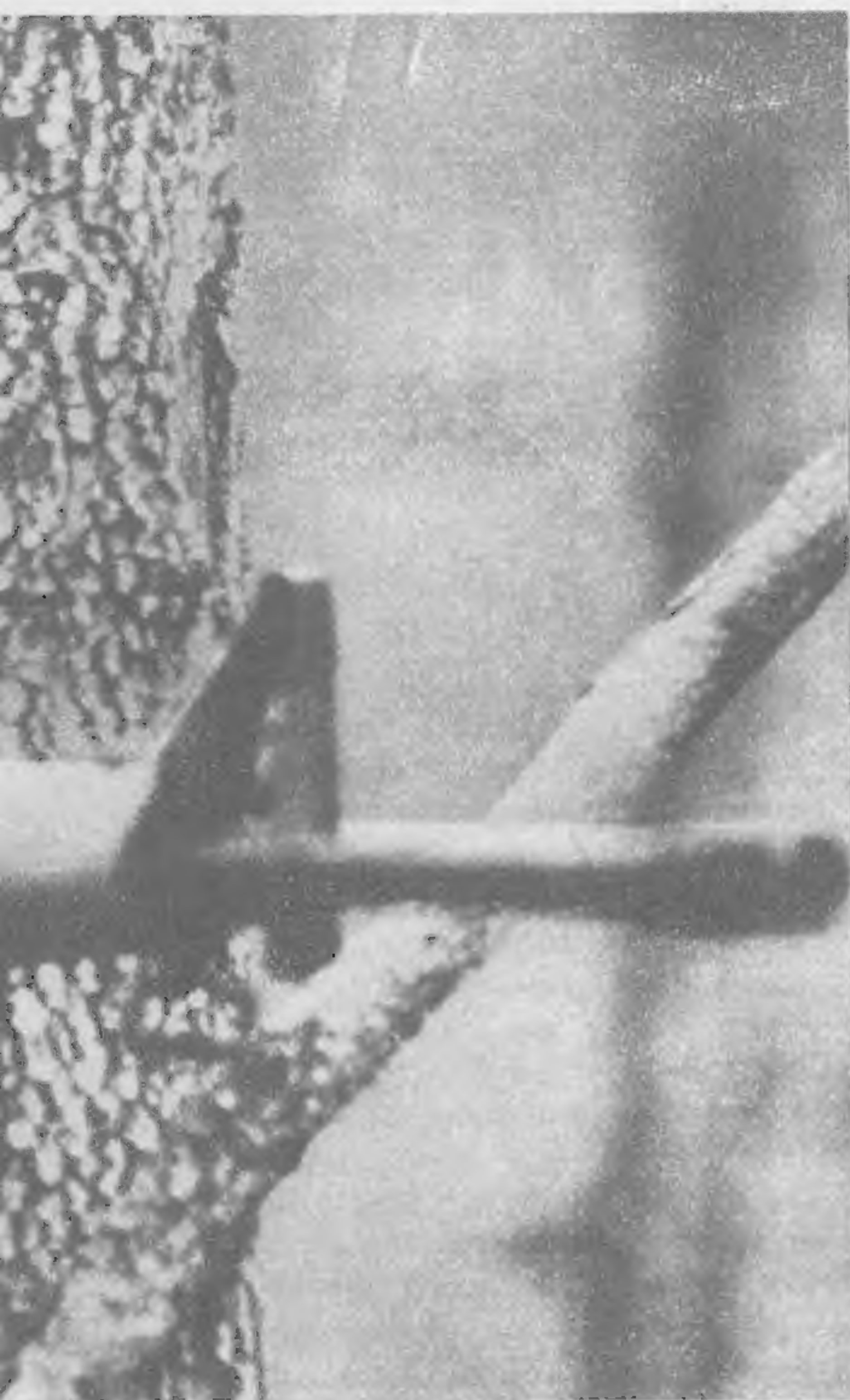
СЖАЛ РАСИЗМА

СУТЬ СТАРАЯ

войне. Мы ее ожидаем в скором будущем, в связи с сокращением Рейганом социальных программ для черных».

За последние пять лет ку-клукс-клан удвоил число своих членов и нынче насчитывает 11 тысяч человек. Вербовщики ку-клукс-клана активизировались. Они заманивают в свои сети даже детей, которые вооружаются дубинками и ножами. «Носить оружие — это часть их гражданских прав», — твердит все тот же Уилкинсон.

На снимке: в тренировочном лагере в Алабаме.

ФРГ

ПЕРЕДАЮТ ОПЫТ

То, что в ФРГ свободно действуют правые фашистские организации, известно всем, но то, что здесь орудует ку-клукс-клан, было для многих в новинку. Однако западногерманский журнал «Штерн», поведавший эту историю, признает, что официальные лица ФРГ хорошо знают о существовании этой расистской организации и считают активистов ку-клукс-клана «безобидными гражданами».

Ку-клукс-клан в ФРГ точно копирует заокеанскую «невидимую империю», и учителя для расистских расправ тоже заокеанские, — ведь в ФРГ расквартирована огромная американская армия, а в ее рядах находится немало ку-клукс-клановцев. Как считает «Штерн», только в Мозеле расист-

ская организация насчитывает более 300 человек — граждан США.

Деятельность клана в армии США всегда официально преуменьшается и затушевывается. Кровавая драка между неграми и членами клана в Битбурге была описана в сообщении военной полиции как «столкновение с применением физического насилия между военнослужащими ВВС и армии».

«Европейский организатор» и «командир» ку-клукс-клана в ФРГ сержант ВВС США Кейсел, обращаясь к немецким расистам, сказал: «Не будем заблуждаться. Мы стоим на пороге новой расовой войны. И к ней мы должны быть подготовлены. Белая раса должна вновь обрести свое бывшее величие. Вы, немцы, имеете богатые тради-

ции в расовом вопросе, этому даже мы, американцы, можем научиться».

Неофашисты — вот питательная почва для расистов ФРГ. Журнал «Штерн» приводит излюбленную идею ку-клукс-клановца Фогеля, которую он неоднократно повторял: «Небольшая доза бактерий в каждое немецкое водохранилище — и люди начнутдохнуть, как мухи. Не останется ни евреев, ни негров. Выживут самые стойкие, — возможно, тысяча немцев, — которые после такого естественного отбора образуют новую нордическую расу».

На снимке: в штаб-квартире ку-клукс-клана — бывший эсэсовец и член клана.

АНГЛИЯ

НЕНАВИСТЬ И МУЗЫКА

Двухмиллионное «цветное» население Англии влечет жалкое существование. Среди иммигрантов безработица в два раза выше, чем среди белых граждан, они живут в ужасных жилищных условиях и подвергаются постоянному террору со стороны расистов. Все чаще в районах проживания «второсортных граждан» страны появляются белые хулиганы и учиняют погром. Они швыряют камни и бутылки в окна жителей, скандируя: «Убивайте черных ублюдков», «Черных — вон».

На темных улицах бедных кварталов Лондона, Бирмингема, Манчестера и других промышленных городов Великобритании банды белых хулиганов подкарауливают свои жертвы из числа «цветного» населения. Даже днем «цветные» женщины боятся пойти за покупками, а их дети не могут ходить в школу без провожатых.

Расизм создает взрывоопасную обстановку. «Национальный

фронт», крайне правая организация воинствующего расизма, беспрерывно нападает на иммигрантов. Уже многие годы продолжается провокация «национального фронта», отряды которого, охраняемые, а порой и поощряемые полицией, дефилируют по кварталам иммигрантов.

У расистов появились свои музыкальные кумиры. Это группа под названием «Блиц». Участники ансамбля бредут себе голову, носят тяжелые ботинки, обожают расизм и проповедуют ненависть.

У группы есть уже несколько «героических» дел. Это они спровоцировали драки в южном районе Лондона, подбивая к нападению на «цветных» обезумевших от грохочущей музыки юнцов из «национального фронта».

На снимке: расисты из «национального фронта».

Феликс МЕДВЕДЕВ

Фото А. БОЧИНИНА

Снова, в третий раз за последние четыре года, внимание читающей публики всего мира приковано к Москве. По традиции в начале сентября в двух крупнейших павильонах ВДНХ работает Международная книжная выставка-ярмарка. Работает... Это слово точно отражает суть великолепного торжества печатного слова. Работает на мир, на прогресс!

Мировая столица книги приняла на этот раз представителей свыше 2300 издательских, книготорговых и авторско-правовых фирм более чем из 80 стран. Большинство экспонатов ММКВЯ-81 — а всего их свыше 160 тысяч — отражает неисчерпаемый исторический прогрессивный опыт человеческого бытия, опыт, который учит: нет ничего важнее и дороже, чем

«Европа: век XX» — плод многолетнего сотрудничества Рейнско-Вестфальского иностранного общества ФРГ с Советским комитетом за европейскую безопасность и Союзом писателей СССР.

Крупнейший итальянский издатель Ренато Джунти предложил издательству «Искусство» выпустить многотомный каталог Эрмитажа. За дело взялись сотни людей в двух странах, автором текста согласился быть директор Эрмитажа академик Б. Пиотровский. Кропотливейшая работа торопила, альбом надо было выпустить к ММКВЯ-81. И вот торжественная минута: в зале пресс-конференций Ренато Джунти вручает академику Пиотровскому первый том труда «Эрмитаж. История и лекции». Зал взрывается аплодисментами, когда итальянский гость сообщает, что это издание будет уникальным в истории мировой книгоиздательской практики, ибо оно вберет в себя более чем 20-томное описание десятков тысяч шедевров искусства.

Английский концерн «Пергамон Пресс» планирует издать в декабре этого года книгу «Леонид Брежнев: страницы жизни» с предисловием Л. И. Брежнева. Об

примеру, договорилась об обмене изданиями с внешнеторговыми организациями ГДР, Венгрии, Болгарии, а представители издательства «Прогресс» подписали договор с Кенийским литературным бюро на сборник стихов «Пульсация». Двенадцатитомная серия «Советская педагогика» ознакомит японских читателей с историей становления советской педагогической школы.

«Молодая гвардия» условилась с французской фирмой «Галлимар» об изданиях книг на молодежную тематику, а фирма «Харкорт Брейс Джованович» (США) установила с Госкомиздатом СССР перспективное 10-летнее сотрудничество, в котором, в частности, предусмотрено издание альбомов по многонациональному советскому искусству.

ММКВЯ-81 принимает гостей со всего света. Кого здесь только не встретишь! Вот в сопровождении сонма журналистов, поклонников его интереснейших книг проходит по залам Тур Хейердал.

А вот старейшая советская писательница Мариэтта Шагинян. Мы застали ее в оригинально оборудованном издательстве «Советский писатель» «Кабинете писа-

Представитель делегации Эфиопии демонстрирует древние фолианты.

МОСКОВСКИЙ К

мир и безопасность всех людей земли. Вот почему так вдохновенно было воспринято приветствие Леонида Ильича Брежнева «Участникам и гостям третьей Московской международной книжной выставки-ярмарки»: «Хорошая книга — могучее средство духовного общения людей, которое может и должно активно содействовать социальному прогрессу, улучшению взаимопонимания между народами...»

...Гигантская библиотека раскрыла свои сокровища. Глаза разбегаются — не знаешь, с чего начинать знакомство. Интересно все: новые издания мировой классики на разных языках, новинки беллетристики, объемистые фолианты по искусству, красочные детские книги.

Многие экспонаты говорят о благородной совместной деятельности книгопечатных организаций различных стран. Так, в первый же день работы ярмарки широко рекламировалось издание

этом сообщил нам президент «Пергамон Пресс» Роберт Максвелл:

— Книгу предполагается выпустить тиражом десять тысяч экземпляров, и я уверен, что она будет иметь такой же успех, как и изданные «Пергамон Пресс» «Малая земля», «Возрождение», «Целина».

Видный английский издатель подписал с ВААП два контракта. Один из них касается прав на публикации на Западе последнего произведения Чингиза Айтматова «И дольше века длится день».

Да, выставка-ярмарка — это не только парад книг со всего света, это деловые соглашения, контракты, перспективные предложения. На многих стендах висят таблички «Идут переговоры». За первые дни коммерческой деятельности были заключены экспортно-импортные контракты на сумму в сотни миллионов рублей. «Международная книга», к

теля». Здесь все принадлежало когда-то выдающимся советским мастерам слова: кресло — М. Горькому, стулья — К. Паустовскому, стол — В. Шишкову, курительная трубка — К. Симонову. Многие посетители оставили свои записи, восхищаясь «новинкой» ММКВЯ-81.

После встречи в конференц-зале с читателями, посетителями, гостями выставки, которую организовал «Альманах библиофила», мы беседуем со старейшиной советского библиофильства М. И. Чувановым. Кажется, что может привлечь на этой выставке человека, влюбленного в старинную, древнюю книгу? Но, оказывается, ММКВЯ-81 удовлетворяет вкусы самых «избранных» посетителей: Михаила Ивановича привлекли рукописные издания 400-летней давности, привезенные из Эфиопии, а также целый раздел «Библиофилия» на стендах Испании.

Трудно рассказать обо всем, что можно было увидеть и услы-

шать на празднике книги. С заседания клуба деловых встреч мы спешили на встречу с любимыми нашими авторами Валентином Распутиным и Виктором Астафьевым, с официального раута — на приватные коммерческие переговоры. Когда этот номер журнала выйдет, ММКВЯ-81 завершит свою программу. Разъедутся по белу свету ее участники и гости, подсчитают результаты сделок в рублях, долларах, фунтах, левах. Наверняка все участники выставки-ярмарки будут удовлетворены этими подсчетами. Но важнее всего то, что не укладывается в материальные выкладки: московский форум книги стал еще одним шагом на пути обмена культурными ценностями народов, на пути взаимопонимания и дружбы. Лучшее всего сказал Тур Хейердал: «История книги и история человечества должны развиваться совместно по пути, ведущему в лучшее и более надежное будущее».

На открытии III Московской международной книжной выставки-ярмарки присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демишев, секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников. У микрофона председатель Госкомиздата СССР Б. И. Стукалин.

КНИГА
НА СЛУЖБЕ МИРА И ПРОГРЕССА
BOOKS SERVE PEACE
AND PROGRESS

Панорама павильона № 1.

НИЖНИЙ ПАРАД

После подписания очередного контракта. Президент «Пергамон Пресс» Роберт Максвелл у стенда издательства «Экономика».

Стенд издательства «Аврора».

Директор издательства «Художественная литература» В. Осипов показывает Мариэтте Шагинян экспонаты издательства.

Тур Хейердал и директор издательства «Планета» Г. Коваленко.

ДОСТОЯНИЕ НАРОДА

Юрий БЫЧКОВ

Символическим кажется нам сейчас такой факт: подготавливая штурм Зимнего дворца, Петроградский военно-революционный комитет позаботился о неприкосновенности художественных сокровищ Эрмитажа. Отряд красногвардейцев за несколько часов до штурма встал на охрану музейных помещений, забаррикадировав входы и выходы.

Так, с момента рождения Советской власти, началась целеустремленная работа по сохранению культурных и исторических ценностей Отечества.

Вождь партии и революции В. И. Ленин обосновал необходимость сбережения культурно-исторического наследия. «Пролетарская культура,— говорил Владимир Ильич,— должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества». В культурно-историческом наследии он видел фундамент, на котором будет вырастать новое.

Академик Е. В. Тарле вспоминал, как удивлялся директор французского Национального архива Шарль Ланглуа, знакомясь с документами Святейшего синода в Ленинграде: «Как же этот архив остался у вас?» Ланглуа сказал тогда фразу, которая врезалась в память советского историка: «Ваша революция была умнее нашей...» — то есть французской буржуазной революции 1789—1793 годов, расправившейся с архивами королевского двора. В первые же минуты взятия власти Петроградский военно-революционный комитет назначил комиссаров по охране музеев, дворцов и художественных ценностей. Не успевали затихнуть бои, как возле художественно-исторических объектов выставлялись караулы и назначались ответственные за их охрану.

Напрасно буржуазные клеветники, еще владевшие в ноябре — декабре 1917 года газетами, журналами, типографиями, уверяли, что Зимний дворец совершенно разгромлен и при его штурме погибли чуть ли не все сокровища Эрмитажа. Действия большевиков перечеркивали эти наветы.

Для того, чтобы спасти, оградить от уничтожения и расхищения культурно-историческое наследие тысячелетней России, необходимо было опереться на специалистов, людей знающих. Большую роль в сохранении художественных сокровищ Москвы, Подмосковья, а также всей Центральной России сыграла так называемая Кремлевская комиссия, которую возглавил большевик-ленинец Павел Петрович Малиновский. В комиссии работали художники Е. М. Бебутова, В. Н. Мешков, М. Н. Яковлев, П. В. Кузнецов, В. Н. Бакшеев, В. П. Бычков, М. С. Пырин, Ф. И. Захаров, скульпторы А. Т. Матвеев, С. Т. Коненков, А. Н. Златовратский. В Петрограде Военно-революционный комитет привлек к работе по

выработке системы охраны художественных ценностей академика живописи А. Н. Бенуа.

1917 год. Необозримые российские просторы. Всюду ожесточенная борьба за власть. Монархисты и эсеры. Анархисты и любители легкой наживы всех сортов. Темнота и заботность масс. Наладить учет, сберечь народное достояние необыкновенно трудно. Председатель Совнаркома В. И. Ленин знает все сложности момента, тем не менее требует неукоснительного соблюдения принципов революционной законности.

Сохранился текст телеграммы, направленной в декабре 1917-го Владимиром Ильичем в городок Воронежской губернии Острогжск председателю Совдепа: «Составить точную опись ценностей, сберечь их в сохранном месте, вы отвечаете за сохранность. Имения — достояние народа. За грабеж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам».

Архивные материалы, книги, рукописи стали направлять в Москву, Петроград, в губернские и уездные города. И это в те дни, когда республика отбивалась от врагов, голодала, боролась с эпидемиями, решала самые насущные вопросы жизни. И все же потери были значительными. Далеко не везде удавалось создать комиссии по охране памятников искусства и старины. Пробиравшиеся в местные Советы кулаки клонили к грабежу, нередко событиями руководила стихия. Так погибли дом и библиотека Александра Блока в подмосковном Шахматове.

Однажды В. И. Ленину доложили, что красноармейцы, размещенные в одном из кремлевских зданий, где хранились рукописи и переписка писателей, топят ими печь. Ленин тут же позвонил В. Д. Бонч-Бруевичу и попросил его «сейчас же, к утру, написать брошюру о значении архивов и архивных ценностей, написать популярно, так, чтобы можно было завтра же через РОСТА и газеты разослать ее повсюду, дабы широкие массы знали, что не только нельзя уничтожать архивные материалы, но что, наоборот, их необходимо тщательно собирать».

На следующий день Ильич прочитал рукопись статьи Бонч-Бруевича «Сохраняйте архивы», внес в нее некоторые поправки и распорядился напечатать ее в РОСТА, провинциальных газетах, в «Известиях».

Владимир Ильич часто говорил о том, как надо поставить музейное и архивное дело, как следует собирать находящиеся в частных руках библиотеки, архивы, рукописи, автографы.

«Это представляет огромную ценность для нашей культуры, которую мы развернем так широко, как нигде и никогда на свете,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич слова В. И. Ленина.— Мы должны показать всему миру, что значит истинно культурная работа в стране, где власть перешла к рабочему классу, где установлена всерьез и надолго диктатура пролетариата».

Памятники культуры приходилось оберегать от расхищения бывшими хозяевами вкупе с зарубежными бизнесменами-грабителями, от хищников уголовного мира.

Важную роль в борьбе с этими расхищениями сыграла Всероссийская чрезвычайная комиссия — ВЧК. Выполняя специальную директиву Совнаркома, она взяла под свой контроль охрану культурных ценностей. ВЧК предписала всем губернским, уездным и пограничным ЧК «принять решительные меры

борьбы против бессовестного хищения народного достояния». И такие меры были приняты. Предметом одного из заседаний Совнаркома стала попытка Е. П. Мещерской продать за границу рондо «Мадонна с младенцем». В ходе обсуждения частного случая правительство пришло к убеждению в необходимости общегосударственных мер по защите художественного и исторического достояния народа. Постановление Совнаркома от 30 мая 1918 года гласило: «Ввиду исключительного художественного значения картины Боттичелли, принадлежащей в настоящее время г-р. Е. П. Мещерской, предполагающей, по имеющимся сведениям, вывезти картину за границу, Совет Народных Комиссаров постановляет: картину эту реквизируют, признать ее собственностью Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и передать в один из национальных музеев... Поручить Комиссариату по народному просвещению разработать в 3-дневный срок проект декрета о запрещении вывоза из пределов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики картин и вообще всяких высокохудожественных ценностей, и проект этот представить на рассмотрение Совета Народных Комиссаров».

19 сентября подписанный В. И. Лениным декрет вступил в силу.

В культурных накоплениях дореволюционной России огромное место занимали частные коллекции. В большинстве своем они были неизвестны даже специалистам. Успешному проведению первой за всю историю инвентаризации российских сокровищ очень помогла рожденная революцией «Охранная грамота». Твердый порядок выдачи таких грамот выработался к январю 1918 года. Документ имел законную силу. Туда, где художественные ценности подвергались опасности, направлялись работники комиссии по охране памятников искусства и старины. Они определяли, что представляло собой имущество. На музейные ценности составлялась опись в двух экземплярах. Первый сдавали в комиссию, а второй оставляли владельцу, который назначался хранителем всего имущества, взятого комиссией на учет. После этого имущество не подлежало реквизиции, помещение — уплотнению. Владелец же отвечал за сохранность коллекции. Охранные грамоты сыграли выдающуюся роль. Они предотвратили расхищение сокровищ.

Национализация дворцовых историко-художественных комплексов (Павловск, Петергоф, Царское Село, Архангельское, Останкино, Кусково) открыла путь к созданию в них государственных музеев. В большинстве случаев национализация вызывалась необходимостью срочного учета коллекций и организации их хранения. Кому, как не народной власти, следовало взять в руки, открыть для широких масс великие сокровища. Вслед за национализацией музейных ценностей по инициативе В. И. Ленина был поставлен вопрос о передаче в государственную собственность крупнейших общественных и частных собраний. Раньше других был обнародован декрет Совнаркома о национализации художественной галереи имени П. и С. Третьяковых. Игорь Эммануилович Грабарь вспоминал: «При национализации... возник вопрос, как ее впредь именовать... Луначарский говорил мне, что, когда он принес проект декрета Владимиру Ильичу, оставив свободное место, где надо

С. Светославский. СТАРАЯ МОСКВА XIX ВЕКА

А. Боголюбов. ВИД НА МОСКВУ ОТ ДОМА ХЛУДОВА

Б. Рыбченков. КИЖИ

Д. Нечитайло. ПОКРОВСКОЕ

было вписать новое наименование, тот посмотрел на него с улыбкой и спросил:

— Не знаете, как назвать? Назвать надо просто: «Государственная Третьяковская галерея».

В годы революции были национализированы и превращены в мемориальные музеи памятные места, связанные с жизнью и творчеством Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. И. Тютчева — Ясная Поляна, Михайловское, Тригорское, Остафьево, Абрамцево, Спасское-Лутовиново, Мураново.

Задача, намеченная Лениным, — через музеи открыть трудящимся доступ к сокровищам культуры, к источникам знаний — была решена. Сбывалось и другое пожелание Владимира Ильича: «... всю старину мы должны тщательно охранять не только как памятники искусства, — это само собой, но и как памятники быта и жизни древних времен. Сюда должны приходить экскурсии, здесь должны быть развернуты музеи, здесь должны даваться подробные исторические объяснения посетителям».

12 марта 1918 года Владимир Ильич приехал в Кремль, чтобы познакомиться с помещениями, в которых должен был разместиться Совнарком. Когда автомобиль въехал в древние Троицкие ворота, Ленин взволнованно произнес вполголоса:

— Вот он и Кремль! Как давно я не видел его!

В те дни Кремль был неблагоустроенным, с грубой булыжной мостовой. Около Спасских ворот — казенные одноэтажные здания, выкрашенные в желтый цвет, и огороженные забором хозяйственные постройки сторожей и служащих. От этого уголка веяло глухой провинцией, резко контрастирующей с дворцами и торжественными храмами. Возле Константино-Еленинской башни — разный хлам, кучи мусора. От артиллерийского обстрела с крепостной стены слетела часть зубцов, а с Беклемишевской башни упал граненый шатер. Особенно неприглядно выглядела колокольня Ивана Великого.

Ленин тщательно осмотрел здания, дворцы, Грановитую палату, боярские терема и, наконец, дважды прошел по стенам Кремля, подходя к каждой башне и проверяя ее состояние. После детального знакомства с кремлевскими достопримечательностями последовало его распоряжение:

«Товарищу коменданту Кремля

Предлагаю в срочном порядке произвести реставрацию Владимирских ворот (кремлевская башня, выходящая к Историческому музею. — Ю. Б.), поручив кому-либо из архитекторов по указанию П. П. Малиновского представить смету и наброски за исполнением работ».

Документ датирован 17 мая 1918 года. Этот день и следует считать началом осуществления в государственном масштабе научной реставрации историко-архитектурных памятников.

Ильич рекомендовал архитекторам как можно шире использовать архивные материалы и исторические труды по строительству кремлевских зданий и сооружений, тщательно заботился о том, чтобы реставраторы вернули кремлевским памятникам их древний облик. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Владимир Ильич прочитал в книге С. П. Бартенева, что одно крыло собора, находящегося близ Ивана Великого, заложено кирпичом во времена Николая I и превращено в сарай для фуража. Владимир Ильич с негодованием сказал:

— Ведь вот была эпоха — настоящая аракчеевщина... Все обращали в сарай и казармы: им совершенно была безразлична история нашей страны. Надо сейчас же, немедленно это крыло открыть. Смотрите, какое оно интересное, судя по чертежу, который здесь приложен».

Через несколько дней реставрационная комиссия... стала работать над восстановлением крыла. Владимир Ильич, гуляя, не раз останавливался около места работ и смотрел, как постепенно открываются старые очертания древнего собора.

— Совсем иной вид, — говорил Владимир Ильич, — тут виден художник-архитектор, а раньше было удивительно смотреть — так не

гармонировала эта пристройка со всем собором. Оказывается, тут не в соборе дело и не в архитектуре, а в Николае I, в аракчеевщине!»

В обстановке острой классовой и идеологической борьбы были неизбежны ошибки даже у сторонников революции и Советов. В уничтожении памятников архитектуры и искусства, особенно монастырей и церквей, им виделась борьба с «пережитками прошлого».

В. И. Ленин неоднократно вмешивался, когда известия о нигилистических тенденциях доходили до него. Если ему приходилось слышать, что в Галиче, Угличе и других городах пытались разрушить старинные церкви, он вызывал представителей местных властей, разъяснял им историческое значение архитектурных памятников.

По рекомендации В. И. Ленина была напечатана статья А. В. Луначарского «Ложка противоядия». «Слишком часто... видели мы, как светливая мода выдвигала новенькое, стремившееся как можно скорее превратить старое в руину, и как после этого плакало следующее поколение над развалинами красоты...»

Опасность была велика, ибо представителям футуризма доверили преподавание в художественных училищах. В результате студенты воспитывались в духе ненависти к реализму, к подлинным богатствам человеческой культуры. В ходе осуществления плана монументальной пропаганды Владимиру Ильичу много раз доводилось сталкиваться с образцами кубофутуристической скульптуры. Левацкие загибы вызвали решительный отпор со стороны партии, Ленина.

«Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться, только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости», — писал В. И. Ленин.

«Новаторы» пренебрежительно относились ко всему, что было построено до них, ратовали за «свободу самовыражения». В градостроительстве 20-х годов популярным стало возведение зданий или прокладка магистралей на месте снесенных памятников архитектуры. Были снесены Красные ворота — постройка выдающегося русского зодчего Д. В. Ухтомского и заодно церковь Трех святителей. Снесли и Сухареву башню...

Нигилистическое отношение к памятникам истории и архитектуры отчасти объяснялось возобладавшем в ту пору вульгарно-социологическим взглядом на историю. Все, что происходило до 1917 года, было «проклятым прошлым», и только. К началу 30-х годов пренебрежительное отношение к культурно-историческому наследию стало приносить столь очевидный урон, что ВЦИК и Совнарком принимают ряд постановлений.

...Как жизненно необходимы народу его история, его памятники, его культура, в полной мере открылось в годы Великой Отечественной войны. За несколько дней была подготовлена к эвакуации грандиозная экспозиция — полмиллиона ценнейших экспонатов Эрмитажа, более семи тысяч предметов искусства вывезено из дворца-музея Павловска. С последними грузовиками отправляли подлинные чертежи и рисунки создателей Павловска — архитекторов Ч. Камерона, К. Росси, Д. Кваренги, А. Воронихина, П. Гонзаго.

Фашистские войска и специализированные команды уничтожали культурное достояние советского народа. На территории временно оккупированных областей было разрушено около трех тысяч памятников архитектуры. Среди них — имеющие мировую известность церковь Спаса-на-Нередице XII века, церковь Успения на Волотовом поле XIV века, Новгородская София XI века, Дом черноголовых в Риге XIV—XV веков, Успенский собор Киево-Пе-

черской лавры. Были осквернены, разорены Ясная Поляна, Пушкинский заповедник, Дом-музей П. И. Чайковского в Клину. Грабежу и разрушению подверглись Петродворец, Гатчина, Павловск, Пушкино. Фашисты разграбили более 400 художественных историко-краеведческих и мемориальных музеев. Свыше 100 тысяч экспонатов было увезено в Германию.

Немедленно после освобождения оккупированных территорий музейные специалисты, реставраторы приступали к восстановлению разрушенного. Потребовались чрезвычайные усилия, огромные материальные средства, чтобы спасти, вырвать из небытия сокровища национальной культуры, казалось, загубленные навсегда.

Более четверти века ушло на восстановление Павловского дворца и парка — творения великих зодчих и скульпторов Камерона и Бренны, Воронихина и Росси, Гонзаго и Кваренги, Мартоса и Козловского. По сей день идут работы по воссозданию архитектурно-художественных ансамблей Петродворца и Пушкина.

Реставраторы, спасая от окончательной гибели разрушенные фашистами памятники, зачастую открывали ценности высшего порядка. Собор Черниговского монастыря, более известный под названием Пятницкой церкви, не имел точной летописной датировки и был капитально перестроен в конце XVII века в стиле украинского барокко. В сентябре 1943 года взрыв на три четверти снес западную и южную стены собора. Руины обнажили сложнейший конгломерат кирпичных кладок различного времени и характера. Это позволило П. Д. Барановскому убедиться в том, что все основные конструктивные элементы здания были в опровержение существующих описаний сложены из терракотовых пластин, называемых плинфами, — строительного материала зодчих домонгольской эпохи. Открытие было очень важным, так как все памятники Древней Руси того периода, казалось, давным-давно известны науке.

Изучение летописных данных и сопоставление Пятницкого храма с некоторыми близкими ему постройками позволили Барановскому заключить, что его строил «приятель» князя Рюрика Ростиславовича, одного из героев «Слова о полку Игореве», «художник и мастер непростой» Милонег, и произошло это на рубеже XII—XIII веков. Восстановленный собор — единичное пока явление в архитектуре Древней Руси, представляющее собой одно из самых блистательных созданий древнерусского искусства.

Многолика красота, доставшаяся нам в наследство: величественный простор площадей и проспектов классического Ленинграда и трогательный уют средневековых улиц Таллина; сказочное богатство Московского Кремля и Красной площади; монотонный, пепельно-серый Дербент в оправе аметистового небесного свода и грандиозная несокрушимость устремленного ввысь Домского собора в Риге; резной столб-часовня у дороги, бегущей через поля и перелески Жемайтии, суровая неприступность крепостных стен древнего Изборска, гостеприимная прелесть узорчатой русской избы где-нибудь на Волге или близ Белого моря; фасады самаркандских и бухарских медресе, мавзолеев, минаретов в геометрических, растительных, каллиграфических орнаментах на поливной терракоте разных тонов; гармоническое сочетание охры, празелени, золота в совершенных творениях ярославских, владимирских, вологодских мастеров фрески; нарядная, праздничная каска маре молдавского села и украшенная рушниками, печными малюнками украинская хата; лаконичный роговой орнамент киргизского войлочного ковра-ширдача и филигранная вышивка по шелку на таджикской тубетейке-тупии...

Но красота хрупка, она нуждается в участии и защите. Не только бедствия и войны, быстротекущее время и забвение — реальная угроза прекрасному. Недаром слова «память» и «памятник» одного происхождения. Памятники дают материальное, зримое представление об истории, о культуре народа. Именно это великое богатство призывал беречь и использовать во благо развития художественной культуры социалистического общества Владимир Ильич Ленин.

ДРАЧУНЫ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

По случаю бурана три дня в школе не было занятий, ученики отсиживались дома. Затем погода установилась, все вошло в норму: солнца и снега было столько, сколько нужно. Занятия в пятом классе начались с урока литературы. Если б кому-то вздумалось пройти мимо наших окон, он, верно, удивился бы доносившемуся из школы хохоту. Надежда Николаевна Чижинькова, прикрывши книгу, положив в нужном месте палец, пыталась, но никак не могла водворить тишину, которую сама же и порушила чтением необыкновенной книги. Может быть, мы не хохотали бы так громко, если б ее собственные глаза не смеялись. Строгая, всегда сдержанная, учительница улыбалась очень редко, а сейчас так и светилась вся, и это действовало и на нас возбуждающе. Улыбка постоянно улыбающегося человека недорого стоит; редкая драгоценна, она как солнышко, выглянувшее вдруг из-за туч после долгих пасмурных дней. Утирая слезы и изо всех сил стараясь быть серьезной, Надежда Николаевна продолжала чтение:

— «Подали взвар. Разговор прекратился. Слышно было только, как чавкают рты да скребут днище обливной чашки деревянные ложки. Тишина нарушалась лишь тогда, когда ложка какого-нибудь парнишки начинала описывать внутри чашки круги в поисках разваренной груши. В этот-то момент дед Аким облизывал свою ложку и звонко стучал ею провинившегося мальчика по лбу, внушая:

— Не вылавливай!»

И тут новый взрыв хохота — и Надежда Николаевна не отстаёт от нас, учеников, смеется и она. Мы же с Ванькой (да только ли мы!) невольно щупали свои лбы, будто не кого-то там, не какого-то мальчика стукнул дед Аким деревянной, предварительно тщательно облизанной ложкой, а нас: ведь наши лбы хорошо знакомы с подобной формой внушения. Ванька, например, испытал ее на себе не далее как за нынешним завтраком, когда сделал безуспешную попытку раньше всех подхватить из общего блюда кусочек крольчатины и когда его отец, Григорий Яковлевич Жуков, треснул по Ванькиной башке деревянным половником: мясо можно брать только по команде, которую подает обычно старший за столом, отец, скажем, либо дед. Такой образ действий вряд ли был педагогичным, но зато весьма результативным: тот, к которому он был применен, надолго запомнил его и делал для себя соответствующие выводы.

Все это так, думал я, только никак не мог понять одного: как же это и где подсмотрел такую картину писатель? Ведь книжки пишутся в большом городе, а в городе ребят не бьют ложкой по лбу.

Между тем учительница читала. Читала то место, где, охваченный нетерпеливым желанием разделаться с ненавистной ему частной собственностью, Макар Нагульнов, «прижимая к ордену свои длинные ладони, проникновенно говорил:

— Бабочки, дорогие мои! Не тянитесь вы за курами, гусями!.. То она, курица то есть, вскочит на огород и рассаду выклюет, то глядишь, а она — трижды клятая — яйцо где-нибудь под амбаром потеряет, то хорь ей вязы отвернет... Мало ли чего с ней может случиться? И кажин раз вам надо в курятник лазить, щупать, какая с яйцом, а какая холостая. Полезешь и наберешься куриных вшей, заразы».

Слыша такое, я, конечно, был целиком на стороне Макара, потому что мне самому по приказу матери не раз приходилось лазить под амбар за оброненным курицей яйцом, а потом долго страдать от куриных вшей, — даже сейчас, как вспомнишь, по коже пробегают нетерпимый зуд...

События, про которые нам читала учительница, были до того похожи на наши, что невольно думалось: это писатель с нас, с нашего села все списал. Мне, например, не стоило большого труда отгадать, кто из моих односельчан изображен в книге как тот или иной персонаж. Взять, скажем, Щукаря. Так это ж наш Карпушка Котунов, бедняк из бедняков и неукротимый хвастунишка. А о Давыдове и говорить нечего: любой и каждый скажет вам, что это Зелинский, председатель колхоза, двадцатипятилетний и тоже, кажется, путиловец. А Нагульновых у нас вместе с панциревскими наберется с десяток, только прозываются они иначе: это Кирилл и Алексей Зубановы, помнящие не самыми добрыми словами в минувшую метельную ночь Иваном Морозовым, это и мой двоюродный брат Иван, старший сын дяди Петрухи, это и его приятель и сподвижник по комсомольской ячейке Митька Крутяков, это и Михаил Земсков, утративший при неизвестных обстоятельствах один глаз и прозванный по этой причине Мишкой Кривым, это и Ленька Ляхин, и другие их ровесники, грезившие, как, впрочем, и все мы, их младшие братья и сестры, мировой революцией. Все они по-нагульновски перегибали палку, однако по-нагульновски же беспредельно были преданные Советской власти и только по счастливой случайности не разделили участи Макара Нагульнова и Семена Давыдова — два или три раза кулацкая пуля летела, но не попала в буйные головушки Зубановых, например. Были у нас свои Кондраты Майданниковы (сильно смахивал на него Ванькин отец), и Яковы Лукичи были, и даже Аркашки Менки — все были, хоть и по-другому нареченные.

Много было смеху в тот день в пятом классе. Пожалуй, слишком много для того, чтобы (если верить народным приметам) смех этот не обернулся слезами совершенно иного происхождения.

Первый раз мы попросили Надежду Николаевну, чтобы она оставила нас в школе после уроков и продолжила чтение. Засиделись что-то уж до очень позднего часа, так что за некоторыми из нас пришли родители, чтобы взять детей под свою охрану и увести домой. Ванька Жуков хотел было проводить меня до нашего дому, но я мужественно отказался и вскоре сильно пожалел об этом: в лунную ту ночь, осыпавшую снежные полотнища мириадами изумительной красоты блесков, в каких-нибудь полтора метра от своего подворья я увидел волчью стаю. Сперва-то она не показалась мне волчьей — я принял ее за собачью свадьбу, по времени в точности совпадающую с волчьей. Но рычание и клаянье

клыков показались мне подозрительно громкими и более яростными, чем у кобелей; собаки, которые обязательно облаяли бы меня, как и всякого прохожего в глухую полночь, почему-то не лаяли. Грозная ясность пришла в голову лишь тогда, когда я увидел, что все «собаки» были одинакового серого цвета. Впрочем, сердце-то сделало такое открытие чуть раньше, потому что шапчонка моя — кроличий малахайчик — от страха подскочил на самую макушку головы и волосы под ним встали на дыбки и шевелились. Остановился, как бы меня кто воткнул в это место. Что делать? Пойти вперед — нельзя, да и не хватило бы духу, побежать назад — пропадешь, от зверя не убежишь, а ему только того и надо, чтобы я перетрусил и ударился прочь: для того, чтобы настичь меня, волку потребовалось бы не более трех-четырех прыжков...

Однако ж мне повезло. Из стоявшей на отшибе избенки сапожника, просиживавшего обычно за своим занятием до утра, вышел лядащий мужичонка. Малая ли нужда покликнула его на улицу, меня ли он увидел в окошке, но вот вышел.

— Это никак ты, хохлёнок?

— Я, дядь Митя!.. Там волки!..

— Да ты што?! Брешешь, поди, мерзавец!.. — Подбежав ко мне, он, однако, и сам увидел зверей. С необыкновенной быстротой вернулся в дом и выбежал с берданкой.

Громыхнул выстрел, особенно звучный и трескучий в ночной зябкой и ясной тишине. Когда дым рассеялся, растаял в студеном, призрачно колеблющемся пространстве, я увидел, что рассеялась, словно бы растаяла, и волчья стая.

— Ступай, сынок. Теперь они аж за Конопляниками, в степи чешут. Волк — зверь хоть и шкодливый, но и трусливый. Спроси у своего дяди Сергея Андреевича Звонарева, он-то уж хорошо знает бирючью породу. Иди, не бойсь.

— А ты постой тут покуда. Ладно, дядь Мить? — попросил я.

— Постояю, постояю. Дуй.

Я «дунул» так, что выпустил кто-нибудь вслед мне пулю, то и она вряд ли догнала бы меня. Не задерживаясь ни на минуту во дворе, хотя испытывал известную нужду в этом, рванул на себя сенную дверь. Но Жулик оказался еще шустрее: проскочил в сени раньше меня и готов уж был проскочить и в саму избу, но я его оттолкнул ногой, не вспомнив при этом, что пес натерпелся страху ничуть не меньше, чем я: в поисках пропитания волки не брезговали и собачьим мясом, в этом я и сам имел возможность убедиться, когда двух предшественников Жулика, Тигра и Малька, волки утащили с завалянки и растерзали на наших же задах, оставив мне на память одни шкуры.

Ворвавшись в избу, я вынужден был задержаться у порога, потому что увидел не только мать (что было бы естественно), но своих братьев и дедушку бодрствующими. Понурившись, они сидели за столом и не притрагивались к чугуну с картошкой, только что вытащенному из голландки. Встревожившись, я начал перебегать глазами от одного члена нашей семьи к другому, стараясь понять, что же тут произошло перед моим приходом.

Первой отозвалась мать:

— Раздевайся, сынок, садись ужинать. Где это ты запропастился?

— В школе.

— Эх, паря!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—36.

— Надежда Николаевна книгу читала. Мы сами попросили.

— Ладно, раздевайся, книгочей. Отец-то не дождался тебя. И сестра тоже. Уехали в Баланду. Настя в город Гдов укатит, к дяде вашему Павлу, ну, а папанька в Малую Екатериновку перевелся будто бы. Не поладил, вишь, с Ворониным, ну и...

Она остановила себя, чувствуя, что к горлу подползает горячий, сухой комок и вот-вот заслонит дыхание. В голосе маминим и в особенности ее глазах была даже не печаль, а что-то такое уж тяжкое и горькое, какое я слышал и видел один лишь раз в памятную ночь нашего совместного нападения на Селянихин двор. Раздевшись, сел за стол, но есть и мне не хотелось. Вялыми пальцами снял «мундир» с одной картофелины, покидал ее несколько раз из ладони в ладонь для остуды, но в рот так и не положил. Уже в постели, под знаменитой маминной шубой, Санька рассказал о стычке отца с председателем, вследствие которой папанька и порешил оставить родное село и перебраться в Малую Екатериновку на ту же должность (его вроде бы давно сманивал туда тамошний председатель сельсовета Кокодиев, друг милиционера Завгороднева).

Отец дома помалкивал, а мы-то, его семья, давно наслышаны от Степана Лукьяновича Степанова, что с Ворониным папаньке не ужиться, что тот придирается к своему секретарю по малейшим поводам, что

дело идет у них к полному разрыву и что чем раньше это произойдет, тем лучше для нашего отца.

Последнее столкновение было особенно бурным и острым. Встал ли Воронин не с той ноги, науськал ли его кто, но, едва переступив порог конторы, он накинулся на секретаря:

— Сводку по займам я за тебя должен готовить?!

— Сводка готова. Ждет твоей подписи,— спокойно ответил секретарь, хотя тщательно выбритые щеки его уже тряслись.

— А по налогам?

— Эта не готова.

— Почему?— Воронин, словно бы обрадовавшись такому ответу своего секретаря, возвысил голос до визга:— Па-че-му, я вас... я тебя спрашиваю?!

— Послушай, Воронин,— вместо ответа заговорил отец, приподнимаясь за столом; рыжий клочок волос на его макушке встал торчком.— Послушай... кто тебе дал право орать на меня... да и на других тоже, кто?.. Ну?..

— Видал, какая цаца, не кричи еще на него!— Воронин осклабился, нехорошая улыбка прошла по его вывернутым наизнанку губам.— Подумаешь, барин какой, аристократ!.. Отвечай по существу: почему не отправил сводки по налогообложению?

— А ты у Петра Ксенофонтовича спроси, их еще надо собрать, налоги, а потом уж и рапортовать в исполком. Ты, Воронин, лучше бы подумал, как люди перезимуют. Ведь весь хлеб до пылинки вывезли, на трудодни не оставили ни грамма, да и лошади не похвалят нас за то, что фураж выскребли до зернышка, а соломы и сена и до рождества не хватит...

— Ах, во-о-он ты об чем!— еще больше возрадовался, прямо-таки возликовал Воронин.— Песенка-то твоя кулацкая, товарищ секретарь сельского Совета. Будь ваша власть, вы б с голоду поморили рабочий класс, ни Днепротэса, ни Сталинградского тракторного, ни Магнитки с такими, как ты, не построишь...

— Рабочий класс скорее помрет с голоду, ежели мы поморим пахаря-кормильца,— возразил отец.

— Во-во!— оживился Воронин.— «Кормилец»! Такое я уже слышал... от Якова Соловья. Но что с того возьмешь, он ведь в сельсовете не сидит, а ты... Не-э-э-ет, дураком я был, когда не поверил тому Жукову, он, видать, правду сказывал, что ты нарочно стравил волкам рысачку... угостил жеребятиной бирюков, чтобы только не сдавать молодую лошадь в колхоз!.. Так, так... А теперь младшего братца своего отправил куда-то аж на эстонскую границу, подальше от села... Я вот еще проверю, где ты раздобыл гербовую печать, чтобы снаб-

дить его нужными бумагами... Да и об клоуне наведу справочку, выясню, где ты этого мерзавца раскопал!..

— Насчет рысачки... — Отец подошел к окну, уткнулся в стекло горячим лбом, невидяще глядя перед собой. — Вызови Гришку Жучкина, и он подтвердит, что наговорил тогда на меня по злобе — поскандалили мы с ним из-за ребятишек, черт бы их побрал совсем. Что же касается клоуна, то ведь ты отлично знаешь, что это районный культпросвет его нам с тобой сподобил. Вся моя вина состоит в том, что я его довез сюда на своей таратайке.

— Разберусь, разберусь.

— Разбирайся, но только уж без меня.

— В бега собрался?

— А ты думал, век за твою штанину буду держаться? Избави бог! — Отец с поблдевшим от решимости лицом быстро вернулся за свой рабочий стол, выдвинул из него все ящики, выхватил папки с бумагами и сложил высокой стопой перед Ворониным, малость, кажется, растерявшимся. — Забирай-ка, дорогой пред, это добро и командуй тут один. Вижу, ты умнее нас всех. До свиданья! Не поминай лихом!

Воронин, однако, успел пообещать:

— Беги, беги, от Советской власти далеко не убежишь.

Отец задержался у самой двери, крикнул оттуда:

— А я и не собираюсь от нее убежать! Она, чай, не чужая мне. А вот от тебя, Воронин, удержу с превеликим удовольствием. Бывай!

Воронин разевал рот, моргал, усиливаясь что-то еще сказать секретарю, но тому не было ни охоты, ни времени выслушивать его, продолжать с ним перепалку. Отец на всех рысях мчался домой, по-ребячьи то и дело переходя от торопливого, быстрого шага на откровенный бег, — выглядывавшие из окон своих изб бабы с удивлением провожали его, мучаясь в догадках: что это с мужиком, кто за ним гонится, что ли?

Отец спешил домой. Ему не терпелось поскорее забрать дочь и убраться сперва в Баланду, посадить ее в поезд, а потом самому податься в Малую Екатериновку под крыло молодого и уверенного в себе председателя Кокодиева. «Примечал я, — думал, приближаясь к своему двору, отец, — что Кокодиев zelo недолюбливает Воронина, не раз скреживал с ним оружие в райисполкоме. Так что не выдаст меня, не отдаст этому черту на растерзание!»

Объяснением своим с Ворониным отец был доволен, мысленно хвалил себя за смелость, которой у него всегда не хватало в разговоре с председателем, а теперь вот хватило да еще, кажется, с лихвой, с малым перебором. Ежли и поташнивало чуток, то это от мошенника-клоуна, о котором вспомнил ничего не забывающий Воронин.

По приезде в село цирковой артист перво-наперво потребовал, чтобы для него подобрали три разной величины бочки. Ничего не задумываясь над тем, на кой ляд они ему спонадобились, ничего не подозревавший Николай Михайлович нарядил Карпушку Котунова и Федота Ефремова, и те к вечеру, за час до начала представления, доставили эту тару в народ, с немалым трудом втащив ее за кулисы. Поблагодарив мужиков, клоун попросил их удалиться и принялся что-то мудрить над бочками, что-то малевать на пузатых боках, перехваченных, точно солдатскими ремнями, широкими ржавыми обручами. И когда очередь дошла до его выхода, артист выкатил их одну за другой на сцену. И тут все увидели, что на одной, которая была поменьше других, крупными буквами написано слово «КУЛАК», на другой, оказавшейся чуть побольше первой, выведено слово «СЕРЕДНЯК», а на третьей, самой большой бочке, такими же крупными и нарочито, преднамеренно корявыми буквами было начертано: «БЕДНЯК».

Затем произошло вот что.

Упершись обеими руками в первую бочку, ту, в которой были упрятаны кулаки, клоун откатил ее в самый дальний угол сцены.

— Этих в Соловки! — прокомментировал он свои действия под дружный, но не особенно веселый смех зала.

Вторую бочку откатил немного в сторону без комментариев.

— Ну, а этих, — он положил руки на бочку с пометкой «Бедняк», — этих на месте укатаем! — И красный от натуги, пытая и отдуваясь, клоун принялся и впрямь катать ее посреди сцены, и не просто катать, но так и смя мордовать, переворачивать, пинать носком сапога, и вытворял еще что-то такое, отчего уже всем было не до смеху.

Зрители недоуменно переглядывались и пожимали плечами; некоторые уже искали глазами представителей местной власти: как, мол, они могли допустить такое глумление над коллективизацией?

Разжевавши, наконец, куда гнет артист, первыми вбежали на сцену прямо из зала мой двоюродный брат Иван и Митяка Крутяков, к ним немедленно присоединились Кирилл и Алексей Зубановы, Михаил Земсков-Кривой, затем и Воронин с нашим отцом. Клоун был сграбастан, поднят множеством рук к самому потолку и теперь уж под очень веселый шум зала выдворен на улицу. Но и там не был опущен на землю, а зачем-то дважды обнесен, как плащаница, вокруг народа и только уж потом с очевидным удовольствием был брошен на хорошо утоптаный снег.

Не прошло и двух часов, как Воронин торжественно перепоручил его вызванному из района Завгороднему. Наверняка это было последнее выступление и последний смех клоуна, объявившегося в наших краях бог весть откуда. Случилось это вскоре после первого, организационного, колхозного собрания.

«Черт его принес на мою голову, — горько размышлял отец по дороге в Баланду, — не хватало мне еще этого сукиного сына артиста. Горькою отрыжкой обернулся он для меня. Воронин, чего доброго, помахает меня с ним одним миром, доказывая потом, что...»

Доводить мысль до логического конца, где ничего сладкого не виделось, отец не стал: остановил ее на полпути, сорвав гнев свой на Карюхе, которую привел с общего двора и которая в последний раз служила ему свою службу, как тот некрасовский Саврасушка из «Мороза — Красного носа». Правда, Карюха померла немного раньше своего бывшего хозяина, но в тот поздний час, когда сани скользили по залитой неживым, зеленоватым лунным светом зимней дороге, ни он, ни она, ни притихшая за спиной отца девушка не знали об этом.

Каждый из них думал свою думу. Отец думал о том, что же теперь будет с ним, его семьей, что будет с той, которая непременно увяжется за ним в Малую Екатериновку, какую пакость изготавит для него мстительный и неуравновешенный Воронин, и вообще чем все это кончится. Сестра скималась в комок от неизвестности, простирающейся где-то далеко вперед, вон за теми горами и лесами, откуда ни глазом, ни рукой, ни ногами не достать родимого гнезда (она ведь впервые выпорхнула из него, еще не ставши как следует на собственное крыло). Ну, а Карюха, верно, думала про то, что все-таки хорошо, что старый хозяин вспомнил о ней, что она могла вновь слышать знакомый голос, покашливание, причмокивание губ, попукающих ее; Карюха даже не очень сердилась на то, что это свое привычное вожжей хозяин сопровождает ударами кнута, хотя и не понимала, зачем он это делает: ведь старается же кобыла из последних сил!..

XIII

Степное Поволжье с давних-предавних времен приучило местного сеятеля ставить рядом три слова: «засуха», «неурожай», «голод», грозно вытекающих одно из другого. Бывает, когда землепашца перестают радовать ясные зори, когда с тщетной надеждой отыскивает он на раскаленном, по-

белевшем от зноя небосводе хотя бы малое облачко, когда самое солнце, воспетое всеми поэтами мира, становится проклятием. В пору дружной весны снег исчезает в течение нескольких дней. Обнажившаяся земля высыхает, едва в нее успеют бросить семена. А затем наступают дни томительного ожидания. Май на исходе, вот уже июнь подоспел, а дождя все нет и нет. Состарившиеся прежде времени растения жухнут, листья заостряются, на них уже явственно проступает зловещая желтизна. И тогда-то верующий и неверующий невольно обращали свой взор к небу; отчаявшиеся, они звали священника, чтобы тот попросил всевышнего о ниспослании на землю спасительной влаги, подкрепляя его мольбу общим хором, похожим скорее на стон: «Дай дождь земле жаждущей, Спасе!..» Не знаю более печального и трагического шествия, чем эти молебственные походы на умирающие поля...

Бог, однако, оставался либо равнодушным к горячей молитве хлебороба, либо не слышал ее (он ведь вон как высоко и далеко от земли, бог!), и к подворью мужика приближался голод. Страшный этот гость навещал его так часто, что уже казался неотвратимым, как судьба. Первый раз на моей памяти объявился он в двадцать первом году. Нежеланный пришелец постучался в крестьянские хижинки в пору, когда страна и без того была истощена тяжкими годами первой мировой и гражданской войн.

Помню, сидел я на печи совершенно голый, как неоперившийся и неопушившийся пухлячок в гнезде, и так же совершенно голодный, когда тетка Феня, дяди Пашкина жена, молодая, высокая и красивая, озираясь по сторонам, но не опасаясь меня, несмышлениша, прятала под подушку большую черноголовую, лоснящуюся и до умопомрачения вкусно пахнущую краюху ржаного хлеба. От кого она ее прятала — от нас ли, детей, которых в семье расплодилось полтора десятка, на беду взрослым, от продотрядников ли, от нищих ли, которые шли через селение полчищами, как солдаты разгромленной армии, — не знаю, от кого, но хорошо помню, как при виде этого хлеба, при его душновато-дурманящем, вкусном запахе я на какое-то время задохнулся, а потом заорал так-то уж громко и отчаянно, что из передней выскочила насмерть перепуганная мать, схватила на руки и унесла к себе, утешая. Но и сейчас, кажется, в ушах моих стоит этот мой пронзительный, голодный крик: «Теть Феня-а-а! Папы хочу-у-у!»

В тридцать третьем начался второй на моей памяти голод, он был, пожалуй, страшнее предшествующего, хотя и не был вызван засухой — этой извечной злой мачехой земли. Признаться, и теперь я еще пытаюсь уразуметь происхождение этого голода. Урожай в тридцать втором году был если не самым богатым, то, во всяком случае, неплохим. Колхозники нашего села, получивши по сто граммов на трудодень в качестве аванса, надеялись получить еще по килограмму позднее, при окончательном расчете с государством. Надежда эта, однако ж, рухнула, когда нежданно-негаданно объявился «встречный план» по хлебозаготовкам, который неумеренным усердием местных властей и малограмотных активистов подмел артельные сусеки до последней зеринки, оставив людей без хлеба, а лошадей колхозных без фуража.

Тридцать третий год остался и останется в памяти моей самой ужасной отметиной. И как ни тяжело и ни горько вспомнить о нем, я все-таки обязан сделать это перед своими земляками. Обязан перед памятью людей, отдавших свои жизни хотя и не на боевых рубежах Великой Отечественной, но совершивших подвиг хотя бы уж одним тем, что в самую трудную годину, до самого своего смертного часа не разуверились в Советской власти, не предали ее анафеме, не проклинали, завещая эту святую веру тем, кому суждено было жить, бороться, побеждать и исполнять свои обязанности на крутых рубежах истории.

Продолжение следует.

В МИРЕ ВСЕ ИЗМЕНЯЕТСЯ

Сергей ОСТРОВОЙ

Известному русскому советскому поэту Сергею Григорьевичу ОСТРОВОМУ исполнилось 70 лет. Редакция «Огонька» сердечно поздравляет поэта со знаменательной датой и публикует его новые стихи.

АНТЕННА ДУШИ

Старую землю свою любя,
Стараюсь раскрыться шире,
Я пропускаю через себя
Любое движение в мире.

Кто-то тропу протоптал в глуши.
Вернулся с войны калека.
Звучит антенна моей души
Тревожным голосом века.

Я слышу, как утром звенят лучи,
Как ветер поет просторно,
Как колокол поля кричит в ночи,
Когда высыхают зерна.

Как перед разлуками плачет
вокзал,
Как стало кому-то худо,
А кто-то любимой своей сказал:
— Родная моя! Ты — чудо!

Я слышу, как скалится волчья
пасть,
И тянутся листья к свету,
И старая бомба зевает власть,
Грозя потоптать планету.

Рождаются дети в ночной тиши.
Минует за вехой веха.
Звучит антенна моей души
Тревожным голосом века.

РАНИМОСТЬ

Пусть это веками положено. Пусть.
А некуда деться от боли.
Есть в таянье снега какая-то
грусть,
Ранимость какая-то, что ли.

Какой-то кладбищенский серый
покой.
Размытые — в корочках — грани.
А вот ведь вчера еще — белый
такой —
Лежал он на этой поляне.

Студеная свежесть звенела
вокруг.
Лучились певучие льдинки.
Но утром негаданно, исподволь,
вдруг
Сошли снеговые картинки.

И пусть так веками положено.
Пусть.
А некуда деться от боли.
Есть в таянье снега какая-то
грусть.
Ранимость какая-то, что ли.

КАМЕНЬ

Валяется камень в пыли.
Ребристый такой. И тяжелый.
Вечерние тени легли
На лик его пасмурный, голый.

Бегут вереницы людей.
Машины проносятся мимо.
А камень — черней и черней —
В натеках осеннего грима.

Лежит он в холодной пыли.
Приткнулся у дальней скамейки.
Морщинки по камню пошли,
Зазубринок черные змейки.

А в ночь, когда тягостный сон
Свинцовой качнется волною, —
Все чудится камню, что он
Высокой вознесся стеною.

Он домом стоит у реки.
Он держит тяжелые своды.
И так его плечи крепки,
Что камню завидуют годы...

БЕССМЕРТИЕ

Хотите верьте или не верьте,
Однажды Смерть испугалась
смерти.

Однажды утром, когда светало,
Пришла с работы. И страшно
стало.

И намахалась. И накосила.
Откуда только берется сила?

И так намаялась. Так устала.
И вновь ей жутко чего-то стало.

Вон у косы-то края оббились,
Как будто гвозди в нее влюбились.

И тут хоть верьте, а хоть не верьте,
А снова Смерть испугалась смерти.

А вдруг все зло, что она творила,
Придет однажды. И скажет:
— Было?!

И тени старцев и кто моложе
Закроют небо. И землю тоже.

И закричит на березе кочет.
А за стеною война клокочет.

А в чистом поле лежат солдаты.
Чуть припорошены. Бородаты.

Им люди памятники поставят.
Их славит бронза. И песни славят.

И скажет кто-то, как в вещем
чуде:
— И смертна Смерть!
И бессмертны люди.

ВЕСЕННЕЕ

Повернуло, повернуло на весну.
Вот и речка ловит звезды на
блесну.

Вот и небо повернулось на восток,
Зацепившись за березовый росток.

Я по розовому полю пробегу.
Скачут солнечные зайцы на снегу.

Теплый ветер отмыкает добела
Почерневшие разводины ствола.

Почесался об осину старый лось.
Вот и солнце на рогах его
зажглось.

И лежат вокруг тяжелые следы,
Как бочата для натаявшей воды.

И такая наступает благодать,
Что не хочется про черное гадать.

СКУКА

И друзей имею. И врагов.
Может, это истина расхожая?
У поэта множество богов.
Я люблю такое многобожие.

Но молюсь я богу одному.
И живу по правилу чудесному —
Это, чтоб всегда в моем доме
Место было делу интересному.

Говорят, что будто меж людей
Скука ходит. Злая. Постнолика.
И что там ей — скуке — веселей,
Где безделье мается великое.

Я не ведал скуки. Никогда.
С нею ласы у меня не точены.
Мне бы дело в руки. И айда.
Я простор люблю. А не обочины.

Вот чему молюсь я. Одному.
И живу по правилу чудесному —
Это чтоб всегда в моем доме
Место было делу интересному.

Ах, как песни поют на Руси...
Ты о песнях меня расспроси.

Я еще на Непрядве-реке
Их певал при рябом костерке.

Я еще — по траве босиком —
Их в Сибири певал с Ермаком.

И в минувшую эту войну
Я и сам их сложил не одну.

Ах, как песни поют на Руси...
Если худо тебе — голоси.

Если радость в душе горяча —
Удалую на вымах, сплеча,

Чтоб шатнуло вдали окоем.
Так мы плачем. И так мы поем.

Так мы любим. И бог нас спаси.
Ах, как песни поют на Руси.

ПРЕДМЕТЫ

В мире все изменяется. Кроме
Вековых примет бытия:
Все, что есть в человеческом
доме,—
Это ты. Это сущность твоя.

Это все породнилось с тобою.
Это ты. Это ты. Это ты.
Эта мебель. И эти обои.
Эти — в кадках тяжелых — цветы.

Ты здесь дорог любому предмету.
Здесь уют твой. И здесь твой
содом.

Я по запаху их и по цвету
Без ошибки узнаю твой дом.

Есть глаза у предметов. И уши.
Кто стоит на виду, кто в тени.
Загляни же поглубже в их души —
Сколько былей расскажут они.

Вещи тоже несут свое бремя.
В светлый праздник и в стужу
годин
Это с ними ты в разное время
Остаешься один на один.

Все, что есть в человеческом
доме, —
Это ты. Это сущность твоя.
В мире все изменяется. Кроме
Заповедных
примет
бытия.

АЭРОДРОМ

Этот гул. Этот бешеный гром.
Сотрясения, как потрясения.
Шар земной — это аэродром.
Мчись в полет и не знай
опасения.

Улетать от себя. И к себе.
Разве это не радость? Не чудо?
Дни крылатости в каждой судьбе
Вовсе праздновать было б не худо.

Всё куда-то к огромному мчать.
Украшать свое место под солнцем.
И дороги свои отличать
Быстротой, а не малым разгонцем.

Встанет звук вертикальным
ребром.
Ты широкие крылья раскинешь.
Каждый дом — это аэродром.
Это старт твой. И это твой финиш.

В жизни многого надо хотеть.
Промелькнет за страницей
страница.
Если б знать, где повыше
взлететь,
Где получше всего приземлиться.

А над миром рокошущий гром.
В синеве световые пунктиры.
Вся земля — это аэродром.
Что мы знаем о ней, пассажиры?..

МОСТЫ

Ночь ставит лунные посты.
Сбежались звезды по тревоге.
И разведенные мосты.
И разведенные дороги.

И разведенная любовь.
И две судьбы — как две разлуки.
Когда ж мосты сойдутся вновь,
Чтобы подать друг другу руки?!

Меж ними черная вода.
Глухая бездна без просвета.
Ушли мосты невесть куда,
И все осталось без ответа.

Теснятся волны на бегу.
А души ждут, изнемогая.
Одна на левом берегу.
На правом берегу другая.

Две половинки. Два мечты.
И две судьбы. И два светанья.
И разведенные мосты.
И неподвижность расстоянья.

Мосты вернутся в свой черед.
Зарею воды осенятся.
И две души уйдут в полет.
И две любви соединятся.

Фотография 1981 года.

Фото И. Гаврилова

КЛАССИК

Ученый секретарь Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники профессор Н. С. АРЖАНИКОВ

90 лет — большой срок. И никто не будет утверждать, что человек в 90 лет юн. Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий академик Иван Матвеевич Виноградов мудр. Он полон сил, энергии, игры своего яркого ума математика. И еще он полон заботы о будущем, о тех молодых математиках, которым суждено прославить советскую науку.

Уже первые работы И. М. Виноградова продемонстрировали его блестящую силу аналитика и сразу поставили в ряд выдающихся ученых. Вся его научная деятельность связана с труднейшими нерешенными проблемами и фундаментальными классическими задачами теории чисел.

Нематематику трудно понять суть этой области науки. И все-таки я попробую приподнять завесу таинственности хотя бы над одним из открытий академика Ви-

ноградова, которое принесло ему мировую славу.

С простейшими свойствами целых чисел человечество столкнулось на заре цивилизации. На сколько частей удобнее разделить день? Казалось бы, на десять, раз мы используем счет по десяти пальцам. Но вот уже несколько тысячелетий люди вслед за вавилонскими учеными день делят на двенадцать часов, а сутки — на двадцать четыре. У числа 12 — шесть натуральных делителей: 1, 2, 3, 4, 6, 12. Поэтому не только полдня, но и трети и четверти дня и суток содержат целое число часов. Например, в сутках — три смены по 8 часов каждая или четыре смены по 6 часов. А если делить на равные кварталы (или времена года) год лунно-солнечного календаря, состоящий из 13 месяцев по 28 дней, без дробей месяца не обойтись. Ведь у числа 13 только два натуральных делителя: 1 и 13. Недаром 13 в древности считали нехорошим числом.

Те натуральные числа, которые делятся только на единицу и самого себя, математики называют простыми. Если у числа имеются и другие натуральные делители, его называют составным. Исключительный случай — число 1, у него только один натуральный де-

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА И. М. ВИНОГРАДОВА

«Я рад, что мне выпала честь выступать о работах математика, ставшего классиком при жизни. Ведь обыкновенно классиками мы называем выдающихся деятелей лишь после смерти...»

Иван Матвеевич Виноградов стал классиком при жизни, в расцвете своего дарования. Это ученый, которым страна может гордиться и имя которого будет на века записано в науке. Полученные им результаты — действительно накопленные результаты. Над этими проблемами столетиями трудились крупнейшие математики мира.

Видимо, трудно назвать в мире академию или университет, членом которых или почетным доктором не являлся бы советский ученый академик И. М. Виноградов.

Вот эта маленькая книжка, выдвинутая на соискание Ленинской премии, просто жемчужина в истории математики. Ее будут читать не в течение десятилетий, а в течение столетий. Теоретические результаты, изложенные в этой книжке, принадлежат к лучшим в области математики в нашем столетии, а быть может, и не только в нашем столетии».

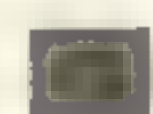
Из выступления в Комитете по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники президента Академии наук СССР М. В. Келдыша при обсуждении работы И. М. Виноградова «Метод тригонометрических сумм в теории чисел».

Публикуется впервые.

1972 год.

**Герой Социалистического Труда
академик П. Я. КОЧИНА**

МАТЕМАТИК ИЗ СЕЛА МИЛОЛЮБ

С Иваном Матвеевичем Виноградовым я знакома уже около 60 лет. Помню, как в 20-х годах мы с моим мужем Николаем Евграфовичем слушали его лекции в Ленинградском университете. Занятия проходили в аудитории, куда попадали через кабинет геометрических фигур и механических моделей знаменитого П. Л. Чебышева. Некоторые профессора, в том числе и Иван Матвеевич, в перерыв не уходили в профессорскую, а оставались в этом кабинете.

Уже тогда о Виноградове ходили легенды. И о его исключительной математической одаренности и не менее исключительной в ученом физическом смысле. В перерыве между занятиями Иван Матвеевич, коренастый и широкоплечий, упражнялся со стулом: поднимал его за одну ножку или держал одной рукой за верхнюю часть спинки так, чтобы сиденье оставалось вертикальным. Никто в университете этого проделать не мог, и Иван Матвеевич чрезвычайно гордился. Но потом появился студент, который стал состязаться с профессором в проделывании таких упражнений. До сих пор Иван Матвеевич с досадой вспоминает того студента.

Мне тогда уже не надо было сдавать экзамен по теории чисел, так как я сдала его профессору Я. В. Успенскому, у которого, кстати, учился и Виноградов. Но теория чисел мне очень нравилась, и я стала слушать лекции Ивана Матвеевича, которые до-

ставляли огромное наслаждение.

Ну разве не замечательно доказательство того, что число простых чисел неограниченно велико? Для доказательства достаточно, предположив, что число простых чисел конечно, перемножить их и к произведению прибавить единицу. Тогда или получим новое простое число, или его делители будут простыми числами, не совпадающими с ранее найденными.

И. М. Виноградов открыл новые методы в так называемой аналитической теории чисел, оказавшие огромное влияние на ее развитие и, как в дальнейшем выяснилось, имеющие приложения далеко за ее пределами. Недаром его часто называют преобразователем высшей арифметики.

Родился Иван Матвеевич в селе с приятным, необычным названием Милолюб, тогда Великолукского уезда Псковской губернии. Тепло вспоминает он о своем отце Матвее Авраамиевиче, небогатом сельском священнике. Отец учил сына: «То, что отличает человека от животного, — это мозг. Ваня, учись и не гонись за деньгами». Мать Ивана Матвеевича, Александра Федоровна, окончила Псковскую гимназию. Она хорошо успевала по математике и считала, что передала сыну свои способности. Сам Иван Матвеевич говорит, что складом ума он похож на отца.

После окончания реального училища Иван Виноградов поступает на физико-математический факультет Петербургского университета.

НАУКИ

литель, и оно простым числом не считается.

Теория натуральных чисел, или, как ее кратко называют, теория чисел, издавна привлекала к себе интересы многих выдающихся математиков глубиной своих проблем и чрезвычайной трудностью их решения.

Важную теорему о простых числах нашел Евклид, автор знаменитых «Начал». Он доказал, что простых чисел бесконечно много. Дальнейшее продвижение в этом вопросе произошло только две тысячи лет спустя, когда в 1848 году замечательный русский математик П. Л. Чебышев строго оценил долю простых чисел в отрезке натурального ряда.

В 1742 году петербургский академик Х. Гольдбах в письме к знаменитому математику и тоже петербургскому академику Леонарду Эйлеру отметил, что, по видимому, любое нечетное натуральное число (больше 9) можно представить в виде суммы трех простых нечетных чисел. Эйлер ответил, что эту гипотезу он проверил до очень больших чисел, но вот к доказательству даже подступов придумать не сумел.

С того времени гипотеза эта притягивала внимание многих математиков. Ей посвящена обширная литература. Были даже изо-

бретены различные способы эмпирической проверки этой гипотезы для весьма больших чисел. Однако никакого подхода к решению проблемы Гольдбаха найдено не было, и на одном из международных конгрессов ученые пришли к выводу, что она недоступна средствам современной математики. Поэтому решение проблемы Гольдбаха, данное академиком Иваном Матвеевичем Виноградовым, вызвало восхищение математиков во всем мире. Развивая свой очень общий и глубокий аналитический метод, он даже подсчитал примерное количество различных представлений данного нечетного числа суммами трех простых чисел.

Как-то я спросил Ивана Матвеевича, сколько же времени потребовала от него эта работа, ведь математики мира не могли справиться почти двести лет!

— Конкретно на схему доказательства решения проблемы Гольдбаха что-то около часа, — просто ответил академик и с улыбкой добавил: — Помню, было это 1 Мая 1937 года во время демонстрации. Я решил, что тоже должен совершить сегодня что-то выдающееся. Засел за работу... А вот над самым методом я работал около трех лет...

В дальнейшем И. М. Виногра-

дов развил свои методы и получил новые замечательные результаты в задачах, к которым раньше не было никаких подходов.

Сейчас его методы применяются и в вычислительной математике, и в математической физике.

И. М. Виноградовым создана советская школа аналитической теории чисел, представленная многими крупными учеными. На его замечательном учебнике «Основы теории чисел», выдержавшем большое число изданий и переведенном на языки многих стран мира, воспитывались поколения советских математиков.

В Академию наук Иван Матвеевич Виноградов избран в 1929 году. Ведущие научные общества мира тоже почли за честь выбрать его своим сочленом. С 1942 года он является членом Лондонского королевского общества, с 1946 года — Парижской Академии наук и Академии наук США, затем Италии, Дании и многих других стран.

Работа Виноградова «Метод тригонометрических сумм в теории чисел» вышла в 1971 году, когда Ивану Матвеевичу было уже больше 80 лет, и нас всех поражаало сочетание в ней мудрости и ясности с каким-то особым, молодым романтизмом ума.

От Виноградова-ученого неотделим Виноградов — выдающийся организатор науки и талантливый педагог. С 1932 года Иван Матвеевич — директор Математического института имени В. А. Стеклова АН СССР. Он стал фактическим создателем этого центра математической мысли в стране.

— У нас еще с довоенных времен идет такая традиция — приглашать способных молодых лю-

дей в институт на двухгодичную стажировку старшими научными сотрудниками. Президиум нам выделяет ставки. Мы не смотрим, что люди из провинции, лишь бы тематика их занятий была интересной. До войны такую докторантуру окончили Келдыш, Марджанишвили, Никольский, после войны — Сираждинов, Платонов, — рассказывает ученый.

И так уж вышло, что становление подавляющего большинства выдающихся советских математиков нашего времени проходило именно в стенах «стекловки», а многие ее отделы стали самостоятельными крупными научными центрами.

Велик круг общественных обязанностей академика: он председатель Национального комитета советских математиков, член бюро Отделения математики Академии наук СССР.

Сегодня Ивана Матвеевича больше всего волнует, по каким математическим программам будут учиться школьники в ближайшее время. «Школа — дело серьезное», — любит говорить он.

Еще в 30-е годы Виноградов был одним из инициаторов «восстановления в правах» хорошо зарекомендовавшего себя стабильного школьного учебника А. П. Киселева. И сейчас академика огорчает, что авторы новых учебников повторяют ошибки педагогики двадцатых годов.

А совсем недавно академик И. М. Виноградов избран председателем комиссии Академии наук СССР по школьному математическому образованию. Мне это кажется глубоко символическим.

Путь в науку был необычен и стремителен. Как-то к профессору Я. В. Успенскому пришел студент, взял тему по теории чисел и исчез. Он появился лишь через год, но зато принес полное решение труднейшей задачи. Это и был Иван Виноградов.

В 1915 году его оставляют при университете для подготовки к профессорской деятельности. Через пять лет он уже профессор Пермского университета. По возвращении в Ленинград преподает в политехническом институте и Ленинградском университете. В 1934 году Академия наук СССР переезжает в Москву. Иван Матвеевич, уже давно академик, директор Математического института имени Стеклова.

В этом институте работали и мы с мужем, и дружба наша с Иваном Матвеевичем еще больше окрепла.

Лето обычно проводили в Теберде — живописнейшем месте Северного Кавказа. Там же отдыхали академики И. М. Виноградов, М. А. Лаврентьев, Л. И. Седов и другие математики. Иван Матвеевич принимал участие в совместных прогулках и в игре в волейбол. Теперь он вспоминает о жизнерадостном характере моего мужа и об азартности его игры, о том, как он восклицал при каждом удачном ударе: «Это мяч Кочина!»

Во время одной из прогулок Иван Матвеевич рассказал, как он, уже будучи профессором, стал лесорубом. Весной врач объявил ему, что он должен побереечь утомленное сердце и устроить се-

бе спокойный летний отдых. Но Иван Матвеевич решил, что лучше всего он укрепит свое сердце, если отправится в дальний путь. В это время преподаватель горного института П. П. Кузнецов набирал студентов на работу по геодезической и магнитной съемке на Урале, около горы Благодать. Иван Матвеевич и профессор Андрей Митрофанович Журавский, тоже математик, присоединились к группе. А. М. Журавский жаловался на ревматизм, но, когда они доехали поездом до Урала, ревматизм прошел.

Со специально нанятыми рабочими профессора отправились рубить в лесу просеки, нужные для производства съемок. Кто они такие, здесь никто не знал. Первый раз их повезли на лошадях в лес, за 12—14 километров от стоянки, потом на работу ходили пешком. Поставили рейки для обозначения участка вырубki. Через несколько дней профессора достигли нормы и даже начали обгонять опытных лесорубов.

Мы часто подтрунивали, что Иван Матвеевич Виноградов гордится своей необычайной физической силой больше, чем научными достижениями. Таким он остался и теперь. Недавно я услышала рассказ о его поездке в Эдинбург, на конгресс математиков. Когда группа советских ученых вышла из вагона, носильщик погрузил их вещи на тележку, чтобы довести до машин. Но на пути были рельсы, через которые нагруженная тележка не могла переехать. Вдруг Иван Матвеевич подходит к носильщику и, к все-

общему удивлению, подняв тачку с чемоданами, переносит ее через рельсы, а затем спокойно продолжает прерванный разговор с английскими учеными.

Другой случай, происшедший тоже в Англии: на вечере от Ивана Матвеевича отошли хозяева, и ему стало скучно. Он не любит, когда на него не обращают внимания. В это время одна молодая дама играла на рояле. Вдруг она заметила, что рояль отодвигается от нее: это Иван Матвеевич полез под рояль и, подставив под него спину, приподнял его и перенес на другое место. Воображаю изумление членов Королевского общества, в коем состоит и академик Виноградов! Иван Матвеевич объяснил, что, не зная латинских букв (он любит прикидываться простачком, это ведь парадокс-шутка: любой математик не может не знать латинских букв), он таким способом определяет марку рояля, так как очень ценит музыку.

Это, кстати, чистая правда. Ученый прекрасно разбирается в музыке, имеет собственные смелые и оригинальные суждения о произведениях различных композиторов. Кроме того, он хорошо рисует и обладает отличной зрительной памятью. В этом я убедилась, когда вела с ним разговор о его отце. Иван Матвеевич быстро нарисовал церковь (теперь не существующую), в которой служил его отец, и плиту-надгробие брата Михаила Илларионовича Кутузова, Александра (имение Кутузовых находилось в тех

краях, где родился И. М. Виноградов).

Во время Великой Отечественной войны И. М. Виноградов был с Академией наук в Казани, где, как все математики, работал на оборону страны. На субботниках же он в одиночку таскал самые большие бревна и вообще не чурался тяжелого физического труда.

Хорошему состоянию здоровья академика в его почтенном возрасте и сегодня содействует не только напряженная умственная работа, но и занятия физическим трудом. На даче в Абрамцево он разбил прекрасный цветник, по-прежнему ходит по многу километров пешком.

Однажды я видела, как один член-корреспондент волочил по бетонной дороге абрамцевского поселка большой выкорчеванный пенек. Он сказал, что направляется к Ивану Матвеевичу, который отлично справляется с рубкой таких пней. Иван Матвеевич заметил, что, пожалуй, не стоит рассказывать об этом случае, и особенно называть фамилию члена-корреспондента, а то того не выберут в академики за незнание законов механики! Ведь секрет здесь прост — перевернув пенек, нужно выделить линии минимального сцепления, по которым и вбивать клинья. Метод Виноградова!

...В этих коротких записках я почти ничего не говорю о поразительной одаренности и заслугах Ивана Матвеевича как математика. Поверьте мне на слово: его авторитет в мировой математической науке незыблем, его заслуги огромны. Мне хотелось просто, чтобы люди, не знающие его, почувствовали нетривиальность этого удивительного человека, всемирно известного советского математика из села Милолюб.

Валентин САФОНОВ

Фото М. САВИНА

...Осени ранние дни. Богатырские шлемы соломенных стогов на стерне и по окоему, на закраинах перелесков и рощиц — жаркие сполохи рябиновых кустов.

Тонкая веточка рябины с алыми, сочными ягодами лежит у подножия памятника Анатолию Мерзлову. Рябина. Постамент. Бюст... Самое трудное в скульптурном изображении — выразить живость взгляда. Глаз человека в постоянном движении, а мастер работает с тяжелым металлом или с не менее тяжелым камнем. Как в застывшую, недвижимую форму вдохнуть мысль, страсть, доброту, отвагу?

Живому взгляду юноши на постаменте открываются бездонная синева неба, широкая проселочная дорога, поле за ней. Он видит всех, кто идет и едет мимо, кто приходит к нему. Видит земляков.

Памятник, открытый всем ветрам, стоит на центральной усадьбе колхоза имени Чапаева. Отсюда, по местным меркам, рукой подать и до того поля, которому Анатолий навеки подарил свое имя.

Вспомним, как это было.

Лето 1972 года выдалось необычайно знойным, засушливым и дымным: в пламени пожаров сгорали леса и торфяники. Скорбные приметы того времени: звери бежали из чащоб — искали спасения у воды, птицы не рисковали пролетать над бором, в тлетворном дыхании огня жухла, корбила, разрушалась ботва на картофельных и свекольных грядках.

Толя Мерзлов в паре с другим трактористом скирдовал солому. Островок жнивья, по которому их машины таскали волокушу, перемещался в массив еще не сжатой пшеницы. Там, в загонках, один за другим шли комбайны, и люди за их штурвалами радовались отменному урожаю: двадцать с лишним центнеров на гектаре — это ли не достижение при редкостной засухе?!

В полдень к трактористам приехали председатель колхоза Алексей Николаевич Сенаторов и Зинаида Васильевна Зуева, член правления, депутат Верховного Совета СССР. Трактористы остановили машины, сошли навстречу гостям.

«Толя стоял и улыбался нам,—вспоминает Герой Социалистического Труда, нынешний председатель колхоза Зинаида Васильевна Зуева.— Лицо черным-черно от загара и пыли, лишь глаза светятся, да зубы сверкают...»

— Молодожен-то наш как жизни радуется,— сказала она своему попутчику.

— Хороший парень,— на свой лад похвалил Сенаторов.— Скромный и работник безотказный...

Я рассказываю об этих деталях и потому, что они запечатлелись в памяти людей, видевших Анатолия за минуты до его подвига. Он не мог не радоваться жизни. Ему было восемнадцать лет, он любил людей, и люди платили ему тем же, любил свою юную жену и готовился стать отцом, любил родителей и младших в семье — брата Славку и сестру Галку.

— К завтрашнему вечеру управитесь? — взмахом руки обвел Сенаторов неубранную солому.

— Постараемся сегодня,—пообещал обычно скупой на слова Анатолий. Зуева назвала

его молодцом, и он застеснялся, даже отступил на шаг-другой — будто спасения от похвалы искал в куцей тени трактора.

На том они простились, Сенаторов и Зуева поехали в контору. А меньше чем через час над поселком взвился истошный крик:

— Пожар-а! Хлеб горит...

Люди бежали в поле — спешили спасать хлеб. И еще не знали, что горит не пшеница — от случайной искры порохомым пламенем занялась солома, пламя перекинулось на трактор Мерзлова. И он один на один вступил в жестокую схватку с огнем, сминал, душил, убивал его голыми руками, отрезая ему пути к хлебному массиву, в котором сновали комбайны. А потом поднялся в раскаленную машину, чтобы вывести ее из огненного плена. Старенькую свою машину он любил, как живое существо, не единожды собственными руками разбирал и собирал ее, смазывал и холил, чтобы не случилось в работе заминки какой, неисправности. А тут — лютое, всепожирающее пламя, мгновения до взрыва, который разнесет все в куски. Не дать, спасти!..

«...Жгучим факелом Анатолий вышел из пламени, оставив кожу с ладоней на раскаленных рычагах, ослабев от борьбы, сам срывал с себя жаркую одежду», — тремя месяцами позже скажет его мать Нина Петровна в Слове, обращенном к сверстникам сына. Анатолий умирал две недели. Четырнадцать суток! Сведущие в медицине люди утверждают, что с такими ожогами человека не хватит и на трое. Не хватит, если умирать. Анатолий хотел жить и — недвижимый, спеленатый бинтами и болью — жил. Яростно, нетерпеливо.

Вот несколько эпизодов из тех дней.

Нина Петровна, мать юноши, два или три дня не заходила в палату — боялась увидеть Толю таким, каким он стал. Все кружилась возле распахнутых окон, плакала. И вдруг до ее слуха донеслось:

— Мама, да не бойся ты меня, приди ко мне.

Она и сейчас не вспомнит, как оказалась возле сына, что — бессвязно и жарко — говорила ему, оправдываясь. А он не дал ей продолжить — перебил. И тихо, с улыбкой в голосе:

— Совсем ты у меня молодая, а скоро бабушкой станешь.

Она не поняла — подумала: бредит в жару. Но переспросила:

— Почему молодая?

— Нянечка говорит, что ты не на мать — на сестру мою похожа. А родится кто-то у нас — бабушкой станешь.

Нине Петровне в ту пору сорок один год исполнился.

Одной из первых в палату к Анатолию пришла Зинаида Васильевна Зуева. И, разговаривая с парнем, не смогла сдержать рыданий в голосе — прорвалась.

— Не надо, тетя Зин,— строго сказал Анатолий,— страшного ничего не случилось. Вот выйду, почию трантор — ты опять ко мне в поле приедешь. Скажешь: молодец, Толяня!

В другой раз Зуева застала Анатолия за необычным занятием: он медленно, размеренно поднимал руки над собой, заводил их за голову, затем снова опускал и выравнивал вдоль тела. Концы бинтов, не связанные в узлы (чтобы не причинять лишней боли), волочились по простыне за руками.

— Что ты делаешь, Толя? — испуганно спросила Зуева.

— Зарядку, тетя Зин. Тренируюсь. Так я скорее поправлюсь.

Сожженное его тело не могло дышать и, лишённое пор, не выделяло жидкости. А организм постоянно требовал влаги. И ее вводили шприцами в виде растворов. Каких же немощных усилий, какою пренебрежением к боли требовала такая вот зарядка!

Два подвига совершил Анатолий Мерзлов: один — в борьбе за хлеб, другой — в борьбе за жизнь. И жаль, невыносимо жаль, что возможности медицины пока еще не встали вровень с возможностями человеческого духа...

У дома в Прудских Выселках, где родился и прожил свои восемнадцать лет Анатолий, теперь другие хозяева. Через три года после смерти сына Алексей Михайлович и Нина Петровна переехали на центральную усадьбу, а точнее сказать, на другую улицу в колхозе. Причины переезда понятны и объяснимы. Осиротевшая мать не могла оставаться в стенах, где все, буквально все ежедневно, ежеминутно кричало ей о первенце, вызывая острую боль в сердце. Тесовая дощечка в приступке крыльца, прибитая Толей на место подгнившей... Рамка для вырезанного из журнала портрета Гагарина, собственноручно

сколоченная им... Зарубки на дверном косяке — меты роста по годам, своеобразные вехи взросления и физического возмужания паренька. Он был высоким и очень сильным молодым человеком, несмотря на свою худобу, и еще был крайне застенчив.

Нина Петровна и Алексей Михайлович переехали в новый дом, а письма все идут по старому адресу: Рязанская область, село Прудские Выселки. Спасибо письмоносу — точно знает, куда приносить.

Пишут люди самых разных возрастов, из всех уголков необъятной нашей страны. Одни — и таких большинство! — восхищаются самоотверженным поступком Анатолия, обращаются к родителям со словами утешения и поддержки. Другие — гораздо меньше, но тоже есть! — сами ищут поддержки у Мерзловых, спрашивают совета, как поправить свою несложившуюся судьбу. Пионеры и комсомольцы рапортуют о своих школьных и трудовых успехах, рассказывают о том, как борются их отряды или производственные коллективы за право носить имя Анатолия Мерзлова, просят подробнее рассказать о нем.

Читаю эти неравнодушные послания — и поблекшие цветом, девяти- и восьмилетней давности, и самые последние, не утратившие запаха чернил — и думаю о том, какое великое и чуткое сердце у нашего народа. Трагедия и скорбь одной семьи стали трагедией и скорбью тысяч и тысяч советских людей. Мужество Анатолия повторяется в мужестве тысяч и тысяч соотечественников. Так есть ли границы у поля Анатолия Мерзлова? Оно истине беспредельно, раскинулось на десятках миллионов квадратных километров, имя ему — Родина. А те сто пятьдесят гектаров колхозной земли, тот островок, на котором девять лет тому назад Анатолий нашел свою высокую и трагическую долю, — всего лишь болевой нерв, обожженная клетка неоглядной и щедрой нашей нивы. Но он существует, тот островок, и не только в нашем сознании — в реальном мире...

Девять лет тому назад среди писем попадались отдельные с таким вопросом: стоило ли ради железки и клочка поля рисковать жизнью? Время начисто перечеркнуло иронию и цинизм скептиков: на подвиг, равный мерзловскому, уже после его смерти решились не один и не два человека — больше. Последним из них по времени — в минувшее лето, тоже необычайно жаркое и засушливое — стал молодой офицер Николай Кузнецов, помогавший убирать хлеб в южном совхозе «Гигант». Тезка и однофамилец известного разведчика, героя Великой Отечественной войны, он и сам действовал, как на войне: жертвовал собой, спасая от огня хлеб и подчиненных солдат. Боевых товарищей...

Идут и идут письма в адрес Мерзловых, не прерывается, не мелеет их поток. Читаю взволнованные строки, делаю выписки на память, а она, память, переносит меня в другой дом, к дверям которого письмоносец тоже приходит с переполненной сумкой. Дом этот стоит на улице Гагарина в городе Гагарине, и хозяйкой в нем — Анна Тимофеевна, мать первопроходца Вселенной. Я бывал здесь не единожды и знаю достоверно, как они, такие вот письма, помогли Анне Тимофеевне выстоять в трудные минуты всенародного и ее личного — неизбывного по сию пору — горя.

В 1975 году, когда мы праздновали 30-летие Победы над фашистской Германией, в Москве по инициативе ЦК ВЛКСМ встречались матери героев-комсомольцев. Там Нина Петровна познакомилась и с Гагариной и с Космодемьянской.

Мать Анатолия Нина Петровна Мерзлова и дочь Света. * Комсомольский билет героя. * Зерно нынешнего урожая. * На улице имени Мерзлова. * Шофер Александр Каширкин работает на том самом поле... * Трактор Анатолия Мерзлова...

На развороте вкладки: ...И его поле.

ПОЛЕ АНАТОЛИЯ МЕРЗЛОВА

Ее поразило, что обе немолодые уже женщины, матери известных всему миру людей, знают о подвиге ее сына, что обе отнеслись к ней с таким участливым вниманием, как будто хотели взять на себя частицу ее боли. Да и взяли...

Из писем, которые получают Мерзловы, мне хотелось бы выделить несколько главных, основных вопросов и по возможности ответить на них. Необходимость такого ответа вызвана и настоятельной просьбой Нины Петровны: она физически не в состоянии написать всем своим корреспондентам, за что и просит извинения у них. Вот они, эти вопросы.

Спрашивают люди: что, какие личные и душевные качества заставили Анатолия пойти в огонь?

— Честным он был — перед людьми и перед своей совестью, — тихо говорит Нина Петровна. — Ни себе, ни кому-либо солгать не мог. И не хотел. От честности все — и огня не боялся и в звезду свою верил. В то, что поправится, жить будет...

Глаза ее наполняются слезами. Нет, к горю привыкнуть нельзя.

Спрашивают люди: как живут родные и близкие Анатолия? Как сложилась судьба его товарищей — выпускников Михайловского СПТУ № 5? Что сделано на родине героя для увековечения его памяти?

Что ж, по порядку.

Нина Петровна до последнего времени работала дояркой, удостоена высоких правительственных наград, избиралась членом районного комитета партии. И дальше трудилась бы, сколько силы хватит, да болезнь подвела, заставила на время уйти от дел...

Алексей Михайлович по-прежнему заведует молочнотоварной фермой, а заодно исполняет обязанности слесаря. Мы встретились с ним на крыльце колхозной конторы, случайно встретились, и он не захотел рассказывать о сыне — только выдавил глухо: «Не могу...» Все четырнадцать суток, с первого до последнего часа, провел Алексей Михайлович у койки Анатолия, и еще никто не слышал от него рассказа о том, что это были за часы.

Выросли, поднялись на ноги и младшие — сестра и брат, — которых так нежно любил и, с шести лет оставаясь в доме за хозяина, заботливо опекал Анатолий. Галина работает в колхозе птичницей, растит дочь Ирину... Вячеслав отслужил службу в ракетных войсках. Когда-то по примеру старшего хотел выучиться на тракториста. Однако ненависть к лютому, беспощадному пламени, унесшему жизнь

брата, оказалась сильнее мечты детских и отроческих лет. Вячеслав стал бойцом пожарной охраны, и, по отзывам его начальников, отличным бойцом: смелым, бесстрашным, находчивым. Недавно он привел в родительский дом молодую жену...

Есть и еще человек из рода Мерзловых, о котором обязательно нужно сказать здесь. В колхоз имени Чапаева я приехал с местными поэтами Алексеем Корнеевым и Анатолием Солянкиным. И вот неожиданно для себя стали мы свидетелями такой сцены. У памятника Анатолию Мерзлову остановилась девочка лет восьми-девяти, наклонилась, положила к подножию яркую веточку рябины. Потом выпрямилась, и отошла на несколько шагов, и замерла, долго и пристально вглядываясь в скульптуру. И было в повороте ее головы, в чертах лица, в упрямо сжатых губах что-то такое, что мы, не сговариваясь, безошибочно поняли: дочь!

Потом Нина Петровна расскажет нам, что Светлана перешла во второй класс, хорошо учится, отличаясь прилежанием и способностями, а еще любит петь, читать стихи и плясать и на районном смотре художественной самодеятельности получила Почетную грамоту. Внучка каждый день, а то и по многу раз на дню навещается к бабушке и часто расспрашивает об отце. Анатолий так и не узнал, кто у него родился, но мы-то с вами можем порадоваться: растет хороший человек.

Почти все сверстники Анатолия, его товарищи по детским играм и по СПТУ работают в колхозе. Самый преданный из друзей — Владимир Кожин. Отслужив в армии, крепко осел на земле: трудится механизатором, женился, и в молодой его семье растут-подрастают трое ребятишек...

В январский день 1973 года в Михайловский район пришли первые пять тракторов, сработанных руками комсомольцев и молодежи Минского орденов Ленина и Октябрьской Революции тракторного завода в счет колонны имени Анатолия Мерзлова. Машины были переданы лучшим молодым механизаторам. Трактор из этой колонны закреплен за другим товарищем Анатолия — Виктором Мясниковым...

...В полусотне шагов от памятника — колхозный музей Анатолия Мерзлова. Просторная, свежепобеленная внутри изба. На стене — увеличенная до размеров гигантского плаката фотокопия комсомольского билета Анатолия с надписью через всю страницу: «Погиб при спасении сельскохозяйственной техники и урожая 1972 года. Секретарь Михайловского РК ВЛКСМ...» В экспозиции — личные вещи героя. Мало, очень мало этих вещей, потому что и

лет-то их хозяину было совсем немного: не успел накопить, да и жадностью не отличался... Авторучка, повторяющая в многократном умалении стахановский отбойный молоток... Пластинки с записями любимых песен... Инструмент, которым пользовал он свой любимый ДТ: гаечные ключи, отвертки, плоскогубцы.

Все тут — память об Анатолии Мерзлове.

В колхозе имени Чапаева его именем названа школа, а в районном городе Михайлове — улица и СПТУ № 5, в стенах которого Анатолий учился. Во дворе училища поднят на постамент его трактор — старенький, обгоревший ДТ, любовно восстановленный комсомольцами местной «Сельхозтехники».

Ежегодно на севе и жатве молодые механизаторы соревнуются за приз имени Анатолия Мерзлова. Неоднократным его обладателем был сараевский комбайнер Александр Аганин, ученик Героя Социалистического Труда Василия Андреевича Главина. Соперничество молодых — тоже память о герое.

Поэты сочиняют о нем стихи, баллады, поэмы, композиторы пишут песни. Журналисты и писатели сравнивают его мужество с доблестью солдат Великой Отечественной войны. И не случайно, должно быть, в музейной витрине под стеклом лежат заржавелые останки чужого оружия, найденные в здешней земле. Именно отсюда, с этого в ту пору еще безмятного поля, в суровом декабре 1941 года начался разгром гитлеровцев под Москвой. Сотни советских солдат — воинов 10-й армии — отдали свои жизни за освобождение Михайлова и его окрестностей...

— Отнесите меня к окопу, где все!.. — такими были предсмертные слова Анатолия, его последняя воля, его завещание.

Толю похоронили на солдатском кладбище. А жизнь идет, жизнь продолжается. С поля, отобранного им у стихии, минувшим летом собрали добрый урожай ячменя.

Молодожены в день свадьбы идут к Мерзлову, несут цветы: традиция, которую никто никому не навязывал и никто не хочет нарушить.

И беловолосая девочка приходит к отцу по утрам, чтобы тихо сказать ему:

— Здравствуй...

Колхоз имени Чапаева,
Рязанская область

ФЕРГАНА ЦЕЛЕБНАЯ

Узбекистан. Ферганская область. Магазин сувениров в санатории «Чимион». * Бассейн работает в любую погоду. * Медсестра Р. Алласова встречает отдыхающих. * Скоро обед. * Сегодня на второе плов, который приготовил шеф-повар Мухамеджан Додобаев. * На лечебной гимнастике. * В полуденный час.

Фото Георгия ЗЕЛЬМЫ.

Благодатная Ферганская долина открылась недавно в новом качестве. Она становится все более и более известной как целебный край.

Первыми об этом узнали и ощутили это узбекские хлопкоробы — хозяева тех мест, а потом и многочисленные гости из других республик Средней Азии и Казахстана. И те и другие — а в ближайшее время к ним присоединятся гости из Российской Федерации — составляют тысячный контингент больных санатория «Чимион», уже получившего признание как ферганская Мацеста. Это люди, страдающие радикулитами и остеохондрозами, заболеваниями кожи и желудочно-кишечного тракта, опорно-двигательного аппарата и сердечно-сосудистой системы.

Не так часто под кровом одного санатория можно получить и целебную воду в бальнеологическом отделении, и минеральную воду в питьевой галерее, и полный ком-

плекс физиотерапии в залах, оборудованных по последнему слову медицинской техники, да еще и поплавать в отлично оборудованном бассейне. Здесь все это есть.

Приехавшие в санаторий издавна хотя бы познакомиться с легендарной Ферганой. Они отправляются в экскурсии по местам, названия которых хорошо известны даже тем, кто впервые в Узбекистане, — Маргилан, Коканд, Андижан...

«Чимион» завоевывает репутацию отличной здравницы. Это потребовало немалых усилий от главного врача К. Рахманова, заведующей лечебным отделением Ш. Икрамовой, шеф-повара М. Додобаева, массажистки А. Шлык, диспетчера ванного отделения Н. Сибгатуллиной и многих других работников санатория. «Чимион» с каждым годом становится все более привлекательным местом лечения и отдыха.

Г. МИХАЙЛОВ

ДМИТРИЙ НАЛБАНДЯН

А. ЛЕБЕДЕВ,
действительный член
Академии художеств СССР

Известному советскому живописцу, народному художнику СССР, действительному члену Академии художеств СССР, Герою Социалистического Труда, лауреату Государственных премий СССР Дмитрию Аркадьевичу Налбандяну в эти дни исполняется семьдесят пять лет.

Пройден большой жизненный и творческий путь. Созданы замечательные художественные ценности в различных жанрах живописи и графики.

Большое место в творчестве Д. А. Налбандяна занимают тематические картины, в частности полотна на историко-революционные темы, на темы жизни и деятельности В. И. Ленина. В их числе такие произведения, как «В. И. Ленин у М. Горького в 1920 году. («Аппассионата»)» (1954—1956), «В. И. Ленин и народ» (1958), «В. И. Ленин в Горках» (1959), «В. И. Ленин в подполье» (1961), «В. И. Ленин и М. Горький среди рыбаков на острове Капри» (1965), «Выступление В. И. Ленина на заводе АМО» (1970), «В. И. Ленин на IX съезде партии» (1966), «Выступление В. И. Ленина на Красной площади в 1919 г.» (1971) и другие.

Надо иметь в виду, что в своем большинстве эти картины, исполненные с высоким профессиональным мастерством, представляют собой сложные, многофигурные композиции, иногда с десятками персонажей. Они были созданы в результате тщательнейшего изучения облика великого вождя и его ближайших соратников, а также самой атмосферы, обстановки деятельности и исторических выступлений Ильича. Иные из них потребовали даже далеких путешествий за рубеж. Например, картина «В. И. Ленин и М. Горький среди рыбаков на острове Капри» была написана в результате длительной работы художника на этом острове. Им исполнено также большое число других сложных картин на историко-революционные, исторические и бытовые темы, в том числе «Речь С. М. Кирова на XVII съезде партии» (1935), «На Крымской конференции» (1945), «Подарки фронту» (1945), «На XXV съезде КПСС» (1976—1977), «Малая земля» (1975), «Похороны Н. Э. Баумана» (1958), «В. В. Маяковский в Грузии» (1979), «А. М. Горький и И. Е. Репин в «Пенатах» (1975) и многие, многие другие.

Поистине титанический, подвижнический художнический труд!

Сложная картина, посвященная истории революционного движения и важнейшим общественно-политическим событиям Родины, — главная тема в искусстве Д. А. Налбандяна. Бросается в глаза не ослабевающая с годами, какая-то неодолимая потребность художника-патриота постоянно отвечать своим творчеством на значительные явления окружающей жизни, которые волнуют страну и родной народ. Когда Родина отмечает юбилей первого коммунистического субботника с участием в нем В. И. Ленина, чествует новых героев труда, торжествует в дни годовщины Победы в Великой Отечественной войне, внимательно следит за международным Советением по безопасности и сотрудничеству в Европе, празднует юбилей Л. Н. Толстого или В. В. Стасова, Дмитрий Аркадьевич живет всем этим, горячо откликается на события, запечатлевает их в своих произведениях. Причем откликается значительными, крайне трудоемкими, часто многофигурными композициями на больших холстах. Художник живет одной

жизнью с родной страной, он взволнован тем, чем взволнован родной народ, он стремится активно утверждать своими произведениями идеалы партии, участвовать в коммунистическом воспитании масс.

«Самое главное для меня сегодня, — говорит Дмитрий Аркадьевич, — это радость творчества, стремление отразить время, в котором я живу, людей, моих современников, природу моей Родины. Конечно, каждый век богат своими красками, интересными значительными событиями, но я глубоко уверен, что мне довелось стать свидетелем удивительной и неповторимой поры рождения нового общества — эпохи построения социализма, коммунизма».

Огромный интерес художника к событиям политической жизни, его горячие симпатии к традициям революционного движения пробудились еще в детстве, под влиянием отца и друзей отчего дома, а затем все более развивались и крепились.

Д. А. Налбандян родился 15 сентября 1906 года в Тифлисе. Его отец работал кочегаром, затем начал трудиться в железнодорожных мастерских. По свидетельству художника, отец участвовал в революционном движении, был знаком и дружил со многими деятелями революции, в частности с С. Орджоникидзе. Эта жизненная среда оказала на Д. А. Налбандяна большое идейное влияние.

Мальчик учился в гимназии. Рано пробудились у него склонность и интерес к рисованию, которому он отдавал много времени. В 1918 году отец будущего художника пал от рук контрреволюционеров. Со смертью отца многодетная семья стала испытывать материальные трудности. С двенадцати лет Дмитрий Аркадьевич должен был зарабатывать и помогать семье. Некоторое время он работал на кирпичном заводе. В 20-х годах юноша учился в местной художественной студии, а затем, позднее, в Тбилисской Академии художеств, которую успешно и закончил. Прекрасный состав педагогов (в их числе Е. Е. Лансере, Е. М. Татевосян, Г. И. Габашвили и др.), упорное самостоятельное изучение русской, армянской, грузинской литературы и истории

изобразительного искусства способствовали развитию знаний, художественных способностей и навыков юноши.

После нескольких лет сотрудничества в качестве художника в газетах, журналах, киностудиях Тбилиси, Одессы, Москвы Дмитрий Аркадьевич окончательно поселяется в начале 30-х годов в Москве и отдает все внимание и силы станковой живописи.

Столица привлекла его своей интенсивной художественной жизнью, богатством коллекций русского классического искусства, к которому молодой художник питал горячую любовь, возможностью тесного общения с такими замечательными старшими коллегами, как М. В. Нестеров, И. Э. Грабарь, С. Д. Меркуров, А. М. Герасимов, и другие. В эти же годы и позднее художнику посчастливилось многократно встречаться и с рядом выдающихся деятелей революции — с С. Орджоникидзе, С. М. Кировым, М. И. Калинин, К. Е. Ворошиловым, А. И. Микояном, Ем. Ярославским, оказавшим огромное влияние на его политические и эстетические взгляды.

Д. А. Налбандяна всегда характеризуют верность коммунистическим идеалам, большая общественная активность, боевитость, страстная приверженность к реализму, неприимчивость к враждебной идеологии, к модернистскому искусству, к буржуазной эстетике. Когда Налбандян встречается с проявлением чуждых ему идейно-эстетических тенденций или с примиренчеством к ним, он выступает против этих явлений с неподкупной прямоотой и даже резкостью.

Однако вернемся к краткому обзору творчества художника.

Среди многих картин Дмитрия Аркадьевича с изображением В. И. Ленина обращает на себя особое внимание проникновенностью характеристики вождя, правдивым изображением окружающей его обстановки полотно «В. И. Ленин в Горках», все как бы напоенное воздухом и ликующим светом.

Ильич изображен работающим в своем кабинете и сидящим у письменного стола в часы относительно хорошего самочувствия. Сосредоточенный и поглощенный мыслями, он стремительно набрасывает заметки на листе бумаги. Обаятелен, глубоко человечен созданный художником образ, отличающийся замечательным сходством, простотой и изображающий Ленина в минуту напряженной творческой деятельности. Никакой патетики, условности, символики. Все до предела ясно, просто и жизненно убедительно! Светлый колорит полотна, радостные, гармонично сочетающиеся краски предметов обстановки и будто праздничные блики света на них, открывающийся через широкое окно вид на парк в ясный, морозный, солнечный день с его яркими синими тенями на снегу, массой света сообщают всей картине приподнятое, оптимистическое звучание.

Особое место занимает среди сложных, многофигурных картин Д. А. Налбандяна его композиция, написанная в 1975 году: «Могучая кучка» («Вернатун»). Эта картина находится на стыке бытового жанра и жанра портрета. Она изображает группу выдающихся деятелей армянской культуры, однажды собравшихся в дружеском кругу в доме О. Туманяна в Тифлисе, в городе, являвшемся в дореволюционное время для многих из них второй родиной. Это огромное полотно размером три на четыре метра включает пятнадцать персонажей, в их числе О. Туманяна, Комитаса, А. Исаакяна, Г. Башинджагяна, А. Спендиарова, М. Сарьяна и других. Картина замечательна выразительной, простой и естественной композицией, где каждый персонаж запечатлен с большим портретным сходством, с характерными для него позой, жестом, выражением лица. Все они объединены одним действием: с огромным вниманием слушают музыку, исполняемую на рояле Комитасом. Каждый по-своему, каждый неповторимо индивидуально переживает услышанное. Теплая, золотисто-коричневая колористическая гамма полотна хорошо оттеняет атмосферу глубокой внутренней взволнованности и сосредоточенности персонажей. Выдающееся мастерство проявлено художником в группировке персонажей, в выявлении особенностей их характеров. По выразительности психологических характеристик персонажей картина принадлежит к числу зна-

чительных произведений советского искусства. А в армянском советском изобразительном искусстве это первая столь сложная многофигурная картина. Не случайно за нее ее автору была присуждена Золотая медаль Академии художеств СССР. Своим большим и великолепным произведением художник продолжает и развивает замечательную традицию, заложенную еще И. Е. Репиным.

Исключительной творческой удачей художника является бытовая картина «Утро чабана. Любимая песня» (1956), воссоздающая древнюю землю Армении под мирным небом, с пасущимися в долине отарами овец, далекими горами на горизонте и чабаном, самозабвенно играющим на музыкальном инструменте. Дивные звуки народной мелодии далеко разнеслись в утренней тишине по полям и как бы зачаровали в ней все живое. Удачно найденный типаж, сгармонизированные краски пейзажа, умелая композиция, свободная манера письма сообщают полотну одновременно и большой, ясный идейный смысл и настроение спокойной радости бытия. Картина прославляет счастливую жизнь рядовых тружеников советского села, наполненную ежедневной работой, радостным творчеством, живым общением с природой.

Большой раздел творчества художника составляет портретный жанр.

Дмитрий Аркадьевич создал огромную портретную галерею своих современников. Она насчитывает, вероятно, более сотни портретов, написанных непосредственно с натуры в результате длительного общения художника с моделью. Здесь и передовые рабочие московских заводов (В. Андреев, В. Объектов, А. Петухов), и герои труда — телятницы, птичницы, сборщицы винограда (Т. Светлова, В. Трофимова, А. Галстян), и учителя (М. Тавмасян), а также воины, ученые, артисты, художники, врачи. Значительными достоинствами отличаются портреты К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна, С. М. Буденного, П. А. Радимова, А. Айдиняна, И. М. Туманова и многие другие. В исполненном в 1973 году «Портрете Л. И. Брежнева», изображающем Леонида Ильича сидящим и живо беседующим за столом, художник сумел правдиво передать не только сходство, но и черты характера, душевное состояние портретируемого.

Трудна и ответственна задача художника, когда он создает портрет. Ведь портрет может и не удался. Но Д. А. Налбандян смело берется за задачу. Не всегда успех сразу же сопутствует ему. Но он с железным упорством работает, вновь и вновь обращается к той же теме и наконец достигает удачных решений.

Высокими художественными достоинствами отличается «Портрет матери» (1965), характерный удивительно теплой, задушевно простой трактовкой модели. Пожилая женщина изображена сидящей на веранде, в спокойной, уверенной позе. Тщательно, с любовью написанное загорелое лицо излучает душевное тепло. Необычайно выразительны полные жизни, добрые карие глаза, с вниманием обращенные к зрителю. В этих глазах отражены и острый ум, и чувство достоинства, и доброжелательность к людям, и жадный интерес к окружающему, и нотки какой-то глубоко затанной грусти, передающей отзвуки далеких переживаний долгого и очень трудного жизненного пути. Портрет пожилого человека воспринимается как гимн мудрой и прекрасной старости, вобравшей в себя немалый жизненный опыт, сохранившей интерес к жизни и душевную молодость.

Значительной творческой удачей художника является «Портрет жены» (1954), изображающий супругу и верного друга Дмитрия Аркадьевича — Валентину Михайловну Налбандян, сидящую в яркий, солнечный летний день на открытом воздухе, среди цветущего подмосковного пейзажа. Чувство просветленного покоя, тихой радости от окружающей природы выражено в лице и фигуре портретируемой. Большой букет ромашек в ее руке, свидетельствующий о наступившем зените летнего цветения, подчеркивает гармонию человека и природы, оттеняет поэтичность образа молодой красивой женщины в полном блеске ее жизненных сил.

Великолепен портрет грузинского колхозни-

ка, держащего в руке рог с искрящимся вином. Этот портрет-картину художник назвал «За своего сына!» (1973).

Галерея портретов Налбандяна столь обширна, многогранна и значительна своим художественно-иконографическим содержанием, что способна стать своеобразной иллюстрированной летописью нашей общественной жизни за последние десятилетия.

Работа портретиста необычайно обогащает художника. Ведь каждый портретируемый во время длительных сеансов обязательно расскажет о себе, о ярких или смешных эпизодах своей жизни, познакомит со своей средой, стремлениями и идеалами, а иногда и откроет свои простые человеческие слабости. Портретируемый — это часто человек сложной биографии, большого жизненного опыта. А если учесть, что среди портретируемых Д. А. Налбандяном людей было немало подлинно выдающихся, то станет ясно, как много черпал художник из каждого своего общения с моделью.

В самом деле, позировали художнику дипломат А. А. Громыко и ученый Н. В. Цицын, космонавт А. А. Леонов и хирург В. П. Козлов, артист С. А. Кочарян и писатель Б. А. Лавренев, старый большевик Ф. Н. Петров и скульптор А. П. Кибальников, военачальник И. Х. Баграмян и живописец П. П. Соколов-Скаля.

Встречи и беседы у Дмитрия Аркадьевича во время сеансов, когда писались портреты, были также с Пальмиро Тольятти, Анджелой Дэвис, Луиджи Лонго, Рокуэллом Кентом, Индирой Ганди, Ван Клиберна и другими.

Д. А. Налбандян работает во многих жанрах искусства. Он и мастер пейзажа. В большом числе его пейзажей правдиво изображены уголки среднерусской природы, ландшафты Крыма, Кавказа, многих зарубежных стран. Воспевая красоту природы, он раскрывает также и величавые черты нового в облике городов и сел социалистической Родины. Наряду со сравнительно быстро написанными набросками, отличающимися свежестью и непосредственностью впечатления, яркостью колорита, широтой живописного мазка, художник создает и обобщенные, тщательно написанные виды природы. Впечатляют какое-то космическое величие и грандиозность пейзажа в картине «Лица» (1952), необыкновенное буйство растительности в «Цветущем саду» (1955), состояние удивительного спокойствия и редкой тишины в «Старой мельнице в Аштараке» (1964). Даже в небольших по размеру холстах Дмитрий Аркадьевич великолепно воссоздает особенности пейзажа той или иной местности, его «национальный» колорит. «Араратская долина» (1971) раскрывает своеобразие природы Армении, ее поразительную красоту, сочетание в ней на небольшом пространстве богатого растительного мира, гор и водных просторов, синтез множества красок палитры в их игре и взаимодействии. Д. А. Налбандян с большим мастерством передает в своих произведениях солнечный свет, иногда палящий и как бы раскаляющий предметы, иногда спокойно падающий, неяркий, «ласковый», усиливающий краски пейзажа. Одна из труднейших задач живописца — это запечатлеть красоту моря, водной стихии в ее постоянном движении, игре красок и изменчивости. Необычайно сложно изобразить на полотне волны, идущие бесконечной чередой, принимающие в считанные доли секунды иные, чем раньше, формы, освещение и окраску. Картина Налбандяна «Утро. Море» (1968) свидетельствует о его зрелом мастерстве мариниста.

Художник много и плодотворно работает в жанре натюрморта. Им созданы замечательные работы в этой области, — среди них «Натюрморт с кувшином» (1970), «Натюрморт с черешней» (1967), «Ромашки» (1971) и другие.

Художник не только автор станковых произведений, но и мастер художественного репортажа. Его беглые наброски пером или карандашом остро фиксируют характерные состояния модели, ее позу, жест, движение, выражение лица. В многочисленных путевых набросках правдиво переданы оживленная жизнь городских улиц и площадей, тишина малоллюдных сельских населенных пунктов, разнообразные виды природы.

В часы ли отдыха, во время путешествий,

находясь ли в кругу друзей или на собраниях, художник частенько не расстается с карандашом, делая массу зарисовок. Еще в 1938 году были созданы художником многочисленные натурные наброски с М. И. Калинина и С. Орджоникидзе, которые удивительно верно и разносторонне запечатлели облик этих выдающихся деятелей Советского государства. И через всю последующую жизнь прослеживается стремление художника зарисовывать все только что увиденное, новое и интересное. И вот уже теперь, совсем недавно, находясь в качестве гостя на XXVI съезде КПСС, Дмитрий Аркадьевич сделал удачные зарисовки ряда делегатов этого партийного форума и его гостей.

Необходимо особо сказать о работах, созданных художником во время зарубежных путешествий и на основе впечатлений от них. Целые циклы произведений написаны художником во время поездок в Италию, Францию, Испанию, ГДР, Болгарию, Индию, Голландию, Швецию, Японию и другие страны. В Индии, например, он запечатлел не только облик руководителей страны — Индиры Ганди, Дж. Неру, Гири, но и студентов, рабочих, прачек, крестьян, коммерсантов, кули, бродяг, показал жизнь городов и сел, сцены труда, картины базаров, жемчужины древней архитектуры. За серию произведений, посвященных Индии, Дмитрий Аркадьевич был удостоен премии имени Дж. Неру.

Глубокий демократизм и содержательность творчества, профессиональное мастерство Налбандяна получили признание не только в СССР, где его произведения экспонируются в крупнейших музеях и неоднократно демонстрировались на персональных выставках, но и далеко за его пределами. Он был приглашен с выставками своих работ в Чехословакию, Индию, Финляндию, Японию и имел там успех.

С годами сложившиеся взгляды, черты характера, вкусы и привычки художника теперь ясно выкристаллизовались. И хотя он, находясь сейчас в расцвете сил, не покладая рук трудится, духовно развивается, можно безошибочно определить как уже прочно сложившиеся некоторые особенности его яркой творческой индивидуальности.

Обращает на себя внимание удивительная работоспособность, всепоглощающая вдохновенность творчеством, которому он с железным упорством отдает лучшие часы каждого дня. Для него нет таких праздников, дней отдыха на лоне природы, когда бы он не работал.

Летом 1979 года мне пришлось посетить вместе с Д. А. Налбандяном римскую галерею Дориа-Памфили, где хранится величайшее чудо живописного искусства — портрет папы Иннокентия X работы Веласкеса. Долго, очень долго стоял Налбандян около этого портрета, пристально всматриваясь в каждую его черту, изучая каждый мазок кисти, колористическое построение, игру светотени. Затем ненадолго отходил, а потом снова и снова возвращался к шедевру. И это было далеко не первое незаглазное изучение им портрета Веласкеса. Часто можно встретить Налбандяна в залах Третьяковской галереи. Он и здесь как бы «советуется» со старыми мастерами, разгадывает «секреты» их мастерства, изучает их опыт. «Неоценимую значимость в судьбе каждого советского художника занимает непосредственное общение с шедеврами мировой и русской классики...» — говорит Д. А. Налбандян.

Нельзя не отметить одну из замечательных черт характера Налбандяна — это искреннее и горячее желание помочь товарищам в творческих вопросах или в быту. Налбандян постоянно находится в хлопотах по общественным делам, по делам художников, критиков, сотрудников учреждений искусств.

У художника широкая, гостеприимная «кавказская» натура. Его связывают узы крепкой дружбы с большим числом соратников по профессии, с людьми, которые когда-то являлись его моделями, и просто с единомышленниками, любителями и знатоками искусства. Он любит друзей. Часы досуга и отдыха с удовольствием проводит в их кругу, в атмосфере горячих обсуждений событий художественной жизни, в темпераментных спорах, в которых «рождается истина».

У Р А Г А Н

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

ГЕНЕРАЛ ФОН ХОРН НЕРВНИЧАЕТ

Генерал-полковник фон Хорн получил шифрованную радиограмму от генерал-фельдмаршала фон Бока, в которой тот вторично отказал ему в выделении стратегических резервов.

— Моя ударная армия стоит всего в сорока километрах от Москвы,— жаловался фон Хорн своему начальнику штаба. — Она понесла огромные потери, утратила пробивную силу, но ее наступательный дух высок. Если ее подкрепить двумя-тремя свежими танковыми дивизиями и прикрыть от воздушных атак, я глубоко убежден, что мы сможем ворваться в Москву. Фон Бок своими глупыми решениями связывает мне руки и сам бездействует. Русские изо дня в день совершенствуют свою оборону и даже контратакуют. Вместо того, чтобы мы навязывали им бои там, где нам выгодно, получается наоборот. В результате уходит время, а главное — мы начинаем терять инициативу. Это для нас чертовски опасно — ведь началась русская зима с ее морозами и обильными снегопадами. А наша армия, как и все войска группы армий «Центр», в легком обмундировании. Зимовать в поле для нас равносильно смерти. Что вы скажете, Кемпе?

Кемпе задумался, не спеша ответил:

— Да, положение наше, господин командующий, тяжелое, но, по-моему, не безнадежное. Во всяком случае, оно не хуже, чем в других армиях группы «Центр».

— Вы думаете не о том, Эрих! Меня волнует не только положение нашей армии. Куда же делись стратегические резервы генерал-фельдмаршала фон Бока? Я начинаю думать, что они израсходованы в боях под Москвой и нам не на что рассчитывать.

— Возможно, господин командующий! Если бы фельдмаршал фон Бок собрал их в один кулак и бросил на стратегически важном направлении, мы с вами уже давно были бы в Москве, — в тон фон Хорну ответил Кемпе.

— Критиковать всегда легче, Кемпе, чем решать. Генерал-фельдмаршал фон Бок — очень опытный и волевой стратег. После того как наши части прорвались за канал Москва—Волга, он счел, что исход наступательной операции по захвату Москвы предрешен, и стал щедро раздавать резервы, уплотняя ими отдельные участки фронта. Ему, должно быть, как и нам с вами, казалось, что, если на то или другое направление подбросить еще одну-две дивизии или корпус, сражение мы выиграем, и общая картина не изменится все равно. Он тоже не учел особенностей войны в России. А русские, как видите, в нашу наступательную операцию вносят свои существенные коррективы. И, как ни суди, нам, Кемпе, приходится надеяться только на свои собственные силы. Поэтому я поручаю вам принять самые энергичные меры, чтобы капитально почистить наши тыловые подразделения, оставив в них минимальное количество личного состава, и доукомплектовать первый и второй эшелоны. Все части, работающие на прокладке и ремонте дорог, вывести в резерв, в течение трех суток вооружить и использовать на стратегически важных направлениях. Все танки, находящиеся в ремонте, ввести в строй не позднее чем через

двое-три суток. Мы не можем топтаться на месте. Нам нужно во что бы то ни стало до морозов прорваться к Москве. Когда мы это сделаем, тогда и генерал-фельдмаршал фон Бок подкрепит нас резервами. Опоздаем — этого нам никогда не простят фюрер и Германия,— закончил фон Хорн и, заложив руки за спину, заходил взад и вперед по кабинету.

Кемпе уловил момент, когда фон Хорн на минуту остановился, и сказал:

— Господин командующий! Чистку наших тылов мы сумеем быстро осуществить через командиров дивизий и начальников частей. Вернуть войска со строительства и ремонта дорог тоже успеем в назначенные вами сроки. А вот что касается танков, то здесь я вижу огромные трудности.

— Какие? — недовольно спросил фон Хорн.

— Дело в том, что многие наши танки так изуродованы в боях, что пригодны только на металлолом. Другие нуждаются в запасных частях, которых в наших походных мастерских нет.

— Пусть берут с разбитых.

— Они, как правило, деформированы и в большинстве случаев непригодны.

— Кемпе! Вопросы ремонта меня не интересуют. Это ваша забота. Через три суток все находящиеся в мастерских танки с экипажами на борту должны быть в строю. Учтите — это не просьба, а приказ.

— Я вас понял, господин командующий! Разрешите идти?

— Разрешаю. — Фон Хорн сел за стол, нажал сигнальную кнопку. В кабинет заглянул адъютант.

— Соедините меня с генерал-фельдмаршалом фон Боком, — приказал командующий.

БУДЕТ И НА НАШЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК

Генерал-лейтенант Ермолаев и член Военного совета дивизионный комиссар Голубь ехали на «газике» с докладом в штаб Западного фронта.

Проезжая через суровую, фронтовую, опоясанную оборонительными сооружениями, баррикадами, стальными ежами и противотанковыми надолбами Москву, они взволнованно смотрели вокруг. На крышах возвышались расчеты противовоздушных артиллерийских батарей и спаренных пулеметных установок. В морозном небе висели сигарообразные аэростаты противовоздушного заграждения. Со стен домов с разноцветных плакатов на них смотрели призывы:

«Родина-мать зовет!»

«Родина в опасности!»

«Ты записался добровольцем?»

Генерал Ермолаев читал призывы, и сердце его сжималось от боли. Обращаясь к члену Военного совета, он сказал:

— Нет, не отдадим мы Москву на поругание фашистам! Скорее умрем под ее стенами, чем подпустим к ней гадов!

— Умирать нам ни к чему, нам с вами нужно еще сломать хребет фон Хорну, — ответил Голубь.

— Это верно, — согласился с ним Ермолаев.

Когда они вошли в штаб, командующий фронтом генерал армии Жуков сидел в кожаном кресле на председательском месте. За большим длинным столом, накрытым красной скатертью, расположились члены Военного совета фронта: Соколовский, Садовников, Хохлов. Пригласив Ермолаева и Голубя сестру, Жуков предложил им доложить оперативную обстановку в полосе обороны их армии.

Внимательно выслушав доклад генерала Ермолаева, он сказал:

— В оборонительных боях вверенные вам войска с честью выполнили поставленную перед ними задачу. Хватит нам пятиться на

восток! Фашистские войска группы армий «Центр» обескровлены. Они израсходовали свои стратегические резервы. С учетом этого по приказу Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина 5 декабря 1941 года мы перейдем в решительное контрнаступление по всему Западному фронту. Цель операции — разгром, уничтожение и пленение немецко-фашистских войск под Москвой. О времени начала операции мы сообщим вам дополнительно. В настоящее время необходимо скрытно от врага провести перегруппировку войск, выдвинув на исходные позиции прибывшие свежие войска. Конкретную задачу, которую предстоит решать вашей армии в ходе наступления, вы получите в штабе фронта. О выделении вам резервов, специальных частей усиления РГК и авиационного прикрытия узнаете у начальника оперативного управления фронта. И прошу почаще докладывать оперативную обстановку в полосе наступления вашей армии. Вопросы, просьбы есть?

— Никак нет, товарищ генерал армии.

— Тогда вы свободны, желаю удачи.

— Спасибо, — улыбаясь, ответил Ермолаев и откозырял.

Направляясь к машине, Ермолаев сказал своему комиссару:

— 5 декабря 1941 года будет для меня самым счастливым днем моей жизни.

— Для меня тоже, — отозвался Голубь. — Похоже, что и на нашей улице будет праздник. — И они обнялись.

При подлете к линии фронта самолеты, в которых перебрасывали второй батальон, были обнаружены фашистскими ночными истребителями. Однако их перехватили наши истребители. Когда в воздушном бою два «мессершмитта», объятые огнем, рухнули на землю, третий поспешно вышел из боя и скрылся в облаках.

В 03 часа ночи самолеты один за другим с интервалом в десять минут садились на партизанский аэродром и быстро разгружались. Как только бортмеханик открыл дверь первого самолета и спустил на землю металлический трап, из него вышли капитан Хват и комиссар Светлов. На аэродроме их встречала передовая разведгруппа во главе со старшим лейтенантом Горшковым. Тут же стояли мичман Вакуленчук, лейтенант Расулов и большая группа партизан отряда «Смерть фашизму» во главе с Николаевым-младшим.

Николаев-младший, выпуская Хвата из своих крепких объятий, сказал:

— Командир партизанского отряда «Смерть фашизму» уже две недели вас ждет. Мы отрыли для вас землянки, утеплили их, сверху замаскировали снегом и лапником, получилась неплохая база. А главное, недалеко от нас, так что теперь соседями будем. — И еще раз сказал: — Спасибо за помощь!

— На Кавказе есть пословица: перед тем как получить квартиру, выясни, какие у тебя соседи, — улыбнулся Вакуленчук. Хват ответил Сергею:

— Думаю, что вы в нас не ошиблись. Постараемся быть хорошими соседями. Передай отцу привет и большую нашу благодарность за помощь и скажи, что как только размещу батальон на базе, так сразу явлюсь к нему, чтобы договориться о наших совместных действиях.

— Батя будет рад вас видеть в любое время, — ответил Николаев-младший и, увидев подъехавший из леса к самолетам небольшой санный обоз, обращаясь к стоявшей недалеко от него группе партизан, выкрикнул:

— Братва! Быстрее грузите раненых и детей, а то скоро рассвет.

Партизаны бережно снимали с саней своих тяжелораненых товарищей и отбитых у фашистских карателей детей коммунистов, пере-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—36.

носили их в самолеты. Как только закончилась погрузка, партизаны отошли от взлетной полосы. Летчики дали нагрузку на моторы, и самолеты, поднимая клубы снега и пыли, взлетели, взяв курс на Москву. Николаев-младший и партизаны, дождавшись, когда самолеты скрылись за лесом, поехали на базу.

Дул порывистый северный ветер, мороз крепчал, из-за гор медленно поднимался золотой диск солнца. Капитан Хват как зачарованный стоял у взлетной полосы, наблюдая рассвет. Он не заметил, как к нему подошел старший лейтенант Горшков.

— Товарищ капитан! Все доставленные грузы с Большой земли уложены в сани, личный состав стал на лыжи, передовое охранение в направлении базы выслано.

— Тогда веди, командир, — повелительным тоном проговорил Хват, поглубже натягивая ушанку на голову.

Горшков дал знак, и санный обоз с боеприпасами и снаряжением тронулся в путь. Обгоняя его, шурша по снегу лыжами, устремились вперед поротно красноармейцы и командиры второго батальона.

Второй батальон полка особого назначения под командованием капитана Хвата прибыл на базу, когда совсем стемнело. В разрывах тяжелых черных туч на секунду показывалась луна и вновь исчезала. Капитана и комиссара Светлова проводили в землянку. Землянка была сработана на славу — внутри обшита тесом, а сверху так замаскирована, что никак нельзя было догадаться, что там кроется под землей; правее, под соснами, красовалась банька.

— Ну и молодцы партизаны, отличную базу отгрохали! — воскликнул Хват.

— Товарищ капитан! Нам нужно по этому проекту построить такую же для первого батальона, тем более что с ним придут майор Млынский и комиссар Алиев.

— Обязательно сделаем, а сейчас не будем терять времени, нужно быстрее разместить и обогреть людей.

— Да, мороз кусается, тридцать пять градусов да еще с ветерком, — сказал сопровождавший их лейтенант.

— Товарищ капитан, разрешите по такому

случаю выдать для обогрева по сто граммов спирта?

— Отставить! Замените чаем, спирт пригодится для раненых. Батальон разместите в землянках поротно, из расчета три землянки на взвод. Большую землянку в центре лагеря оставьте под штаб. В бывшем домике лесника расположите медсанвзвод. Сарай и уцелевшие подвалы в здании бывшей лесной школы отдайте тыловикам под складские помещения, — посоветовал Светлов.

— Михаил Иванович, эти подвалы находятся метрах в пятистах от базы. Может, не стоит так далеко держать боеприпасы и продовольствие, лучше бы все это было под руками? — посоветовал Хват.

— Зато там лес хорошо укрывает с воздуха, место не заболочено, рядом под скалой родник. Я думаю, что именно там мы и будем строить базу для первого батальона, тогда склад окажется как раз посередине, — возразил капитан.

— В таком случае я снимаю свое предложение, — сказал Светлов.

— Ну, Александр Павлович, пошли в штаб, обогреемся и подумаем, с чего начинать будем.

— Думаю, что нам нужно в первую очередь встретиться с Николаевым-старшим, он нас ознакомит с оперативной обстановкой вокруг базы, скоординируем с ним боевые действия и начнем строить базу для первого батальона и фашистам жизнь портить.

— Я согласен с тобой, Александр Павлович. Визит к Николаеву мы нанесем завтра, как стемнеет. А днем проконтролируем размещение личного состава, проведем беседы в ротах, разведку с целью выяснения обстановки вокруг базы.

— Не возражаю, — ответил комиссар.

Они зашли в штаб, сняли полушубки, шапки, прикрепили к стене карту, стали отмечать на ней место нахождения базы. В это время дверь открылась, и в штаб вошла ладная, крепкая голубоглазая девушка в телогрейке и серой каракулевой кубанке, из-под которой выбивалась на лоб прядь огненно-рыжих волос.

— Товарищ капитан! Вам срочная радио-

грамма от майора Млынского. — Она положила ее на самодельный стол перед командиром.

Комбат подвинулся ближе к свету, стал читать:

Командиру второго батальона капитану Хвату

Комиссару Светлову.

Поздравляем с благополучным прибытием на базу. Приступайте к выполнению задания.

Млынский, Алиев.

— Быстро они получили нашу радиogramму, — удивился Хват. — Катя, ты когда радиовала о нашем прибытии?

— Сразу после высадки из самолетов, прямо на аэродроме.

— Молодец! Но учти, что с сегодняшнего дня радиogramмы в Москву и Млынскому будешь передавать только за подписью моей и Светлова. А чтобы фашисты не запеленговали и не обнаружили нашу базу, на передачи будем тебя вывозить километров за 15—20 от базы.

— А если Центр или Млынский будут передавать радиogramмы, как тогда поступать? — несмело спросила радистка.

— На прием можешь работать на базе и в любое время суток. Полагаю, что у немцев еще нет такой техники, чтобы по односторонним радиопередачам выявлять принимающего корреспондента.

— Понятно! — Радистка, забрав шапку, вышла из штаба. В дверях с нею столкнулся Вакуленчук.

— Товарищ капитан! Принимайте гостей!

Следом за ним в штаб вошел плотный высокий бородач. Снимая заячи рукавицы и протягивая Хвату руку, улыбнулся:

— Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Давайте знакомиться: Николаев-старший, а это, — он указал на сопровождавшего его парня, — уже знакомый вам Николаев-младший, звать Сергеем.

— Командир второго батальона полка особого назначения капитан Хват.

— Комиссар Светлов.

— Вот и познакомились, а теперь рассказы-

вайте, что делается на фронтах. Как там Москва, Ленинград? Сильно разрушили нашу столицу? А то фашистская пропаганда трубит, что главные силы Красной Армии уже разгромлены и что их войска прорвались на окраины Москвы, которая днями падет или капитулирует. Не далее как вчера ночью берлинская радиостанция прервала свои музыкальные передачи и передала экстренное сообщение, что Советское правительство и Сталин бежали из Москвы в глубокий тыл.

— Наша матушка Москва стоит, как утес. Передовые немецкие части действительно находятся в 35—40 километрах от Москвы, а одна танковая часть в районе Яхромы даже захватила мост и через него переправилась на восточный берег канала, но была вскоре разбита. Москва немного пострадала от налетов, это правда. Но летчики-истребители и войска противовоздушной обороны так защищают небо над столицей, что в Москву прорваться довольно трудно. Про Талалихина слышали? Это летчик, почти мальчишка, но храбрости невестной. Еще в августе бросился на таран, когда кончились боеприпасы, и уничтожил вражеский бомбардировщик. Позже сбил еще пять самолетов противника и героически погиб в воздушном бою. И он не один такой. В Москве промышленные предприятия работают на оборону круглосуточно. Среди населения полный порядок, никакой паники. А правительство действительно переехало в Куйбышев для того, чтобы в спокойной обстановке руководить хозяйством и обороной. Вывезены золотой запас, Третьяковская галерея и другие ценности. Что касается Сталина, то он и члены Политбюро не только не уехали из Москвы, но даже 7 ноября у фашистов под носом принимали на Красной площади парад войск Московского гарнизона. Прямо с парада войска уходили на фронт. А про то, как Москву защищают, вы, наверное, тоже знаете, например, про подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев.

— Кто такие панфиловцы? — спросил Николаев-младший.

— Это 28 красноармейцев, младших командиров 316-й стрелковой дивизии генерал-майора Панфилова, во главе с политруком Клочковым. Они почти все погибли под Дубосеково, но врага не пустили. Да что я разговариваю? — спохватился Хват. — Мы же привезли вам два мешка газет, журналов и несколько документальных фильмов о битве под Москвой. Берите, читайте, смотрите и сразу узнаете, как живет, работает и воюет советский народ, — закончил комбат и, увидев в дверях Вакуленчука, сказал:

— Мичман, дай команду, чтоб нас накормили и что-нибудь принесли для согрева.

— Уже все сделано, товарищ капитан, разрешите заносить?

— Заносите, — сказал Хват, потирая в предчувствии удовольствия руки.

Дверь открылась, и в землянку вошел сухопарый усатый сержант в сопровождении красноармейца с сумкой и ведром в руках. Он быстро расставил на столе глубокие эмалированные тарелки, положил возле них алюминиевые ложки, достал солдатские кружки, стал ловко нарезать ржаной хлеб, приговаривая: «Настоящий московский, только вчера из печки». Солдат тем временем черпаком наливал в тарелки борщ, раскладывал по кусочку мяса, разрезал на тонкие ломти шмат сала и кусок полукопченой колбасы. Сержант осмотрел стол, сказал:

— Угощайтесь чем бог послал, — и направился вместе с солдатом к выходу.

— А горячее где? — строго спросил Хват.

— Извините, товарищ капитан, это не по моей части, — отозвался сержант и скрылся за дверью. С баклажкой в руке появился мичман Вакуленчук, легонько потрясая ею, справился у гостей:

— Чистый ректификат, 96 градусов предпочтаете или развести?

— Зачем добро портить, наливай чистого. Тем более что и погода под стать. На вашей землянке термометр показывает 36 градусов ниже нуля, — проговорил Николаев-старший и подставил мичману свою кружку.

— Не привыкли мы с комиссаром к этому зелью, но сегодня ради такой встречи попробуем. — И Хват тоже протянул кружку Вакуленчуку. — А чего себе, мичман, не наливаєшь?

Вакуленчук налил себе полкружки.

— Я, пожалуй, выпью чистого, поддержу гостей.

Хват поднял кружку, обращаясь к Николаеву, проговорил:

— Дорогой Георгий Сергеевич, за вас, за вашу помощь, за отличную базу, которую вы нам приготовили. А мы постараемся в долгу у вас не остаться. Короче — за дружную работу в тылу врага.

— За нашу победу! — добавил Николаев-старший.

Звякнули, сдвинувшись, кружки.

— Как на Украине говорят: «здоровеньки булы», — добавил Хват.

— Ну и напиток, аж в жар бросило! — Николаев-младший задохнулся, закашлялся, замахал рукой, открыв рот.

— Не горюй, браток, очень даже полезное средство от простуды, особенно когда насидишься в болоте, — рассмеялся Вакуленчук. — Привыкнешь, еще и понравится.

Все рассмеялись: в землянке тепло, уютно, после выпитого тянуло шутить.

— Знаете, Георгий Сергеевич, немцы под Москвой несут огромные потери. Я думаю, что уже недалек тот день, когда фашисты разобьют свои поганые головы о московские укрепления, — обратился Хват к Николаеву-старшему.

— Что вы имеете в виду? — спросил Николаев-младший.

— А то, что, как только наши войска измотают фашистов в оборонительных боях, сами перейдут в контрнаступление.

— Будем надеяться, что так и будет, — твердым голосом, уверенно сказал Николаев-старший.

— Мы сегодня вечером, — продолжал Хват, — с комиссаром собирались к вам, чтоб скоординировать наши действия и ударить по коммуникациям врага, ведущим к Москве.

— Ну что ж, наши намерения совпали, так что давайте сейчас все и обсудим.

— Согласен. — Хват повернулся к Вакуленчуку. — Передай на кухню, чтоб побыстрее убрали посуду.

Через пять минут пожилой сержант поставил на стол чайник с кипятком, забрал посуду и вышел.

Николаев-старший открыл полевую сумку, вынул оттуда карту с нанесенной на ней дислокацией немецких войск, комендатур, карательных отрядов СС и полицейских охранных рот, расстелил ее на столе.

— Вот, глядите, через зону действий нашего отряда, в 30 километрах южнее вашей базы, проходит двухколейная железная дорога на Москву. Немцы вырубали лес на 500—800 метров с обеих сторон дороги. Вдоль пути через каждые два километра поставили наблюдательные вышки, возле них отрыли окопы полного профиля, поставили пулеметы и небольшими нарядами охраняют дорогу. Все наряды связаны между собой телефонной связью, а с охранным батальоном, который дислоцируется в районном центре Выхватенцы, радиосвязью.

— На каком протяжении так охраняется дорога? — спросил Хват. Николаев-старший взглянул на карту, задумался.

— От Выхватенцев до Думиничей включительно, пока поезда не выходят из лесных массивов. Пожалуй, не меньше 120—130 километров. Эту охрану немцы ввели два месяца назад в связи с тем, что именно на этом участке партизаны и подпольщики пустили под откос много поездов.

— Только наш отряд с начала войны взорвал здесь 15 фашистских эшелонов, из них 5 с войсками, а остальные с техникой, боеприпасами и горючим, — с гордостью произнес Николаев-младший.

— Не хвастайся, сынок. Сейчас движение на дороге очень интенсивное. Немцы гонят в сторону Москвы 30—35 эшелонов в сутки и около 20 эшелонов назад, в Германию. На фронт везут живое мясо, боеприпасы, танки, горючее, обратно — раненых, скот, хлеб, металлолом, уголь, древесину, угоняют советских людей. Нужно взрывать эшелоны, которые идут к фронту, а те, что вывозят наших людей в рабство, перехватывать и освобождать.

— Вы совершенно правы, Георгий Сергеевич, но каждую операцию нужно тщательно разрабатывать и готовить, чтоб избежать потерь.

— Без потерь, капитан, на войне не бывает. Потери будут и у нас, и к этому надо быть готовым. Но нужно стараться, чтоб их было как можно меньше. И чтоб совсем не было бессмысленных потерь, — ответил Хвату Николаев-старший. — У нас на железнодорожных станциях, в том числе на узловой, в полиции работают свои люди. Они сообщают о движении эшелонов, о предстоящих карательных операциях, о предателях. Правда, иногда эти сведения запаздывают, но в большинстве случаев мы бываем в курсе дела. Для начала нам, по-моему, нужно создать десять диверсионных групп. Пять из нашего отряда и пять из вашего батальона. В удобных для нас местах выберем десять участков на железной дороге, подведем к ним поближе группы, понаблюдаем за обстановкой. Где представится возможность, свяжем группы с нашими доверенными людьми. И как только позволит обстановка, ночью, пока дорога не освещается прожекторами, группы смогут приступить к боевым действиям. — Что ж, мы с комиссаром одобряем ваш план. Не так ли, Александр Павлович? Наши группы будут сформированы и готовы к выходу завтра к 18.00. Но нам потребуются проводники.

— Я пришлю их к вам завтра к 15 часам.

— Спасибо, будем ждать.

— Это наш долг, одно дело делаем. — Николаев-старший сложил карту, сунул в полевую сумку, неторопливо оделся, прощаясь с Хватом и Светловым, сказал: — Впредь связь с вами буду поддерживать через Сергея.

— А мы через мичмана Вакуленчука.

Они распрощались.

Командир отряда сел в сани-розвальни, запряженные парой крепких гнедых лошадей. Сани уже были нагружены мешками с газетами и журналами, между ними стояли ящики с продуктами и канистра со спиртом. «Поехали!» Ездовой тронул вожжи, застоявшиеся лошади рванулись вперед. За ними, тоже на лошадях и в санях, поспешила группа охраны.

Назавтра в батальоне к 14.00 часам все группы были сформированы. В каждую входили два разведчика, два минера, один пулеметчик с ручным пулеметом, четыре бойца с ПТР и три автоматчика.

Проинструктивровав группы, Хват сказал:

— На выполнение задания даю вам трое суток.

— Маловато, — возразил Вакуленчук.

Светлов и Хват переглянулись.

— Товарищ капитан, может, дадим пять суток, как Николаев-старший своим, ну, а если кто справится раньше, честь и хвала.

— Не возражаю, Александр Павлович, — ответил Хват. — Как там проводники, не появились еще?

— Прибыли, товарищ капитан, — ответил командир первой роты.

— Очень хорошо, что прибыли. Дни зимой очень короткие, проводники ждут, так что целесообразно выходить на задание не в 18.00, как было обусловлено раньше, а в 16.00.

Вакуленчук посмотрел на часы — было 15.25, громко спросил у Хвата:

— Товарищ капитан! До выхода с базы остается 35 минут. Разрешите подзаправиться на дорожку.

— Разрешаю, только не забудьте о проводниках.

Ровно в 16 часов группы стали на лыжи и двинулись за проводниками в лес, постепенно расходясь в разные стороны.

На рассвете группа Вакуленчука вышла на возвышенность. Не успела залечь за молодыми прикрытыми снегом кустами орешника метрах в пятидесяти от железной дороги, как из-за поворота показался длинный состав с горючим, его тянули два паровоза. Мичман посмотрел на часы.

— Братва! Заминировать полотно не успею. Пэтээровцам и всем остальным приготовиться, будем бить по цистернам и паровозам бронебойно-зажигательными.

Как только паровоз, сбавляя на подъеме скорость, поравнялся с высотой, на которой залегла группа, Вакуленчук дал знак стрелять. Ударили противотанковые ружья, застрочил пулемет. Открыли огонь автоматчики. Загорелось сразу несколько цистерн, но паровозы продолжали двигаться вперед. «Бейте по паровозам!» — крикнул мичман. Сразу прогре-

мело два выстрела, из продырявленного котла переднего паровоза со свистом вырвался белый пар. Паровоз по инерции прошел еще метров 50 и стал. В тот же миг из первого вагона выскочило около десятка немцев. Началась перестрелка. Пэтээровцы ударили по другому паровозу и цистернам, расстреливая их в упор.

Начали взрываться цистерны, разбрызгивая в стороны бензин, который тут же воспламенился. Спасаясь от бушевавшего огня, немцы скатились с насыпи, бросились к лесу, но группа не дала им уйти, косила меткими очередами.

— Братва! Отходим! — крикнул Вакуленчук, взвалив на плечи раненого сержанта, побежал за проводником к густому ельнику. Войдя в лес, он, тяжело дыша, осторожно положил раненого на землю, расстелил плащ-накидку, сказал:

— Быстро подготовьте самодельные носилки, легче будет нести.

Когда носилки были готовы и раненого стали перекладывать на плащ-накидку, он уже был мертв.

— Мичман! Стоит ли нам столько километров тащить мертвого? Может, лучше закопаем его в лесу? — спросил тот, кто сооружал носилки. — Ведь тащить-то не один километр.

— Нет, заберем его с собой, похороним на базе со всеми почестями, он это заслужил, — категорично ответил мичман. — Ну, двинулись.

Красноармейцы бережно подняли носилки с убитым сержантом.

Через пять суток все группы, кроме одной, вернулись на базу и доложили об успешном выполнении задания. На седьмые сутки на базу батальона пришел раненый проводник. Новости он принес невеселые. Только на пятые сутки группе лейтенанта Расулова удалось незамеченной выйти на полотно и заложить взрывчатку, но тут же ее обнаружила охрана, которая незамедлительно открыла пулеметный огонь. Два минара были убиты наповал прямо на полотне. Расулов приказал оттащить их в заросли, а остальным укрыться за срубленными и сваленными в кучу деревьями и открыть ответный огонь по вышке. Сам он стал прилаживать к взрывчатке бикфордов шнур. Видя, что сделать этого не успеет, он громко крикнул: «Ребята! Отходим!» — и с минами бросился под подходящий поезд. Раздался взрыв. Паровоз дернулся и стал. Вагоны, налезая друг на друга, разламывались на части, кувыркались, падали в обрыв. Раздались беспорядочные выстрелы. Подоспевшая от вышек охрана с собакой поливала группу огнем. В живых осталось трое. Отстреливаясь, они отходили к лесу, но силы были неравны.

Как бы оправдываясь за то, что остался жив, проводник сказал:

— Я хорошо залег за срубленным дубом, подпустил к себе собаку почти вплотную и срезал ее и немца короткой автоматной очередью, потом бросил две гранаты в прибегавших за ним автоматчиков, а сам вскочил и, укрываясь за кустарниками, петляя, побежал в заросли. То ли меня не заметили, то ли я их всех перебил, но меня не преследовали. Добирался до вас двое суток.

Вечером Хват и Светлов подвели итоги первого выхода. Были успехи, были потери. Радовались и горевали одновременно. Вызвав радистку, капитан продиктовал радиограмму в Центр.

Сов. секретно

Москва, Центр. Свиридову.

Копия майору Млынскому.

Докладываем, что нами за десять дней пущено под откос шесть эшелонов с войсками, боеприпасами и боевой техникой противника. Сожжен один состав с горючим. Убито и ранено около тысячи фашистов. Наши потери: 15 убитых и 10 раненых.

Капитан Хват
Комиссар Светлов.

— Катюша, передать надо сегодня ночью, не позднее.

— Постараюсь, товарищ капитан, думаю, что удастся.

Когда Катя Носова говорила «постараюсь», можно было считать, что дело сделано.

Продолжение следует.

КОНКУРС
ОГОНЕК
СТРОКА
В БИОГРАФИЮ
СТРАНЫ
ЧИТАТЕЛЕЙ

ВЕТЕРАН ОСТАЕТСЯ В СТРОЮ

Комиссар Евдокимов.

Война застала его комиссаром Рава-Русского укрепленного района, что в Львовской области. Бой на границе, тяжелое отступление. Затем героическая в течение двух с половиной месяцев оборона Киева... Его, Иллариона Федоровича Евдокимова, как уже имеющего боевой опыт, назначили военным комиссаром Киевского укрепрайона. Здесь он участвовал в жесточайшем сражении, был ранен, с боями вышел из окружения, догоняя линию фронта.

Сорок лет минуло с той поры, но Илларион Федорович остался в душе комиссаром, которому были доверены судьбы тысяч защитников Родины... Все эти годы он активно собирает материалы о людях, воевавших в Рава-Русском укрепрайоне и под Киевом. Знакомая с его архивом, публикациями, диву даешься, как все это мог сделать один человек.

Илларион Федорович работает над материалами архива Министерства обороны СССР, переписывается с участниками боев, изучает публикации тех лет, сличая факты и события. Если сложить все дни, проведенные им в Подольске, где находится архив, то наберется целый год! В его возрасте, а Иллариону Федоровичу 79 лет, это немалый труд. В результате кропотливого поиска он установил имена, фамилии, местонахождение могил более пятисот участников боев 1941 года, которые до этого считались пропавшими без вести, и передал эти списки в военкоматы.

В архивах И. Ф. Евдокимов часто встречал наградные дела, в которых указывалось, что орден или боевая медаль по тем или иным причинам остались неврученными. Илларион Федорович брал такие дела на заметку, писал в райвоенкоматы, обращался к помощи красных следопытов, в скупых сведениях о награжденных искал любую зацепку, чтобы расширить район поисков. Иногда его старания кончались безрезультатно. Но были и удачи...

Таких удач, когда... разыскивал героя, которому затем вручал награду военных лет, было больше ста!

Ему пишут со всех концов нашей страны, присылают уцелевшие документы военного времени, делятся воспоминаниями. Одни сведения переплетаются с другими, что-то уточняют или подтверждают, подсказывают адреса новых поисков. Так, один из защитников Киева, С. С. Володенко, прислал письмо, в котором сообщал: «16 июля 1941 года я, тяжело раненный, оказался в руках фашистов. Увели меня в 1-ю больницу г. Василькова. Полтора месяца я был в гипсе, а когда подлечили, стал подумывать с товарищами о

Илларион Федорович Евдокимов.

побеге. С помощью медсестры мы трое убежали...»

В Васильковскую больницу немцы свезли тяжелобольных наших бойцов. В некоторых палатах было по 50—60 человек. Раненые лежали даже во дворе больницы. Многие умирали. А если кто шел на поправку, тут же забирали в концлагерь. Вокруг больницы стояла вооруженная охрана.

Илларион Федорович и ранее слышал о Васильковской больнице. И он решил разыскать сестру, которая помогала раненым устраивать побег. Ни ее имени, ни фамилии он не знал. И все же нашел! Ею оказалась Надежда Степановна Демченко. Она рассказала, как вместе с другими сестрами и санитарками доставала гражданскую одежду, вызывала тех, кто уже выздоравливал, в перевязочную, помогала переодеться и бежать через окно второго этажа.

Надежда Степановна и ее подруги были связаны с партизанским подпольем. Позже Демченко арестовали, она прошла через тяжкие испытания гестаповских застенков. О подвиге Н. С. Демченко и ее подруг бывший комиссар рассказал на страницах местной газеты. Надежда Степановна, пусть с опозданием на четверть века, получила партизанскую медаль и документы участницы Великой Отечественной войны.

После этого И. Ф. Евдокимову стали писать те, кто прошел через Васильковскую больницу в 1941 году, кто помнил Надежду Степановну и ее подруг, спасших их от фашистского концлагеря. А Трофим Гаврилович Гелевер из Синельникова сам приехал в Киев. У него не было никаких документов об участии в Великой Отечественной войне: погибли те, с кем воевал бок о бок, будучи пулеметчиком одного из дотов укрепрайона, погибли архивы. Вот только нога на протезе — как вечная память о лете 1941-го...

Илларион Федорович поехал с ним в Васильков, устроил встречу с теми, кто спас тогда жизнь солдату, нашел свидетелей его боевых дел, официально заверил их показания в райвоенкомате.

Вскоре Трофим Гаврилович получил документы инвалида Великой Отечественной войны и положенные ему солдатские медали. Тяжесть несправедливости отлегла от души бывшего солдата.

Эта история — лишь одна из многих и многих в сегодняшней работе И. Ф. Евдокимова — участника гражданской и Великой Отечественной войн, коммуниста с 1919 года, который не только по должности, а по высоким качествам своей души навсегда остался комиссаром.

С. СЕРГЕЕВ

Киев.

СМЫСЛ ЕЕ ЖИЗНИ

Лидия Дмитриевна Брызга пришла на ферму шестнадцати лет. И сразу стала своей. Да и как могло быть иначе, ведь здесь прошло ее детство. Отец погиб во время войны. Мать, Елена Андреевна, день и ночь пропадала на ферме. Работы было много, да и кормить двоих дочек нелегко.

Зимними вечерами, когда мать задерживалась на работе, Лида брала сестренку за руку и шла на ферму.

— Андреевна, помощницы пришли! — заметив в дверях коровника две облепленные снегом фигурки, кричали доярки. — Встречай!

Нравилось Лиде бывать на ферме. Ловкая, она схватывала все на лету и вскоре доила коров не хуже других опытных доярок. Заболевает ли кто, в город ли надумает поехать, Лида всегда выручит.

— Славная дочка у тебя, — сказал как-то матери председатель

колхоза Василий Петрович Калининский, — работаящая. Хорошую смену растишь.

— Считай, что вырастила, — улыбнулась Елена Андреевна, — у меня что-то здоровье стало сдавать, скоро передам своих коров дочке.

Так вскоре Лида стала работать самостоятельно. Работала, не жалея сил. Если раньше управится со своими коровами, обязательно поможет другим дояркам.

— Наша Лида, — с гордостью говорит ее подруга доярка Зина Богдан, — теперь обслуживает сто коров. Это целая ферма! Когда три года назад вместо 18 коров она стала обслуживать 50 и взяла обязательство надоить от группы тысячу центнеров молока, многие удивились. Некоторые даже сомневались в успехе дела. Но свои обязательства она успешно выполнила.

Вслед за Лидией Дмитриевной по 50 коров принялись доить Зи-

на Богдан, Вера Терешко, Надежда Лялько, Вера Цвор, Галина Скакун. А Брызга решила довести группу до 100 коров. В минувшем году она надоила около 380 тонн молока.

Красивая, дружная семья у Л. Д. Брызги. Дети — Виктор, Аркадий и Леночка — не только прилежно учатся, но и охотно помогают матери на ферме. Муж, Николай Александрович, тоже работает на ферме, за отличный труд награжден орденом «Знак Почета»...

У самой Лидии Дмитриевны на лацкане праздничного жакета сверкают ордена Ленина и Октябрьской Революции, «Знак Почета»...

Лидия Дмитриевна в служении людям видит счастье жизни.

В. ЖИБРИК

Колхоз имени Жданова
Брестского района.

МОЕ МНЕНИЕ

К вам обращается ветеран Великой Отечественной войны, получивший четыре ранения, Линьков Николай Васильевич.

С первых мирных дней после войны выписываю ваш журнал, внимательно читаю все, что в нем напечатано. С чувством гордости отношусь к тем материалам, в которых показано величие труда нашего советского человека.

Но часто в журнале показываются люди, которые пытаются смотреть «на нашу работу только с высоты своего затянувшегося перелета», как говорится в фельетоне Б. Протопопова о тунельщиках, бездельниках «Летят гуси» в № 14 за апрель 1981 года.

Мне очень понравился этот фельетон тем, что материал в нем взят из жизни. Правильно в нем говорится: ведь в конечном счете все они живут за наш счет. Содержание «перелетных гусей» в спецприемниках обходится государству в десятки тысяч рублей ежегодно.

Согласен с автором — доколе эти «перелетные гуси» будут мешать нашему советскому человеку строить и обогащать своим трудом наше общество? Наверное, пришла пора покончить с ненужной иногда гуманностью и всех этих «летающих гусей» отправлять в не столь отдаленные края без права их возвращения, чтобы они там без посторонней помощи становились людьми, честными тружениками, которым было бы не стыдно смотреть в глаза.

С уважением

Н. ЛИНЬКОВ

Ворошиловград.

БЕРЕЧЬ ПАМЯТНИКИ

Недавно я проезжал по дороге Белогорск — Симферополь, что в Крыму. Случайно наткнулся на памятник на месте казни сотен советских граждан фашистскими

варварами в 1941—1942 годах.

Я всегда гордился, что у нас существует девиз «Никто не забыт, ничто не забыто». Каково же было мое огорчение, когда я подошел к памятнику поближе. Убожество и запущенность меня поразили. Частично памятник уже разрушен, кругом все заросло сорной травой и колючками. По сути дела, самого памятника почти не видно. Неужели прах наших соотечественников, сложивших свои головы за Советскую власть, не заслуживает лучшего внимания и ухода? Я думаю, что это не так. Просто кто-то, от кого зависит сохранность наших исторических мест, просмотрел, упустил это священное место. Мне кажется, что это недопустимо и обелиск необходимо восстановить, благоустроить место вокруг него.

Надеюсь, что с помощью «Огонька» найдутся люди, от которых это зависит.

Е. ПЕЙСАХ, участник
Великой Отечественной войны

Горловка.

РОДНОЙ ДОМ

Пишу под впечатлением прочитанной статьи К. Хромовой «Хлебшкины из Ташкента» («Огонек» № 10 за 1981 г.). Приятно почитать о своем родном детском доме. Статья меня взволновала: я принадлежу к его воспитанникам-ветеранам, проживала там с 1943 по 1951 год. Сейчас уже бабуля (правда, молодая!), но не теряю связь с родным домом и Антониной Павловной. Она действительно заменила нам мать, хотя разница в возрасте всего 10—12 лет. Не перестаю восхищаться, как она в 23 года могла выдерживать на своих хрупких плечах общее горе всех детей, которых привозили в дет-

Писать можно очень много, тем более в 1982 году 40-летие нашего детдома. Хочется встретиться со многими воспитанниками. Я думаю, что ваша публикация поможет найти даже тех, кто давно потерял с нами связь.

А. СЕЛИВЕРСТОВА,
директор школы № 57

Тула.

ПОД ЗВУКИ КУРАНТОВ

Владивосток. 24 раза в течение суток часы, расположенные на здании владивостокского привокзального почтамта, разносят по привокзальной площади, железнодорожному и морскому вокзалам города мелодию широко известной в стране героической песни «По долинам и по взгорьям».

Мелодия песни звучит каждый час, затем раздается бой часов, напоминающий звучание судовых склянок. В диаметре циферблат этих часов имеет четыре метра. Не все знают, что сложный механизм звучания этих часов изготовил и смонтировал слесарь Приморского краевого радиоклуба ДОСААФ Б. И. Чухланцев. Под звучание владивостокских курантов уходят сегодня в морские и океанские плавания пассажирские лайнеры и начинают свой путь по железнодорожным магистралям страны пассажирские поезда. Радуют куранты своим необычным мелодичным звучанием жителей города.

Н. ФИЛИППЕЦКИЙ

Владивосток.

ПОСВЯЩАЕТСЯ РОДИНЕ

Это была не совсем обычная выставка. Она проходила в столице между январем и июлем нынешнего года, в несколько этапов, главными из которых стали экспозиции в зале Знаменского собора и Доме художника на Кузнецком мосту.

Просторы страны, ее культура в совокупности от Севера до южных пустынь, от балтийских дюн до дальневосточной скалистой кромки материка, старая и новая, городов и весей, плоды творческого гения соотечественников больше чем за тысячелетие — смысловая канва, сюжет, идейная задача, которую взялись решить и зримо воплотить устроители: Всесоюзное общество охраны памятников, Комиссия МОСХ по охране памятников истории и культуры, Московская организация Союза художников РСФСР.

Полторы тысячи экспонатов — эскизы монументальных росписей и примеры станковой живописи, графика, книжные заставки, образцы прикладного искусства — итог конкурса, в котором мог принять участие практически каждый, кто владеет карандашом или кистью, кто любит свою землю. И итог этот предстал единым поиском, мыслью, темой «Памятники истории и культуры нашей Родины в произведениях московских художников».

Да, поначалу, пожалуй, зритель должен был удивиться разножанровости этого огромного показа, где пейзаж с часовой стрелкой на горизонте сочетался с жанром, портретом, интерьером, скульптурой и мелкой пластиной, где мастера XIX — начала XX века соседствовали с современными: ведь, помимо произведений уже упомянутого конкурса, на выставке собрались работы из Музея истории и реконструкции Москвы, Художественного фонда РСФСР, частных коллекций, собраний родственников художников Туржанского, Петровичева, Цыплакова...

Тема Родины — вот что объединяло разные имена, эпохи, впусы, стилевые пристрастия и школы. Археологические, живописные приметы бывших когда-то древних городов сочетались здесь со старинными, украшающими и по сей день Россию храмами, поморские деревни с кавказскими аулами, уголки, пенаты, что навсегда воспелись гениями литературы, с гневом, документально запечатленными руинами, оставленными после себя фашистскими варварами в смерче последней кровавой войны. Наконец, Москва — старая и новая, просторная и интимная — во многом являла, обобщала поэтику и образ этой выставки.

Как хороши, к примеру, ее городские пейзажи в сочетании работ — полотен неизвестного художника 30—40-х годов XIX столетия «Сухарева башня», картины живописца Ю. Клевера «Московский мост» времен начала первой мировой войны и удивительно тонкой фантазии А. Костромина «Москва 1911 года», тактичной стилизации, результата не только мастерства, но и образованности, любовного отношения к прошлому, возникшего уже в наши дни. Тут как бы единый триптих, песнь главному городу Отечества.

Обращают на себя внимание и «Ростов Великий» В. Руднева, и нежное по краскам произведение «Партер в Архангельском» М. Даугавиете, и «Голубая гостиная в Кузовово» В. Паршина, и акварель Е. Ключевской «Москва Достоевского».

Все тут — историческая канва, была, увиденная или воображаемая П. Кончаловским и И. Грабарем, С. Герасимовым и Н. Чернышевым, П. Барановым и В. Филипповым, Н. Христоролюбовым и Ю. Ракутиным, а также многими и многими еще художниками.

Пятьсот участников — мастеров современников и мастеров далеких поколений, различных дарований и жизненного опыта — как бы объединились теперь вместе под девизом посвящения своего труда памятникам Родины, их создателям и хранителям.

А. АЛЕКСАНДРОВ

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Н. Соломин. НАТАША В РУССКОМ ПЛАТЬЕ

В. Руднев. РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

М. Суханова. СЕВЕРНЫЙ ПОГОСТ

С СЕРЬЕЗНЫМ ОТНОШЕНИЕМ К «НЕСЕРЬЕЗНОМУ» ЖАНРУ

В. ИВАНОВ

Созданный в победном 1945 году Латвийский театр музыкальной комедии — так он назывался в то время — с первых же своих шагов заявил о стремлении нести зрителю чувство радости, оптимизма — то, что было так нужно людям, выстоявшим и победившим. И с тех пор зрители в республике еще вспоминают первые спектакли: «Летучую мышь» И. Штрауса, «Трембиту» Ю. Милютина, «Белую акацию» И. Дунаевского... Тогда же создавалась и латышская советская музыкальная комедия. Весной 1954 года состоялась премьера спектакля «В краю голубых озер» А. Жилинского; герои музыкальной комедии — колхозники Латвии, Литвы и Белоруссии на берегах озера Дрисвяты строят заново свое хозяйство, вернее, строят самих себя, свои новые взаимоотношения. Тема интернационализма, дружбы звучала художественно, убедительно. Спектакль показал четкие идейные и гражданские позиции театра; Арвиду Жилинскому принадлежит и спектакль «Парни янтарного берега»; кстати, это произведение появилось и на многих других музыкальных сценах страны.

Шло время. Росли, формировались в коллективе интересные, самобытные художники: композиторы Э. Игенберга, Г. Раман, М. Баш, Я. Кайякс; режиссеры Б. Рощин, Б. Праудин, В. Пуце и К. Памше... Благодаря их любви к театру возник и утвердился интересный современный сценический язык, интересные формы работы.

Нынешние гастроли — а они впервые в Москве — показали, что театр стремится быть верным национальной культуре своего народа, его музыкальному и хореографическому фольклору, его традициям. Коллектив добился высокой профессиональной исполнительской культуры, достиг мастерства серьезным отношением к своему, как иногда думают, «несерьезному» жанру.

Конечно же, советская оперетта — не развлекательный жанр! В лучших произведениях ей свойственны историческая и политическая зрелость. Именно этим привлекает спектакль «Еще труба в поход зовет». Рижане им открыли свои гастроли на столичной сцене. Музыкальная повесть о красных латышских стрелках, посвященная XXVI съезду КПСС, имеет свою необычную историю.

Идея создания произведения на революционную тему возникла в

театре давно. Музыку написал главный дирижер театра композитор Я. Кайякс (автор либретто А. Аузинь), поставил спектакль главный режиссер К. Памше, хореография главного балетмейстера Я. Панкрате.

Премьера стала важным событием в общественной и культурной жизни республики, а встреча в Москве — яркой, праздничной, братской.

Органично вошли в музыкальную ткань произведения народные песни и марши, песни революции. Запомнилась зрителям песня стрелков о русской Волге и маленькой речке Гауе — о дружбе наших народов.

Интересны судьбы главных героев — латышского стрелка Яниса Озолса (Ю. Бевалдс), большевика Каспарсса Звайгзнитиса (Ю. Пучка), сестры милосердия Байбы (А. Смитлена).

Зрителей в тот вечер ждала одна необыкновенная встреча — с живыми участниками событий тех лет, это о них и рассказал театр. Зал стоя приветствовал седую высокую женщину — Эльзу Менгеле, медсестру красного полка латышских стрелков. На сцену вышли жена и дочь латышского стрелка Карлиса Дозитиса.

Современный театр оперетты стремится расширять свой жанр. В этом направлении рижане дают примеры наглядные. В гастрольный репертуар были включены (кроме музыкальной повести «Еще труба зовет») мюзикл Р. Паулса «Сестра Керри», народная музыкальная комедия композитора И. Калныньша по пьесе латвийского классика Р. Блауманиа «Из сладкой бутылки»; музыкальная комедия А. Жилинского «Только розы». Ну и, конечно же, здесь живут «Веселая вдова» Ф. Легара, «Фиалка Монмартра» и «Принцесса цирка» И. Кальмана.

Рижане привезли в Москву спектакль «Серенада», созданный по произведениям Ф. Шуберта, героем которого является сам композитор.

Спектакли все разные, и каждый по-своему интересен. Очень тепло приняли зрители спектакль «Из сладкой бутылки» композитора Иманта Калныньша. Народная музыкальная комедия вроде бы незатейливо рассказывает о том, как поженились дочь хозяйки хутора Эзерлауки Мария (И. Спановска) и батрак Мартин (В. Ракстыньш). Оперетта стала удивительной по свежести и ясности языка картиной жизни латвийской деревни прошлого века. На редкость органично соединил И. Калныньш мелодические и ритмические особенности современного музыкального язы-

ка с народным фольклором, передав очень точно оттенки характеров героев. Сатирические, шуточные и лирические интонации существуют рядом в полной гармонии, создавая атмосферу праздничности, искренности и душевной красоты. Этот спектакль утверждает простые и вечные истины, которые несет в себе народ: честность, трудолюбие, верность в любви... Когда несложные приключения наших героев заканчиваются, тогда и наступает пора выпить вина из сладкой бутылки. Именно так в Латвии девушка давала понять, что согласна выйти замуж за любимого...

Высокий профессиональный уровень оркестра, солистов, хора, балета показали рижане и в классике. Прежде всего отметим «Фиалку Монмартра» И. Кальмана, где проявилось незаурядное твор-

ческое дарование исполнителя роли Рауля (В. Ракстыньш). Артист счастливо соединил актерское мастерство, отличные вокальные данные и привлекательную внешность. Полюбилась зрителям маленькая очаровательная Виолетта А. Креслыня.

Впрочем, для коллектива в целом характерна и собранность и целостность одаренного исполнительского ансамбля. Зрители, безусловно, запомнили Р. Штейнбергу, Ж. Глебову, А. Кожыкову, А. Баяре, Н. Бочкуна, Э. Звея, В. Рушко и многих других артистов, порадовавших нас вечно юным искусством оперетты; интересно показали себя и молодые артисты И. Светлов, Х. Калныньш, Д. Сеглыньш, Д. Валтис. Во всех спектаклях видна упорная работа главного балетмейстера театра Я. Панкрате.

«Еще труба в поход зовет».

«Из сладкой бутылки». Мартин — В. Ракстыньш, Мария — А. Креслыня. Фото А. Зубкова

ЭНЕРГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Юрий ПУХОВ

Кто из литераторов не имеет наряду с неизбежно случайными своих постоянных читателей, которые знают и любят их творчество, ждут встречи с новыми книгами и героями? Есть они и у Аркадия Первенцева среди рабочих и земледельцев, интеллигенции и советских воинов, есть они не только у нас в стране, но и за рубежом. Читателей, для которых каждое его произведение, будь то роман, повесть либо рассказ, пьеса либо художественный очерк,—большая радость, у него миллионы. Ведь за сорок пять лет литературного труда книги Первенцева только в нашей стране разошлись тиражом более пяти миллионов экземпляров. Их не найдешь ни на полках книжных магазинов, ни у букинистов, как говорят, в развале.

Когда-то Леонид Максимович Леонов сказал Первенцеву: «Если наших книг нет в развале, значит, мы еще писатели. Если они там начнут валяться, значит, надо сворачивать удочки». Аркадию Алексеевичу не надо «сворачивать удочки», он, несмотря на возраст, полон творческих сил, энергии, новых замыслов.

Недавно завершилось издание собрания сочинений А. Первенцева в шести томах. В него включены девять романов, что составляет лишь небольшую часть из всего созданного писателем. Романы эти, написанные в разное время, на различные темы, населенные самобытными, неповторимыми по характерам и судьбам героями, поставленными в разные обстоятельства, едины по духу, авторским устремлениям, партийно-патриотическим позициям автора.

Бурная, полная драматических коллизий эпоха революции и гражданской войны представлена в романах «Кочубей», «Над Кубанью», в «Балладе о детстве».

В первом своем крупном произведении «Кочубей», ставшем в ряд советской классики, опубликованном журналом «Октябрь» в 1937 году, тогда еще молодой, неизвестный автор открыл перед читателем новую страницу героической истории гражданской войны. В нем развернута впечатляющая картина движения многочисленных народных масс, пробужденных революцией к активному

действию. Среди героев романа монументально возвышается легендарная личность кубанского казака, красного комбрига Ивана Кочубея.

Вот уже почти полвека эта книга волнует, покоряет нас приподнято-романтическим изображением отваги и мужества, высокой духовной стойкости и преданности идеям революции Ивана Кочубея и его боевых сподвижников, их удивительной народной простотой и верностью товарищескому долгу.

«Это широкая, волнующая поэма о народном герое Кубани,— писал Федор Гладков.— Она чарует читателя, как былина, как раздольная песня, в которую вложена душа народа. Эта поэма спета с большим раздумьем и горячим сердцем». Известный писатель и педагог Антон Макаренко отмечал, что роман Первенцева «по-своему колоритен и по-новому убедителен». «Что же такое «Кочубей»?— задавал вопрос критик Николай Замоскин и отвечал:— Это пылкая героическая книга о героическом русском народе, накатившем, как морской вал, на вражью многовековую, страшную силу. Первенцев вывел из литературного забвения замечательную фигуру воина Кочубея и свободно, художнически вылипил его личность, столь же близкую к легенде, как и к историческому прототипу». Все эти высказывания относятся ко времени выхода романа, к концу тридцатых годов. С тех пор роман «Кочубей» прочно встал в ряд с «Чапаевым» Дм. Фурманова, «Железным потоком» А. Серафимовича и многими другими лучшими произведениями советских писателей о революции и гражданской войне.

Вслед за «Кочубеем», незадолго до Великой Отечественной, в том же журнале «Октябрь» появился роман-эпопея Первенцева «Над Кубанью». В нем развернута широкая панорама гражданской войны на юге России, показывается сложный процесс рождения нового человека, освобождения от старых нравственных устоев и предрассудков. В характерах и судьбах его героев: Егора Мостового, Павла Батурина, Миши Карагодина и многих других— воплотились лучшие черты представителей трудовых масс, захваченных революцией, устремленных в будущее. И здесь писатель проявил глубокие знания жизни народной, умение передать единство исторической правды и художественной достоверности с революционно-романтическим пафосом, лиризма с публицистичностью.

Среди тех, кто высоко оценил «Над Кубанью», был и Алексей Толстой, поставивший роман Пер-

венцева в ряд с лучшими произведениями 30-х годов, авторы которых сумели «выразить тот патристический подъем, который нарастал в нашей стране в связи с построением обороны, в предвидении второй мировой войны».

К этим романам тематически примыкает и остросюжетное, эмоционально насыщенное повествование «Баллада о детстве», написанная в 1968 году на автобиографическом материале. В нем писатель обратился к событиям полувековой давности, свидетелем и участником которых был он сам.

Ровесник первой русской революции, Первенцев рос и мужал в ожесточенной борьбе за новое, социалистическое общество. Детство и юность его прошли на Кубани, в станице Новопокровской, у деда, ветерана русско-турецкой войны, прошедшего боевой путь под командованием генерала Скобелева. В 1920-м пятнадцатилетний Первенцев, доброволец отряда ВОХР, участвовал в разгроме врангелевского десанта в районе станицы Приморско-Ахтарской. Затем, став комсомольцем, заведовал отделом станичного исполкома, избой-читальней, работал инспектором по ликбезу. Тогда же он стал активным селькором и журналистиком захватил его.

Комсомольская работа в станице Тихорецкой, где рабочие железнодорожных мастерских избрали Первенцева депутатом горсовета, служба в Пятой Ставропольской имени Блинова дивизии, а затем поступление по комсомольской путевке в Высшее техническое училище имени Баумана в Москве—таков путь будущего писателя в 20—30-е годы.

Аркадий Первенцев, отвечая на вопрос, как он, человек, связанный с техникой, увлеченный изобретательством, стал романистом, рассказывал: «Вероятно, во мне зрела тайная страсть. Как всегда, дело началось с журналистики, если можно так назвать скромную рабкоровскую деятельность в кубанской окружной газете «Красное знамя», в ростовской «Советский юг» и, конечно, в нашей тихорецкой газете «Пролетарский путь»... Первая моя заметка о пожаре в Тихорецкой станичной школе, напечатанная в «Красном знамени», влила в меня отраву печатного слова. Никогда я так не радовался и не гордился, как после появления этой первой маленькой заметки. Тогда я работал избачом в станице Новорождественской, а в Тихорецкую выезжал на агрономические курсы».

Добавим, что писательскую судьбу Первенцева определили и вся его личная биография, жизненный опыт, а еще люди, среди которых он жил, и прежде всего

старшие товарищи, коммунисты, на которых с юношеских лет он держал равнение. «Властителями наших дум,—вспоминал он,—были прекрасные люди, большевики, они учили нас твердости, самопожертвованию, храбрости. Пусть прямолинейные и бесхитростные, они были правофланговыми при формировании нашего мировоззрения и жизненной стойкости».

В годы Великой Отечественной войны Первенцев создает пьесу «Крылатое племя», премьера которой состоялась в августе 1941 года на сцене Театра Красной Армии. Спектакль о летчиках-истребителях, отважно защищавших московское небо от фашистских стервятников в первые дни войны, о единстве фронта и тыла, был горячо принят зрителями, бойцами и командирами, уходившими на фронт.

Побывав на Урале, куда в срок первом эвакуировались заводы из временно захваченных врагом областей, корреспондент «Известий» Первенцев написал роман «Испытание». Это был первый роман о людях индустриального труда, отвечавший на вопрос фронтовиков: «А как там у вас, в тылу?».

В образах героев-самолетостроителей запечатлены характеры героических тружеников тыла, отдававших все свои силы, знания, мастерство великому делу Победы, ковавших боевое оружие для фронта.

Через живые человеческие характеры раскрывается история авиационного завода юга Украины с первых дней войны. Мы знакомимся с неимоверными по трудности условиями работы завода, оказавшегося в прифронтовой обстановке, с тяготами эвакуации, строительства и пуска на Урале, по существу, нового завода, коллектив которого, несмотря на невзгоды и лишения, ценой огромнейшего напряжения сил обеспечил в срок выпуск боевых штурмовиков, так нужных для фронта.

Роман «Испытание»—этот своеобразный репортаж о героическом труде наших людей в первый год войны и сегодня служит святому делу воспитания молодежи. Подвиг отцов и дедов в Великую Отечественную укрепляет традиции, наполняет их живым содержанием, предупреждает тех, кто, говоря словами писателя, зарится на наши богатства и готовит новые походы.

«Испытание» положило начало другой магистральной теме в творчестве Первенцева—теме рабочего класса. Ей в последующие годы писатель посвятил свои романы «Гамаюн—птица вещая» о жизни рабочих-москвичей, героев предвоенных пятилеток, «Космический сплав»—о металлургах Подмосковья, создающих новую сталь для космических кораблей, «Директор Томилин»—о людях современного индустриального труда, организующих свое производство на новых, более совершенных принципах и основах.

Героика гражданской войны, яркие, возвышенно-романтические образы краснозвездных героев, созданные в первых романах Первенцева, в дни Великой Отечественной войны и послевоенные годы получили свое развитие в образах новых героев, действу-

СОТВОРИ СЕБЕ ДРУГА

ющих в новой исторической обстановке на страницах романов «Огненная земля», «Честь смолоду», «Остров Надежды», «Секретный фронт» и многих других его произведений, посвященных людям Советской Армии. Личное участие в обороне Севастополя, в битве за Кавказ, в боях на Малой земле, в освобождении Новороссийска, Керчи, Феодосии, Севастополя еще больше сроднило писателя с армией, дало ему богатейший материал для творчества.

Одной из особенностей творчества Первенцева является его сыновья привязанность к родной кубанской земле, ее земледельцам и воинам. Героев-кубанцев читатель встретит почти в каждом его произведении. Кубанским труженникам, хлеборобам, рыбакам, партийным и советским работникам, влюбленным, как и автор, в этот богатый и вместе с тем суровый край, их борьбе со страшным стихийным бедствием — пыльной бурей, затмившей светлое кубанское небо, нарушившей плодородие почвы, унесшей жизни многих людей зимой 1969 года, посвящен его роман «Черная буря». И в этом произведении писатель проявил глубокое философское осмысление действительности, глубинных социальных и духовных процессов современной жизни, народных характеров, сформированных советскими условиями.

Разносторонность охвата действительности в творчестве Первенцева удивительно сочетается с последовательностью и четкостью его идейно-эстетических позиций.

«Советская литература рождалась как самая передовая литература. Ленинизм был идейным стержнем ее формирования. Классовый подход к отбору материала жизни позволил создавать нечто новое, свежее, смело раздвигающее рамки прежних представлений о литературе, делал ее активным бойцом, соратником партии в борьбе за создание социалистического общества с его отличными от прежнего нравственными устоями, — пишет Первенцев. — Писательское перо на равных правах стало в строй вместе с клинком, молотом, резцом... К литературе жадно потянулись массы, зачитывание до дыр книг не было тривиальной метафорой».

В своих статьях Первенцев четко определяет место писателя в многомиллионном строю борцов за идеи коммунизма, не скрывает и тех трудностей, препятствий, тормозивших на разных этапах движение советской литературы, рассказывает как непосредственный участник о борьбе, которая шла и идет за подлинного героя в искусстве, за высокий идейный уровень, за мастерство.

«Велик тот, кто работает не на отстой, а у бушующего потока, брошенного на лопасти турбины. Оттуда идет энергия творчества, идет сразу на стройку души, она питает и радует, создает нового человека, а не расслабляет и тем более не разрушает его». И эта мысль, ставшая писательским кредо, реализуется во всем творчестве Первенцева, художника-коммуниста, который последовательно осуществляет на практике святыне для нашей литературы ленинские заветы.

Баба Нюра на базаре
Вот уже который год
По утрам стоит с цветами,
Только денег не берет.
Раздает сирени ветки:
Просто так возьми, уважь!
Зло ругаются соседки:
Им в убыток эта блажь!
Солнце катится на запад,
Чистит перья воробей,
И стоит сирени запах
У отворенных дверей.
(Баба Нюра отмолила
Младшего из сыновей
У войны). И вот за это
Вот уже который год
На базар цветы все лето
Тащит. (Денег не берет!)
Что ей деньги, если птица
Чистит перья, дождь летит?
Если жизнь, как мячик, мчится
И родню ее хранит?..
Мячик катится по кругу
От крылечка до ворот,
Мячик катится по лугу,
Остановки не найдет.
Ну их к лиху, остановки!
Жизнь, спеши, цветы, сирень!

Перья чисть без остановки,
Прилетая в новый день!
Жизнь, иди, не уставая,
Чтоб легко нам было жить!
Я когда-нибудь узнаю,
Как тебя благодарить!

Одиночество бьет по лицу
и в лицо.
Подлецу лишь не будет туги.
Сотвори себе друга
в конце концов!
Сотвори себе друга!

Сотвори себе друга из камня,
из поздней слезы
И отправь далеко, посадив
в проносящийся поезд.
А потом целый век ты разыскивай
друга следы,
О здоровье его и о жизни его
беспокоясь.

Сотвори себе друга из малой
пригоршни воды,
Из лозы и грозы, из задумчивых
черных деревьев

И подумай о том,
что не тяжкими были труды,
Если кто-то в его оболочку
земную поверит.

Ели в облаке гривы полощут,
Стая птиц проросла на меже.
Все на свете покойней и проще,
Совершенней намного уже.

В миг, когда, не жалея прозренья,
О простом никого не моля,
От бетона метнешься на землю,
И, как колокол, вздрогнет земля,

И качнется, как колокол, в бездне,
И наполнится зовом глухим.
И иное мигнет и исчезнет,
И уже не помчишься за ним.

Это я, твой скандальный ребенок,
Заблудившийся среди суеты.
Был мой голос прозрачен

и звонок,
А теперь он гудит, как и ты.

Смоленск.

Ш А Г И П Я Т И Л Е Т И Я

«Процесс, творимый коллективно» — так сформулировал принцип развития советской литературы А. М. Горький на Первом всесоюзном писательском съезде в августе 1934 года. Время подтвердило правоту и актуальность этих слов, насытив их новым содержанием в ходе поступательного движения отечественной литературы, которая пишется сегодня на 77 языках.

Писатель — книга — читатель. Они стали у нас звеньями единой цепи с обратной связью. И сейчас многонациональная советская литература — это не только книги, нужные народу и любимые им. Союз советских писателей превратился за истекшие десятилетия в важный фактор духовной жизни нашего общества, выдвинулся на передовые рубежи строительства социалистической культуры, разнобразил и обогатил свою повседневную работу, основная цель которой, опять-таки говоря словами Горького, — сделать каждого литератора «живым, энергичным участником всего того, что творится в стране».

О том, как непосредственно осуществляется на практике эта задача, каковы новые формы взаимного общения писателей и читателей масс, рассказывает коллективный сборник «Вместе с партией, вместе с народом», посвященный многогранной деятельности Союза писателей СССР в период между его VI и VII съездами, от 1976 до 1981 года.

Да, профессионально-творческое объединение литераторов страны — ныне настоящий боевой отряд. Ему подведомственны Литературный институт имени А. М. Горького, Высшие литературные курсы, Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы, Литфонд СССР, Центральный Дом литераторов имени А. А. Фадеева...

Вместе с партией, вместе с народом. М., «Советский писатель», 1981

Союз издает более ста газет, еженедельников, журналов и альманахов, имеет республиканские издательства и центральное издательство «Советский писатель». В его состав входят десятки общественных советов и комиссий... Большое, сложное хозяйство, и сборник последовательно знакомит с ним на фоне главных литературных мероприятий межсъездовского периода.

Эти пять лет, наполненные яркими событиями в жизни страны, были отмечены дальнейшим повышением общественной роли литературы. Этому во многом способствовали традиционные писательские конференции и отчеты, Дни литературы в республиках, областях и краях, «встречи у станка», создание коллективных книг, где писатели различных поколений объединяются вокруг крупной социальной темы.

В нефтяном Приобье и в Нечерномозье, на КамАЗе и в Нуреке окрепли постоянные литературные посты толстых журналов. В творческое содружество труда и литературы влились молодые писательские силы, воспитанию которых Союз уделяет неустанный внимание.

Работая над сборником, его редакция — Ю. Верченко, В. Озеров, В. Поволояев, И. Стаднюк, И. Винокуров, редактор-составитель А. Медников, составители И. Ришина и В. Коткин стремились как можно полнее отразить круг дел и забот Союза писателей СССР, проблемы советов и комиссий по национальным литературным и отдельным жанрам, юбилейные торжества и литературные праздники, международные контакты писательских организаций. Обширный, разнохарактерный материал соединился в книге органично — в гибкой форме обзоров, очерков, репортажей, интервью, иллюстрированных множеством фотодокументов и придающих каждой главе живость, непринужденность.

От первых послесъездовских пленумов и совещаний, обсуждавших задачи развития литературы в свете проекта новой Конституции СССР, авторы приводят нас в залы заседаний творческих конференций, делая свидетелями серьезного разговора об образе положительного героя в современной прозе и драматургии, о путях решения «рабочей темы», о проблемах «деревенской» прозы. При этом профессиональные высказывания коллег по перу дополняются мнениями слесаря-сборщика турбинного завода, совхозного бригадира, студента, чьи выступления отнюдь не являются дежурными, а представляют собой голос единомышленников, соратников по общему делу.

Своей «второй работой» считал Маяковский выступление перед читательской аудиторией. И сегодня советские писатели продолжают начатый им «обход заводов и фабрик». Листая страницы сборника, воочию убеждаешься, сколь велика география этих встреч, какой общественный резонанс вызывают они. «Писательские десанты» высаживаются сейчас на ударных комсомольских стройках, проникают в самые отдаленные и труднодоступные уголки, — всюду, где трудятся герои их произведений.

Так хроника жизни Союза писателей, представленная в книге, вбирает в себя летопись трудовых будней страны. Строки этой летописи проступают и в беседах с руководителями общественных советов и комиссий Союза, размышляющих над опытом художественного постижения окружающего мира, накопленным нашей литературой, ее завтрашним днем, внутренними резервами и возможностями.

Литература рождается жизнью, поэтому такое огромное значение имеют связи писателей с народом, с нашей действительностью.

Ю. ОСИПОВ

СТРЕЛА НА КАРТЕ

**Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные
корреспонденты «Огонька»**

Один известный военачальник как-то сказал: «Маршалы и генералы рисуют на картах стрелы, а несут их на своих плечах капитаны и лейтенанты».

— И не только они,— добавил командир гвардейской мотострелковой Рогачевской краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова дивизии имени Верховного Совета БССР полковник А. П. Чумаков.— Я в армии больше двадцати лет, прошел все ступеньки—от командира взвода до командира дивизии—и крепко уяснил: чем выше звание и должность, тем больше ответственность и тем тяжелее та самая стрела. Хотя, конечно, нельзя отрицать, что непосредственными исполнителями всех замыслов являются командиры батальонов, рот и взводов. Как вы, наверное, знаете, на учениях «Запад-81» противоборствующие стороны называются «северными» и «южными». Причем «северные» наступают, а «южные» обороняются. Наша дивизия в составе «северных».

— Не кажется ли вам, что это глубоко символично?—спросил я.—Ведь и во время войны ваша дивизия почти всегда наступала.

— Да, боевой путь нашей дивизии, сформированной в 1942 году, шел через Сталинград, Орел, Белоруссию, Польшу и Восточную Пруссию. Я команду дивизией совсем недавно, и что греха таить, когда получил это назначение, был чрезвычайно горд, но я понимал, что это доверие надо оправдывать напряженным ратным трудом.

Понять Александра Петровича можно: дивизия, как говорится, на виду, любой огрех в работе виден сразу. Чумаков прошел прекрасную школу и к должности комдива был готов. Родом он с Дона. Как и многие мальчишки, выросшие у воды, мечтал о море. Поехал поступать в одесскую мореходку, но сорвался. Значит, прощай, мечта, прощай, море? Сейчас-то Александр Петрович понимает, что надо было через год повторить попытку, но тогда он сгорал от стыда: все друзья поступили, а он—нет. Как показаться дома, как пройти по улицам родной станицы? Не одну бессонную ночь провел тогда молодой казаченок, пока не принял бесповоротное решение—стать военным. Там же, в Одессе, подал документы в общевоинское командное училище. Экзамены сдал хорошо, но на повторном медосмотре—удар, да такой, что выдержать его смог бы не каждый: Саше велели забирать документы—инвалиды в армии не нужны.

«Да какой я инвалид?!—возмущался он.—Подумаешь, левая рука чуть кривовата, мальчишкой в колодец упал, так и срослось. Зато я так ее разработал, что она сильнее правой. Смотрите, запросто поднимаю двухпудовку... Свободно делаю стойку... Что еще? Что показать?» Но комиссия была неумолима. Саша так расстроился, что набрался храбрости и пошел к начальнику училища. Генерал слушал сбивчивый рассказ паренька, вспоминал, как на войне такие же мальчишки, не долечившись, убегали из медсанбатов, и куда ведь убегали—на передовую, в самое пекло. Генерал уже давно понял, что перед ним стоит хоть и юноша, но уже мужчина, причем с

сильной волей и таким характером, какой просто необходим офицеру. Побольше бы таких упорных и стойких! Начальник училища взял трубку и приказал зачислить Александра Чумакова.

Время показало, что генерал не ошибся. Хотя треклятая рука мешала молодому офицеру еще не раз. При поступлении в академию имени Фрунзе, а потом в академию Генштаба. Но у самых строгих врачей отпадали всякие сомнения в физической подготовленности офицера, как только они знакомились с его спортивной биографией.

Так закалялся характер будущего комдива. Много можно было бы рассказать о службе Александра Петровича, она была нелегкой, и побед одержанных немало. Но самая главная победа—победа над собой. Эту победу надо одерживать каждый день, каждый час. Пустячный вроде бы пример, но говорит о многом. Однажды я заночевал в расположении дивизии. Утром встали затемно. Вылезли из палатки: холодно, дождливо, под ногами хлюпает. А командир, как ни в чем не бывало, делает зарядку. Но если ее делает командир, то и подчиненным отставать негоже. Ничего не попишешь: преодолев сонливость, все офицеры принялись за зарядку.

Весь день в штабе шла напряженная работа, ночью предстоял марш. Это нешуточное дело—за считанные минуты всей дивизией сняться с места и совершить многокилометровый марш. К тому же идти надо незаметно: «южные» тоже не дремлют, их разведка наверняка действует. А ведь на пути дивизии есть бездорожье, и болота, и полусгнившие мосты. Как всегда, первыми ушли разведчики, потом саперы, а потом снялись и передовые батальоны. На карте точно указан район, в который должна выйти дивизия и откуда начнет выступление. Я отправился к одному из тех, кто несет эту «стрелу на плече»,—командиру мотострелкового батальона капитану Ю. В. Герасимову. На интервью у него времени не было, поэтому разговаривали мы урывками. Так что и рассказ о нем будет тоже, если можно так выразиться, рванный.

Высокий. Энергичный. Спортивный. Голубоглазый. Немногословный. Улыбчивый. Строгий. Прекрасно знает подчиненных. К каждому свой подход: одним приказывает коротко и строго, другим мягко и все подробно объясняет. Москвич. Отец—военный. Так что Юрий вместе с родителями кочевал по гарнизонам, учился в восьми школах. Мать мечтала видеть его врачом, а сын, как он рассказал, после небольшого семейного скандала поступил в знаменитое училище имени Верховного Совета РСФСР. Стесняясь, признался, что первый курсантский год был очень трудным.

Прошло несколько лет, и теперь Ю. Герасимов—один из лучших комбатов дивизии. Я хорошо узнал его, совершив вместе с ним трудный марш по белорусским лесам. В точно назначенное время батальон вышел на заданный рубеж и изготовился к атаке. До «противника» рукой подать, батальон будет наступать в первом эшелоне.

В эту ночь все части и соединения «северных» вышли на исходные рубежи. Вот-вот придет приказ, в котором будет указано время начала наступления.

А где-то в штабах на картах рисуют новые стрелы, они пересекают реки, которые придется форсировать, болота, по которым надо прокладывать гати, поля, на которых ждут жаркие рукопашные схватки. Что ж, на войне как на войне. И хотя идут учения, эти слова произносятся без тени улыбки: вся обстановка максимально приближена к боевой.

Командир танкового батальона гвардии подполковник А. Н. Васильченко ставит боевую задачу командиру роты гвардии капитану В. И. Кустову.

Зенитные ракетные установки противовоздушной обороны.

Командир гвардейской мотострелковой дивизии гвардии полковник А. П. Нумов уполняет задачу офицерам штаба на боевых действиях.

ПОЕДИНОК СО СТИХИЕЙ

Справка Хабаровского крайисполкома излагает события коротко и точно, как и надлежит официальному документу: «В связи с непрерывными ливневыми дождями на значительной территории Хабаровского края за июнь, июль и август выпало более годовой нормы осадков. Прошедший в начале августа тайфун «Филис», а в конце того же месяца тайфун «Тэд» вызвали в ряде районов на-

видны лодки, снующие по водной глади, катера, таскающие плоты, люди на барже, цепляющие крапом прямо из воды стога.

Летим уже больше часа. Рядом с нами серебряным комочком скачет жаворонок, а на окруженном водой островке мечется испуганный олень. С мелководья срываются две цапли и торопливо машут крыльями. Делаем круг над мостом через реку Биджан.

На улице поселка Хор.

воднение, достигшее уровня стихийного бедствия»...

И вот на маленьком «Ан-2», патрульном самолете, мы летим на север по следам тайфунов. Амур, в погожее время кроткий, сейчас широчайшим размахом охватил всю пойму. Деревья повисли, уцепившись за воду листвой, скрываются под водой постройки, и только вдали, у самого горизонта, горделиво высятся отроги Малого Хингана, не замочив даже подножия.

Командир самолета Владимир Плюгин повел «Ан-2» на снижение. С небольшой высоты хорошо

Правда, в союзе с набухшим Унгуном это уже не река, а море. В кузовах машин, переправляющихся через Биджан, — бочки, молочные бидоны, материалы для новостроек...

Что и говорить — стихия сильна. Разъяренный тайфун «Филис», а следом за ним «Тэд» обрушили на землю сплошные потоки воды, затопив частично или полностью десятки населенных пунктов.

На следующий день я уже на машине крутился по дорогам района имени Лазо. В райцентре, в селах, в отделениях совхозов разговаривал с людьми, задавая каж-

дому один и тот же вопрос: «Как это было?» Вот ответы.

Олег Саркисян, водитель:

— Нас подняли по тревоге, когда поступило сообщение о резком подъеме воды в реках Хор и Кия. Сначала я возил хлеб и другие продукты жителям поселков, отрезанных наводнением. Потом эвакуировали людей из затопленной Георгиевки. По улицам не ездили, а плавали. Водители работали по грудь в воде, помогая людям перетаскивать на крыши домов ценные вещи и скотину. Выносили из затопленных домов детей, пожилых людей. С гордостью за дальневосточников могу сказать: паники не было. Мы доставляли людей к вертолетам. Затем летчики перевозили пострадавших в Переяславку.

Вера Сушицкая, секретарь райисполкома:

— Вертолеты Хабаровского авиапредприятия за один день вывезли из затопленных населенных пунктов около тысячи детей, стариков и женщин. На стадионе районного центра, превращенном в вертолетную площадку, весь день было многолюдно: жители Переяславки приходили сюда встречать эвакуированных, приглашали пострадавших под свой кров — обогреться, поесть, давали им свою одежду. К вертолетам несли платья, костюмы, пальто, молоко для детей. А мы, в свою очередь, сразу же развернули работу котлопункта, приготовили временное жилье для эвакуированных.

Беда сплотила людей. Каждый житель района нашел свое место в борьбе со стихией. И прежде всего заботился не о себе, а о других, о народном достоянии. «Человек человеку — товарищ, друг и брат» — этот закон нашей жизни жители Хабаровского края в тяжелые часы познали на себе.

Галина Мухина, доярка совхоза Чернявский:

— Устроив детей на квартире Татьяны Кузнецовой, я поспешила назад в Киинск. Вертолет высадил нас у моста. Кия бушевала, село затопило, дома погрузились в воду почти по окна. Ферма тоже в воде, а там в коровнике на привязи молодняк! Прыгаю в лодку, где уже было несколько человек. Скорей к коровнику! Когда подплывали к ферме, я даже заплакала — так жалобно мычали голодные, стоявшие в воде животные. Накидывая веревку на рога, мы подтаскивали телочек к лодке, привязывали веревку к уключинам и так буксировали скот в безопасное место. Вывезли всех — семьдесят голов. Потом на тракторной тележке прямо по воде нас, пятерых доярок, повезли к дойному стаду. Надо раздаивать сто тридцать коров. Бидонов у нас не было, не хватало подойников, некоторых коров приходилось доить прямо в воде...

...Море воды, оставленной тайфунами на сельских подворьях, в вечерней тишине кажется стеклянным. День кончается, но рокот за околицей не стихает — там комбайны снуют по жидкой грязи, молотят овес. Машины везут зерно с побитых тайфунами полей. Победа в поединке со стихией все же осталась за человеком.

В. КУЗНЕЦОВ,
сборкор «Огонька»
Фото автора

Хабаровский край.

ПУГО

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Василий Викторович Чернышев сидел на службе и считал мух на микрокалькуляторе. Мух в комнате было много, и Василий Викторович вспотел. Хотел было пиджак расстегнуть, да вовремя вспомнил, что пуговица у рубашки оторвана. Под пиджаком не видно, а только расстегни — сразу все обнаружится. Такой легкомысленный вид вполне может авторитет подорвать среди коллег по службе. Да и самому на себя без пуговицы смотреть больно. Слово он забулдыга какой-нибудь, готовый последнюю пуговицу с себя пропить, а не старший экономист с окладом в сто шестьдесят рублей!

Грустно стало Василию Викторовичу. Мысли нехорошие в голову полезли.

«Вот ведь, — думает, — жена у меня какая холодная, равнодушная женщина! Пятнадцать лет вместе живем, а пуговицу все никак не удосужится пришить. Ну, конечно, пуговица не пятнадцать лет оторвана, поменьше. Но лет восемь, наверно, будет. А может быть, и восемь с половиной. А не скажи я про это жене, так и все двадцать лет без пуговицы буду ходить. А я нарочно не буду говорить! Сама замечать должна, на то ты и жена. Я тут целый день, как вол, вкалываю, а она не может пуговицу пришить. Никакого чувства у нее ко мне не осталось! Да и было ли оно, чувство? Так, увлеклись друг другом по молодости, а теперь вот всю жизнь расхлебывай, черствость терпи и невнимание, нежелание жить моими интересами, разделить со мной

МОНОЛОГ ТУНЕЯДЦА

Иван ИСАЕВ

Завидный прецедент,
зовущий подражать,
полжизни просидеть,
полжизни пролежать!

ВИЦА

радости и печали... Эх, не повезло мне в жизни!»

Расстроился Чернышев, разволновался, расстегнул машинально пиджак и вдруг видит: на том месте, где восемь лет ничего не было, теперь пуговица пришита. Ощупал ее недоверчиво Василий Викторович, расстегнул, опять застегнул, поглядел на свет — пуговица как пуговица и застегивается отлично. Растрогался Чернышев. Совестно ему стало.

«Что ж это я, негодяй, на свою родную жену такую напраслину возвел! Дивная, редкая женщина! Это ж надо: пятнадцать лет вместе живем, и она о каждой пуговице до сих пор помнит! А ведь как ей некогда, как заматана, бедняжка! Конечно, мне тоже нелегко, но ведь у нее и работа более нерв-

ная и все домашние дела на ее плечах. От меня никакой помощи по дому не дождешься, пуговицу себе пришить не могу! Тиран! Бездушный и ленивый чурбан!»

Шмыгнул Чернышев носом, полез в карман рубашки за носовым платком и вместо платка вынимает оттуда рубль.

Василий Викторович от удивления чуть сознание не потерял. Потом в себя пришел, закрыл глаза и стал с нежностью вспоминать черты лица своей любящей и заботливой жены. Вспомнился только нос. Чернышев напряг память, но больше ничего вспомнить не мог.

«Эгоист! — обдал он себя презрением. — Жалкий склеротик! Не оценить такое возвышенное существо! Думать о нем так плохо! На это способен только ничтожный себялюб!»

Ему до слез захотелось сделать жене что-нибудь приятное: купить цветы, сводить в театр, записку отдать, наконец! И, сунув в стол калькулятор с неоконченными подсчетами, Василий Викторович бросился в магазин.

Домой он явился с букетом и подпоротой подкладкой пиджака, под которой взволнованно и нетерпеливо шуршали тридцать пять рублей.

— Это тебе, любимая, — застенчиво сказал он и протянул жене цветы и деньги. — Купи себе, что хочешь, о чем давно мечтала. А если этих денег не хватит, то я... то я советую купить что-нибудь другое, подешевле.

Жена с непривычки растерялась. Стоит, молчит, не знает, что говорить в таких случаях. Спасибо, тесть выручил. Подходит он к Василию Викторовичу и спрашивает:

— Что это ты, Вася, мою рубашку сегодня надел? Она, конечно, совсем как твоя, но ведь на два размера больше. Неужели ты не почувствовал? Я, например, твою на себя не смог натянуть. Так что возьми ее обратно... — И протягивает Чернышеву точно такую же рубашку.

Смотрит Василий Викторович, а на ней пуговицы не хватает. Помрачнел старший экономист, букет вместе с деньгами под подкладку сунул и, ничего не ответив, в комнату прошел. Только подумал про себя:

«Тоже мне, любящая женщина! Хоть и заматываешься, а пуговицу мужу обязана пришить! Нет, что ни говори, а нет у нас с ней никакого духовного родства. Теперь и сам вижу: ошибся я с женьтибой. Ох, как ошибся!..»

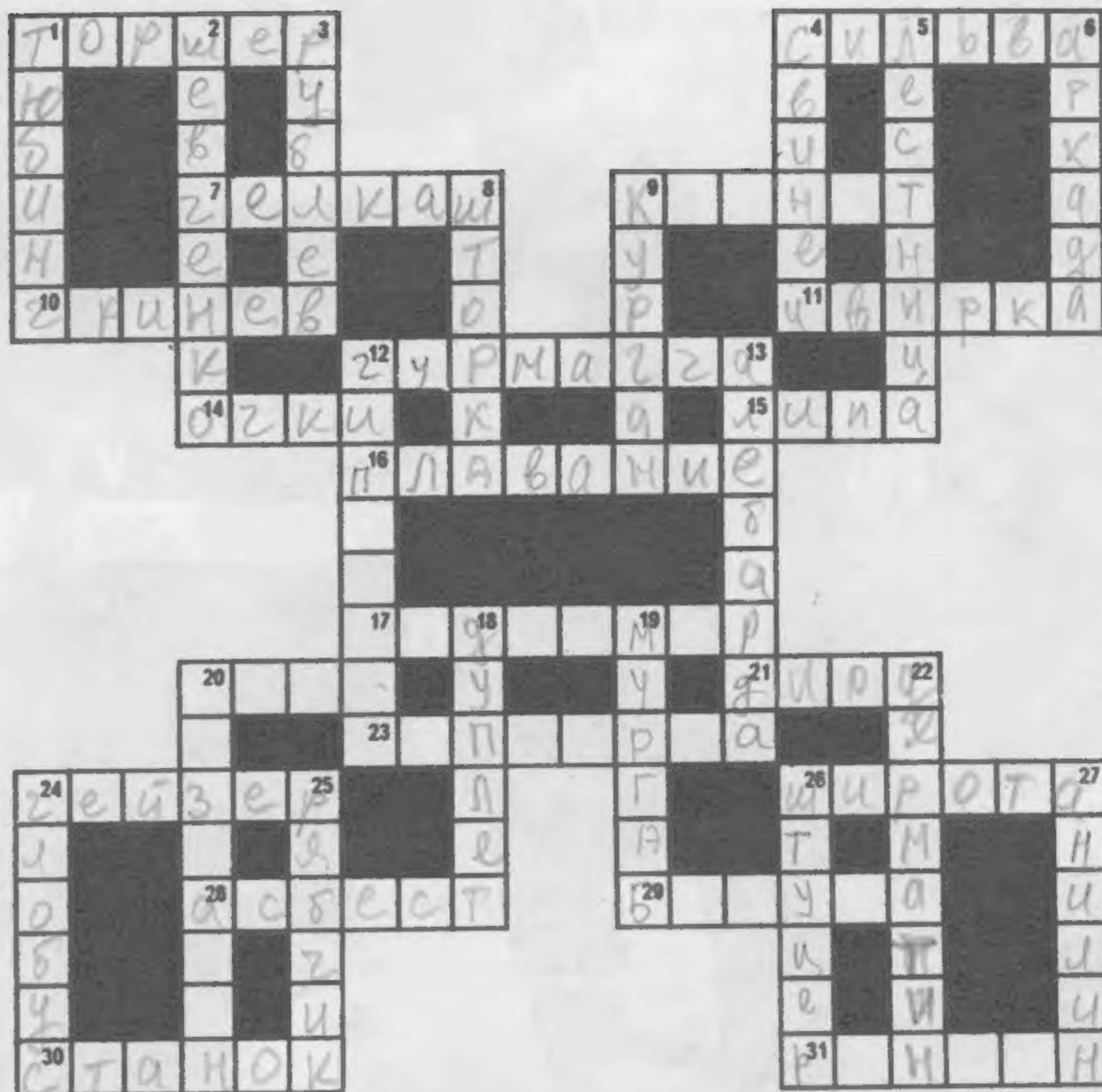

О, кресельный интим!
О, прелести перин!
Присядем —

и летим!
Приляжем —
и парим!

Взвиваясь до небес,
себя представишь вдруг
то гением словес,
то гением наук!..
Все перерешено,
что стоило решать,
меня томит одно:
си-

деть
или
ле-
жать?..

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Светильник на высокой подставке. 4. Оперетта И. Кальмана. 7. Рассказ М. Горького. 9. Духовой музыкальный инструмент. 10. Персонаж повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 11. Советский литовский писатель. 12. Монгольский космонавт. 14. Простейший оптический прибор. 15. Листовое дерево, медонос. 16. Вид спорта. 17. Электромагнитное устройство для нагрева проводников. 20. Французский композитор XVIII века. 21. Двухэлектродный прибор. 23. Приток Дона. 24. Источник, периодически выбрасывающий фонтан горячей воды. 26. Одна из географических координат. 28. Волокнистый минерал. 29. Естественная обстановка, где производится киносъемка. 30. Машина для обработки металла, дерева. 31. Народный художник СССР, оформлявший театральные сцены.

По вертикали: 1. Элемент сборной крепи тоннеля. 2. Украинский поэт, художник, революционный демократ. 3. Русский живописец XIV и XV веков. 4. Химический элемент, металл. 5. Сооружение для подъема и спуска. 6. Ряд дугообразных перекрытий. 8. Деталь затвора фотоаппарата. 9. Областной центр в РСФСР. 12. Спутник Сатурна. 13. Старинное оружие. 18. Особый удар в бильярдной игре. 19. Река в Туркмении. 20. Вечнозеленое эфирномасличное и декоративное растение. 22. Заменитель кожи. 24. Модель земного шара. 25. Лесная птица семейства тетеревиных. 26. Соединительный патрубок. 27. Вещество для производства красителей.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 36

По горизонтали: 4. Градобоев. 7. Лексикография. 10. Судак. 11. Флора. 12. Шатрова. 14. Борьба. 15. Романс. 16. «Крестьяне». 17. Диаграмма. 19. Гернси. 21. Аtrato. 23. Нарцисс. 26. Витюг. 27. Астат. 28. «Комсомольская». 29. Крапивник.

По вертикали: 1. Маринка. 2. Голотурия. 3. Поярков. 5. Медаль. 6. Диплом. 8. Луговедение. 9. Хронометраж. 12. Шаляпин. 13. Арзамас. 18. Арцимович. 20. Ньютон. 22. Руслан. 24. Автокар. 25. Сальяны.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Воскресный день на Клязьме.

Фото И. Гаврилова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: 13 сентября — День танкистов. Танки на марше.

Фото В. Грибова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

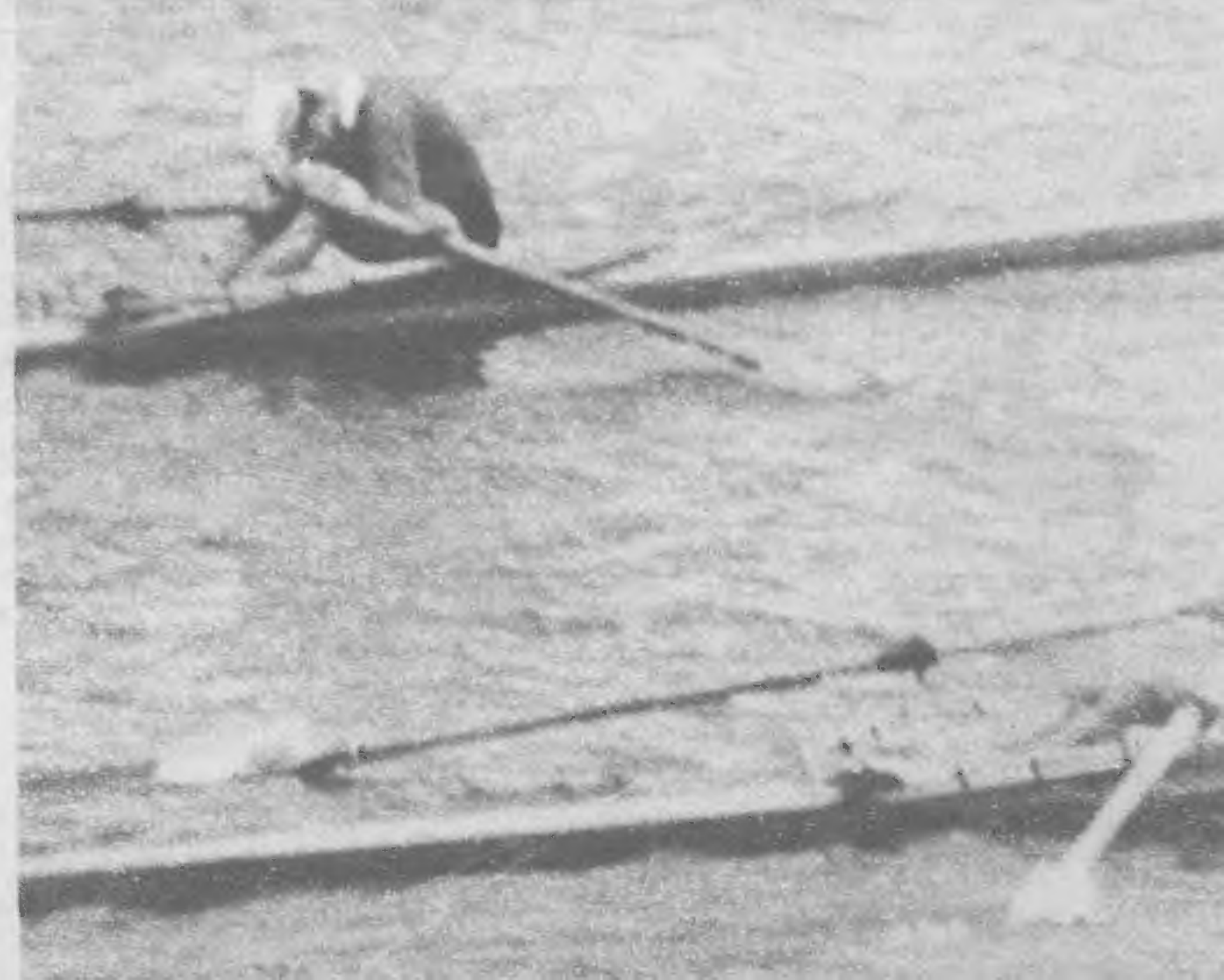
Сдано в набор 24.08.81. Подписано к печати 8.09.81. А 00424. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2319. Заказ № 1060.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137. ГСП, улица «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА

СПОРТИВН

ЫЕ МГНОВЕНИЯ

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

